

. II.

[Stable URL: <http://elar.uni Yar.ac.ru/jspui/handle/123456789/301>]

[2011: :]

« » / (.). . I .

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

« »
THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
"THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES"
YAROSLAVL BRANCH

YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

Научно-образовательный Центр антиковедения

**КОЛЛОКВИУМЫ ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МИРА.
Ч. II. ГРЕЦИЯ И РИМ**

**Тема III.
ПЕЛОПОННЕССКАЯ ВОЙНА**

*Методические указания по самостоятельной подготовке
для студентов I курса бакалавриата
направления «История»*

Составители В.В. Дементьева, О.Г. Цымбал

Ярославль 2011

Тема 3. ПЕЛОПОННЕССКАЯ ВОЙНА

1. Причины, повод и характер Пелопоннесской войны
2. I-й период Пелопоннесской войны – Архидамова война (431-421 гг. до н.э.)
3. Сицилийская экспедиция и Декелейская война (415-404 гг. до н.э.)
4. Итоги Пелопоннесской войны.

Основная учебная литература:

1. Боннар А. Греческая цивилизация. Т. 3. М., 1992. С. 67-84.
2. Бузескул В.П. История Афинской демократии. СПб., 2003. С. 162-170, 242-366.
3. Виппер Р.Ю. Лекции по истории Греции. Избр. соч.: в 2 т. Т. 1. Ростов н/Д. 1995. С. 230-255.
4. Древняя Греция: учебное пособие для вузов / Б.С. Ляпустин, И.Е. Суриков. М., 2007. С. 312-331.
5. История Древней Греции: Учеб./ Ю.В. Андреев, Г.А. Кошеленко, В.И. Кузицин, Л.П. Маринович; Под ред. В.И. Кузицина. 3-е изд. М., 2003. С. 197-207.
6. Сергеев В.С. История Греции. М., 2008. С. 398-431.
7. Фролов Э.Д. Пелопоннесская война // История древнего мира: в 3 т. / под ред. И.М. Дьяконова, В.Д. Нероновой, И.С. Свенцицкой. 3-е изд. М., 1989. Т. 2. С. 198-217.

Дополнительная литература:

1. Бузескул В.П. Перикл: Личность, деятельность, значение. Изд. 2-е. М., 2009. 120 с.
2. Гордеев В.Н. Мегарская политика Афин накануне и в первые годы Пелопоннесской войны // ВДИ. 1962. № 2. С. 74-88.
3. Гушин В.Р. Архидам и начало Пелопоннесской войны // Исседон. Т. 1. Екатеринбург, 2002. С. 53-62.
4. Доватур А.И. Фукидид и мегарская псефизма Перикла // ВДИ. 1982. № 1. С. 129-134.
5. Жебелев С.А. О «тирании тридцати» в Афинах // ВДИ. 1940. № 1. С. 27-34.
6. Конноли П. Греция и Рим. Энциклопедия военной истории. М., 2000. С. 36-49.
7. Корзун М.С. Социально-политическая борьба в Афинах в 444-425 гг. до н.э. Минск, 1975. 160 с.
8. Маринович Л.П. Греческое наемничество IV в. до н.э. и кризис полиса. М., 1975. 279 с.
9. Маринович Л.П. Наемники в период Пелопоннесской войны // ВДИ. 1968. № 4. С. 70-91.
10. Рунг Э.В. Греция и Ахеменидская держава: История дипломатических отношений в VI-IV вв. до н.э. СПб., 2008. С. 216-274.
11. Сахненко Л.А. Демагог Клеон // ВДИ. 1991. № 4. С. 71-82.
12. Соболевский С.И. Аристофан и его время. М., 1957.

13. Строецкий В.М. Античная традиция о причинах Пелопоннесской войны и отношение к ней в современной западноевропейской историографии // ВДИ. 1984. № 4. С. 114-124.
14. Строецкий В.М. Афины и Спарта. Борьба за гегемонию в Греции в V в. до н.э. (478-431 гг.). СПб., 2008. 291 с.
15. Строецкий В.М. Особенности внешней политики Афин и Спарты в начальный период первой Пелопоннесской войны (460—455 годы) // ВДИ. 1987. № 2. С. 37-51.
16. Строецкий В.М. Полис и империя в классической Греции. Учеб. пособ. Н.Новг., 1991. С. 173-184.
17. Фролов Э.Д. Социально-политическая борьба в Афинах в конце V в. до н.э. Л., 1964. 150 с.
18. Bloedow E. Hipponicus and Euthydemus (Euthynus) // Chiron. 1981. Vol.11. P. 65-72.
19. Lehmann G.A. Überlegungen zu den oligarchischen Machtergreifungen im Athen des 4. Jahrhunderts v. Chr. // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr. Stuttgart, 1995. S. 139-150.

При чтении произведений античных авторов выясните их политические взгляды, выявите тенденциозность источников. Сложилась ли в античной историографии единая концепция Пелопоннесской войны? Кто из ее представителей наиболее полно отразил события войны? Какие авторы считали Перикла виновным в начале войны?

Обратите внимание на то, что в историографии можно встретить расхождения в трактовке отдельных событий и конкретных проблем истории Пелопоннесской войны: например, различные решения проблемы характера войны и ее инициатора, различные определения политической власти Алкивиада. Попробуйте сформулировать свою точку зрения на указанные спорные моменты истории Пелопоннесской войны.

Анализируя причины войны, вспомните, какие союзы греческих полисов противостояли друг другу, когда они возникли. В чем заключался главный политический антогонизм в Греции? Чем была обусловлена активная внешняя политика Афин? Обратите внимание на экономические и социально-политические причины разногласия Афин и Спарты. Какую роль в развязывании военного конфликта сыграли внутривнутриполитические изменения в Афинском полисе? Вспомните даты и события Малой Пелопоннесской войны. В чем состояли столкновения Афин со Спартой и ее союзниками накануне войны (конкуренция Афин с Коринфом и Мегарой в Южной Италии, конфликт в Эпидамне и его последствия, мегарская псефизма, столкновение с Коринфом из-за Потидеи на Халкидике)?

Охарактеризуйте расстановку сил накануне войны. Опишите внутривнутриполитическую ситуацию в Афинах. Подробно остановитесь на следующих событиях: начало Архидамовой войны, эпидемия чумы в Афинах и ее последствия, восстание Митилены, взятие Потидеи, первый поход афинян в Южную Италию, занятие афинянами о. Сфактерии и о. Кифера, сражение у

Делия, поход Брасида, заключение Никиева мира и его условия. Дайте характеристику политическим лидерам Афин, активно принимавшим участие в Пелопоннесской войне на данном этапе: Периклу, Клеону, Никию.

Отвечая на третий вопрос, расскажите об избрании стратегом Алкивиада, дайте характеристику его личности. Осветите следующие события: Сицилийская экспедиция Афин и ее результаты, Декелейская война, ослабление Афинской архэ, олигархический переворот в Афинах в 411 г. до н.э. и восстановление демократии в 410 г. до н.э., поражение спартанского флота в битве при Аргинусских островах, победы спартанцев, блокада Афин и сдача города.

Рассматривая причины поражения Афин, обратите внимание на персидскую помощь Спарте, слабость Афинского морского союза, недостатки афинского плана ведения войны, авантюризм отдельных политических лидеров, т.е. на сочетание внутренних и внешних факторов субъективного и объективного характера. Был ли разгром Афин неизбежен и закономерен?

Отмечая итоги войны, подумайте, к каким политическим изменениям в Греции в целом и в Афинах в частности она привела. Каким образом война стимулировала разложение гражданского коллектива и те процессы, которые впоследствии привели к кризису греческого полиса (упадок народного собрания и гражданского ополчения, повышение роли наемных армий и их командиров, деформация полисной идеологии и морали)?

ФРАГМЕНТЫ ИСТОЧНИКОВ ПО ТЕМЕ «ПЕЛОПОННЕССКАЯ ВОЙНА»

Малая Пелопоннесская война

Фукидид. История. Книга I.

101. Между тем фасосцы, потерпев несколько поражений и осажденные афинянами, обратились за помощью в Лакеде-мон с призывом защитить их путем вторжения в Атику. Лакедемоняне (правда, втайне от афинян) обещали помощь и уже готовились совершить вторжение, но ему помешало разразившееся в Спарте землетрясение. В то же время в Фурии и Эфее подняли восстание илоты и периэки и захватили Ифому (большинство илотов были потомками поработанных некогда спартанцами древних мессенян, и поэтому все илоты назывались мессенянами). Так у лакедемонян началась война с мессенянами в Ифоме. Фасосцам же на третий год осады пришлось сдаться афинянам: они были вынуждены срыть стены своего города, выдать корабли, немедленно уплатить денежную контрибуцию, уплачивать отныне дань, а также отказаться от рудников и всех своих владений на материке.

102. Так как война с мессенянами в Ифоме затянулась, лакедемоняне призвали на помощь союзников, в том числе афинян. Афиняне прибыли со значительным отрядом под предводительством Кимона. Призвали же их лакедемоняне главным образом потому, что афиняне считались особенно искусными в осадном деле. Но так как осада затянулась надолго, то явно обнаружилось неумение афинян овладеть крепостью: иначе ведь они взяли бы город приступом. Лишь после этого похода впервые обнаружилось разногласия между лакедемонянами и афинянами. Так как силой взять город оказалось невозможно, то лакедемоняне из опасения, что афиняне при их своевольной и неустойчивой политике могут, будучи к тому же иноплеменниками, при затянувшемся пребывании выступить против них вместе с мятежниками в Ифоме, отослали афинян обратно (причем только их од-

них из всех союзников). Правда, лакедемоняне открыто не высказывали своих подозрений, но просто заявили, что помощь афинян им больше не нужна. Афиняне, однако, поняли, что их официально отсылают под столь благовидным предлогом, а в действительности им просто не доверяют. Они были возмущены и решили не терпеть более подобного обращения со стороны лакедемонян. По возвращении афиняне тотчас же разорвали союз, заключенный с ними для борьбы против Мидянина, и вступили в союз с врагами лакедемонян — аргосцами (а затем к этим двум городам присоединились, заключив клятвенный союз, также фессалийцы).

103. Между тем мессеняне в Ифоме не могли уж больше держаться и на десятый год осады заключили с лакедемонянами соглашение, получив право свободно покинуть Пелопоннес, с условием, однако, никогда туда не возвращаться, ибо каждого из них, застигнутого там, всякий имел право задержать и обратить в рабство. Еще перед этим пифийский оракул изрек лакедемонянам повеление отпустить всякого молящего о защите у алтаря Ифомского Зевса. Таким образом, мессеняне с женами и детьми покинули Пелопоннес, и афиняне из ненависти к лакедемонянам приняли их и переселили в Навпакт, только что захваченный ими у озольских локров. Мегарцы также присоединились к афинскому союзу, отложившись от лакедемонян, потому что коринфяне пошли на них войной из-за пограничной области. Афиняне тогда заняли Мегары и Пеги, отстроили мегарцам длинные стены от города к Нисее и поставили там свои гарнизоны. Именно с этого времени коринфяне и стали ожесточенными ненавистниками афинян.

104. В это время ливиец Инар, сын Псамметиха (царь ливийцев, граничивших с Египтом), из своего опорного пункта Марей, египетского города над Фаросом, поднял восстание против царя Артаксеркса, охватившее большую часть страны. Приняв на себя начальствование, Инар обратился за помощью к афинянам. Афиняне, которые как раз в это время выступили с союзниками на 200 кораблях в поход на Кипр, покинули Кипр и прибыли в Египет. Поднявшись затем вверх по Нилу, они овладели рекой и двумя третями Мемфиса, а потом напали на последнюю треть (так называемую «Белую Стену»), где нашли убежище бежавшие персы и мидяне и верные царю египтяне.

105. При высадке афинян в области Галиев произошла битва с коринфянами и эпидаврийцами, и победу одержали коринфяне. Позднее афиняне сразились в морской битве с пелопоннесской эскадрой при Кекрифалии и победили противника. Когда затем разразилась война афинян с эгинцами, то в большом сражении при Эгине (с участием союзников с обеих сторон) победителями вышли афиняне; они захватили 70 кораблей эгинцев. Затем, высадившись на острове под предводительством Леократа, сына Стреба, афиняне осадили город. После этого на помощь эгинцам пелопоннесцы переправили 300 гоплитов (которые раньше были на службе у коринфян и эпидаврийцев). Они захватили также горную цепь Герании, откуда коринфяне с союзниками вторглись в Мегариду. Афиняне теперь, как думали коринфяне, уже не смогут помочь мегарцам (ведь большая часть их войска находилась на Эгине и в Египте). Если же афиняне все же захотели бы выручить мегарцев, то им пришлось бы покинуть Эгину. Тем не менее афиняне не отозвали своего войска с Эгины, а набрали новый отряд (из оставшихся в городе по возрасту) и отправили его под начальством Миро-нидаб в Мегары. После безрезультатного сражения с коринфянами противники разошлись, причем ни та, ни другая сторона не признала себя побежденной. После ухода коринфян афиняне (которые действительно имели некоторый перевес) воздвигли трофей. Коринфяне между тем, возвратившись домой, были встречены там упреками и издевками стариков и поэтому спустя дней двенадцать снова вооружились, вернулись на поле битвы и там воздвигли свой трофей как победители. Тогда афиняне совершили внезапное нападение на коринфян из Мегар, перебили людей, поставивших трофей, а остальных одолели в схватке.

106. Разбитые коринфяне начали отступление. При этом довольно значительный отряд их, преследуемый неприятелем, сбился с пути и попал в усадьбу частного человека — земельный участок, обведенный широким рвом без выхода на другой стороне. Заметив

это, афиняне поставили перед входом гоплитов, а вокруг — легковооруженных воинов и перебили всех бывших там камнями. Для коринфян это поражение было большим бедствием. Впрочем, большая часть отряда коринфян благополучно вернулась домой.

107. Приблизительно в это время афиняне начали строительство Длинных Стен до моря как к Фалерской гавани, так и к Пирею. И фокидяне совершили вторжение в Дориду, древнюю родину лакедемонян с городами Бэем, Китинием и Эринеем, и даже овладели одним из этих городов. Тогда лакедемоняне во главе с Никомедом, сыном Клеомброта (который правил вместо несовершеннолетнего царя Плистоанакта, сына Павсания), явились на помощь дорийцам с 1500 своих гоплитов и 10 000 союзников. Заставив фокидян пойти на соглашение и отдать город, лакедемоняне собрались в обратный путь. При попытке переправиться морем через Крисейский залив лакедемоняне могли бы ожидать помехи со стороны крейсировавшей там афинской эскадры. Путь же через Геранию считался небезопасным, так как афиняне стояли в Мегарах и Пегах. Действительно, труднопроходимые дороги в Геранию находились под постоянным наблюдением афинян, которые намеревались (как только что узнали лакедемоняне) и здесь их не пропустить. Тогда лакедемоняне решили пока что остаться в Беотии и обдумать, как безопаснее всего им возвратиться домой. Между прочим, их тайно побуждали к этой остановке в Беотии некоторые афиняне, рассчитывавшие с их помощью свергнуть демократию и помешать строительству Длинных Стен. Между тем афиняне все поголовно выступили против лакедемонян вместе с 1000 аргосцев и подошедшими отрядами прочих союзников (а всего в совокупности 14 000 человек). Афиняне предприняли этот поход, решив, что лакедемоняне никак не смогут пройти на родину, а отчасти и оттого, что заподозрили попытку лакедемонян свергнуть демократию. На помощь афинянам, согласно союзному договору, явилась также и фессалийская конница, которая, однако, во время битвы перешла на сторону лакедемонян.

108. В битве, которая произошла при Танагре в Беотии, победу одержали лакедемоняне с союзниками (причем обе стороны понесли тяжелые потери). Потом лакедемоняне вступили в Мегариду и, опустошив поля и вырубив плодовые деревья, возвратились домой через Геранию и Истм. Спустя 62 дня после битвы афиняне во главе с Миронидом вторглись в Беотию, разбили беотян в битве при Энофитах и подчинили всю Беотию и Фокиду. Они велели затем срыть стены Танагры, приказали опунтским локрам выдать 100 заложников из богатейших граждан. К тому же времени они завершили постройку своих Длинных Стен. Вскоре за тем эгинцы также сдались афинянам; им тоже пришлось разрушить стены, выдать свои корабли и платить отныне подать. Афинская эскадра под начальством Толмида, сына Толмея, обогнула также Пелопоннес. Афиняне сожгли корабельную верфь лакедемонян, захватили коринфский город Халкиду и, высадившись в Сикионской области, одержали победу над сикионцами.

Перевод Г.А. Стратановского

Вопросы по тексту источника:

1. Что стало причиной разрыва отношений между Афинами и Спартой?
2. Расскажите о военных успехах и неудачах Афин в Малой Пелопоннесской войне.

Конфликт в Эпидамне

Фукидид. История. Книга I.

23. (4) Начали же войну афиняне и пелопоннесцы, нарушив 30-летний мир, который заключили после завоевания Евбеи. (5) Прежде всего скажу о причинах разрыва мирного договора и взаимных жалоб сторон, чтобы никому не пришлось доискиваться, отчего разразилась в Элладе столь великая война. (6) Истинным поводом к войне (хотя и самым скрытым), по моему убеждению, был страх лакедемонян перед растущим могуществом

Афин, что и вынудило их воевать. Причины же, на которые обе стороны открыто ссылались (из-за чего они, по их словам, нарушили мир, открыв военные действия), были следующие.

24. Есть по правую руку при входе в Ионический залив город Эпидамн. В соседней области живут тавлантии — варвары иллирийского племени. (2) Город основали керкиряне, основателем же колонии был Фалий, сын Эратоклида, из рода Гераклидов, коринфянин, которого, по старинному обычаю, призвали из метрополии. В основании колонии приняли участие также некоторые коринфяне и другие дорийцы. (3) С течением времени Эпидамн стал большим городом с многочисленным населением. (4) Однако после многих лет междоусобных распрей город, гласит предание, понес тяжкий урон в какой-то войне с соседями-варварами и поэтому в значительной степени потерял свое бывшее могущество. (5) Незадолго до этой войны народ изгнал из города главарей знатных родов, а те в союзе с варварами принялись грабить жителей города на суше и на море. (6) Будучи в таком бедственном положении, горожане отправляют посольство в Керкиру, как в свою метрополию, с просьбой не покидать их на произвол судьбы, но примирить с изгнанниками и прекратить войну с варварами. (7) Об этом послы и просили, воссев как молящие о защите в святилище Геры в Керкире. Керкиряне же не вняли просьбе послов, и те были вынуждены уехать, ничего не добившись.

25. Поняв, что им нечего ждать помощи от Керкиры, и не находя выхода из настоящего затруднения, эпидамняне отправили послов в Дельфы спросить бога, не следует ли им отдать свой город под покровительство Коринфа, как их второй метрополии, и постараться получить оттуда помощь. Бог в ответ повелел отдать город под покровительство коринфян и признать их верховенство. (2) Тогда эпидамняне прибыли в Коринф и по велению оракула отдали свою колонию под покровительство коринфян, ссылаясь на то, что основатель их города происходил из Коринфа. Затем они сообщили изречение оракула и просили не оставить их в беде и оказать помощь. (3) Коринфяне по всей справедливости предоставили свою помощь эпидамнянам. Они полагали, что Эпидамн одинаково можно считать как их колонией, так и колонией керкирян; вместе с тем они обещали помощь и из ненависти к керкирянам, потому что те, будучи их колонистами, пренебрегали ими. (4) И действительно, керкиряне на всенародных празднествах не предоставляли коринфянам установленных обычаем почестей и не давали ни одному коринфянину (как это было принято в прочих колониях) права первенства при жертвоприношениях. И вообще выказывали коринфянам свое пренебрежение, так как в то время Керкира по богатству стояла наравне с богатейшими эллинскими городами, да и к войне была подготовлена лучше других. Керкиряне гордились своим весьма сильным флотом и тем, что когда-то прежде на Керкире обитали славные мореходы феаки (по этой-то причине керкиряне придавали особое значение флоту и действительно были достаточно могущественны: в начале войны у них было 120 триер).

26. Итак, имея все основания упрекать керкирян, коринфяне охотно направили в Эпидамн просимую помощь: они предоставили право всем желающим отправиться туда колонистами и послали гарнизон из ампракиотов, левкадян и собственных граждан. (3) Весть о прибытии в Эпидамн поселенцев и гарнизона, а также о том, что колония отдалась под покровительство коринфян, вызвала на Керкире сильное раздражение. Керкиряне тотчас же отправили в Эпидамн 25 кораблей и вскоре затем вторую эскадру и, угрожая, потребовали вернуть изгнанников и отослать назад коринфский гарнизон и поселенцев (на Керкиру между тем прибыли изгнанники-аристократы из Эпидамна: ссылаясь на могилы предков и на родственные связи, они молили керкирян вернуть их на родину). (4) Однако эпидамняне все-таки не подчинились; тогда керкиряне в союзе с иллирийцами выступили на 40 кораблях в поход на Эпидамн, везя с собой изгнанников, чтобы вернуть их силой.

27. Лишь только коринфяне от прибывших к ним вестников из Эпидамна узнали об осаде, они стали готовиться к походу, вместе с тем они пригласили всех желающих на основе справедливости и равноправия участвовать в основании колонии в Эпидамне. Если же кто

из желающих отправиться еще не готов к отъезду, то может остаться, внося в казну 50 коринфских драхм. Нашлось много как пожелавших ехать, так и внесших деньги.

28. Когда керкиряне узнали об этих приготовлениях, то прибыли в Коринф вместе с послами лакедемонян и сикионян (которых они взяли с собой) и потребовали от коринфян отозвать гарнизон и колонистов из Эпидамна, ибо у них нет права на Эпидамн. (4) Коринфяне же отвечали им: если керкиряне уведут свои корабли и варваров от Эпидамна, тогда они и будут обсуждать этот спор с ними. Но пока Эпидамн в осаде, им, коринфянам, не пристало здесь заводить тяжбы с керкирянами. (5) Керкиряне возражали на это: если коринфяне уведут свои военные силы из Эпидамна, то они готовы сделать то же. Они согласны также на то, чтобы, оставаясь на прежних местах, заключить перемирие до решения дела в третейском суде.

29. Однако коринфяне не желали и слышать о подобных предложениях. Лишь только команда была посажена на корабли и союзники прибыли, они выслали вперед глашатая объявить войну керкирянам.

31. Целый год, равно как и следующий после морской битвы, коринфяне, раздраженные неудачей, усердно готовились к войне с керкирянами. Они строили корабли и набирали за плату матросов из самого Пелопоннеса и из остальной Эллады, всеми силами стремясь подготовиться к морскому походу. (2) Узнав об этих приготовлениях, керкиряне пришли в смятение; ведь они не состояли в союзе ни с одним из эллинских городов и не заключили союзного договора ни с афинянами, ни с лакедемонянами. Поэтому они решили отправиться к афинянам, чтобы вступить с ними в союз и попытаться получить от них помощь. (3) Когда это решение стало известно коринфянам, они также отправили посольство в Афины, опасаясь, что объединение морских сил афинян и керкирян не позволит закончить войну на желательных для коринфян условиях.

44. <...> Афиняне же выслушали обе стороны и даже созывали народное собрание дважды. На первом собрании афиняне склонились скорее на доводы коринфян. На следующий же день, на вторичном собрании они передумали и приняли решение вступить в союз с Керкирой, правда, не такой, чтобы иметь общих друзей и врагов (ведь требование керкирян напасть вместе с ними на Коринф с моря означало бы для афинян нарушение договора с пелопоннесцами). Был заключен оборонительный союз на условиях взаимопомощи в случае нападения на Керкиру и Афины или на одного из их союзников. (2) Ведь афиняне были убеждены, что воевать с пелопоннесцами придется во всех случаях, и потому не желали отдавать Керкиру с ее сильным флотом в руки коринфян. Прежде всего, однако, они желали по возможности перессорить их между собой для того, чтобы в войне с Коринфом или с другой морской державой, во всяком случае, иметь дело с уже ослабленным противником. (3) Вместе с тем было очевидно особое благоприятное географическое положение острова Керкиры на пути в Италию и Сицилию.

45. Таким образом оценивали афиняне обстановку, заключив союз с керкирянами. После отъезда коринфских послов они послали на помощь Керкире 10 кораблей под командой Лакедемония, сына Кимона, Диотима, сына Стромбиха, и Протея, сына Эпикла.

46. Коринфяне же, завершив военные приготовления, на 150 кораблях отплыли против Керкиры. <...>

53. Итак, коринфяне решили отправить к афинянам несколько человек в лодке без жезла глашатая, чтобы разведать положение дела. Посланцам они велели сказать вот что: «Несправедливо, афиняне, вы поступаете, начиная воевать и нарушая мирный договор. Мы хотим наказать наших врагов, а вы преграждаете нам путь силой оружия. Если вы действительно решили нарушить мир и помешать нам плыть на Керкиру или куда-либо в другое место, то нападайте сейчас и считайте нас врагами». (2) Так сказали коринфяне. А керкиряне на кораблях, услышав эти слова, общим криком потребовали схватить и умертвить посланцев. Афиняне же отвечали так: «Пелопоннесцы, мы вовсе не собираемся воевать и нарушать договор, а пришли лишь на помощь керкирянам, нашим союзникам. Мы

не препятствуем вам плыть куда-нибудь в другое место. Но если вы нападете на Керкиру или на ее владения, то мы постараемся по возможности не допустить этого».

54. После такого ответа афинян коринфяне начали приготовления к отплытию домой и воздвигли трофей на материке у Сибот. Керкиряне же подобрали обломки своих кораблей и тела погибших, вынесенные течением и поднявшимся ночью ветром, который повсюду выбросил их на берег, и также поставили трофей на Сиботах как победители.

55. Между тем на обратном пути коринфяне хитростью захватили Анакторий, город, основанный совместно Коринфом и Керкирой при выходе из Ампракийского залива. Оставив там своих колонистов, они возвратились затем домой. Из числа керкирских пленников коринфяне продали 800 человек (которые были рабами), а 250 оставили в плену и обращались с ними хорошо, чтобы по возвращении на Керкиру те могли оказать им содействие (к тому же, как оказалось, большинство пленников принадлежало к числу знатнейших граждан города). (2) Так-то керкиряне счастливо избавились от войны с Коринфом, и поэтому афинские корабли возвратились домой. Это стало, однако, первым поводом к войне коринфян с афинянами, поскольку афиняне начали во время перемирия с ними войну на стороне керкирян.

Перевод Г.А. Стратановского

Вопросы по тексту источника:

1. В чем состояли причины конфликта между Эпидамном и Керкирой? Каким образом Коринф и Афины вмешались в эти события?
2. Почему для афинян было важно сохранить союзнические отношения с Афинами?
3. Что Фукидид считал истинными причинами столкновений Афинского и Пелопоннесского союзов?

Столкновения Афин и Коринфа из-за Потидеи. Мегарская Псефисма Фукидид. История. Книга I.

56. Непосредственно после этого еще и другие события явились дальнейшим поводом к войне афинян с Пелопоннесцами. (2) Коринфяне искали возможности отомстить афинянам, и их враждебные намерения не остались тайной для афинян. Поэтому афиняне приказали Потидее, колонии коринфян на перешейке Паллены (одному из союзных городов-данников), снести городские стены на южной стороне, обращенной к Паллене, выдать заложников, выслать эпидемиургов (уполномоченных, ежегодно посылаемых туда из Коринфа) и впредь больше их не принимать. Афиняне опасались, как бы жители Потидеи, подстрекаемые Пердиккой и коринфянами, не восстали против них и не склонили к отпадению все остальные фракийские города.

57. На эти меры против Потидеи афиняне решились тотчас же после морской битвы у Керкиры. (2) Ведь коринфяне уже тогда были явными врагами афинян, а их прежний друг и союзник Пердикка, сын Александра, царь Македонии, еще раньше поссорился с ними (3) за то, что они заключили союз с его врагами — братом Филиппом и Дердой. (4) Встревоженный этим Пердикка повсюду начал вести переговоры: он отправил послов в Лакедемон подстрекать пелопоннесцев к войне с афинянами; старался привлечь на свою сторону коринфян, чтобы подготовить отпадение Потидеи. (5) Пердикка побуждал также халкидян и боттиеев на фракийском побережье восстать против афинян в надежде, что вместе с этими своими соседями ему будет легче вести войну с афинянами. (6) Узнав об этих происках Пердикки, афиняне, чтобы предотвратить отпадение городов, послали в Македонию 30 кораблей и 1000 гоплитов под начальством Архестрата, сына Ликомеда, и десяти других военачальников, которым был дан приказ взять в Потидее заложников, заставить срыть городскую стену и зорко следить за соседними городами, чтобы те не восстали.

58. Потидейцы же отправили послов к афинянам, пытаясь побудить их отказаться от задуманных враждебных мер. Вместе с коринфянами они обратились также и в Лакедемон,

с тем чтобы на всякий случай заручиться помощью оттуда. В Афинах после долгих переговоров им не удалось добиться успеха, и корабли афинян, отплывавшие в Македонию, получили направление и против Потидеи. В Лакедемонне же власти заверили потидейцев, что в случае нападения афинян на Потидею лакедемоняне вторгнутся в Аттику. Тогда-то потидейцы решили, что настала пора при таких благоприятных обстоятельствах вместе с халкидянами и боттиями (которые ради этого связали себя с ними клятвенным союзом) отпасть от Афин. (2) Пердикка же убедил халкидян покинуть и разрушить свои приморские города и переселиться дальше внутрь страны — в Олинф — и превратить этот город в неприступную крепость. Царь отдал даже в пользование этим переселенцам (на время войны с афинянами) участок своей земли в Мигдонии на озере Больба. Халкидяне разрушили свои города и, переселившись в глубь страны, стали готовиться к войне.

59. Между тем 30 афинских кораблей, прибыв на фракийское побережье, обнаружили, что Потидея и другие города уже отпали от Афин. Военачальники, однако, не сочли возможным с наличными силами одновременно вести войну с Пердиккой и с восставшими городами. Поэтому они обратились против Македонии (для чего их первоначально и послали). Высадившись там, они открыли военные действия вместе с Филиппом и братьями Дерды, которые со своими отрядами вторглись в Македонию из глубины страны.

60. Теперь, после отпадения Потидеи, в тот момент, когда аттическая эскадра появилась в македонских водах, коринфяне испугались за участь города. Видя в этом опасность и для самих себя, они послали на помощь отряд своих собственных добровольцев и наемников из других пелопоннесских городов, всего 1600 гоплитов и 400 легковооруженных воинов. (2) Во главе их поставили Аристея, сына Адиманта (он был старинным другом потидейцев, и из дружбы к нему собралось добровольцами большинство коринфских воинов). (3) Спустя 40 дней после отпадения Потидеи они прибыли к берегам Фракии.

61. Вскоре пришло и к афинянам известие об отпадении городов. И когда афиняне узнали, что войско Аристея уже близко, то послали против восставших 2000 гоплитов из афинских граждан и 40 кораблей под начальством Каллия, сына Каллиада, и четырех других военачальников. <...>

65. Таким образом, город был теперь совершенно отрезан, и у Аристея уже не оставалось надежды на спасение, если только из Пелопоннеса или откуда-либо еще не придет неожиданная помощь.

66. Это стало вторым мотивом вражды между афинянами и пелопоннесцами. Коринфяне не могли простить афинянам осаду Потидеи, их колонии, и находившихся там коринфян и пелопоннесцев. Афиняне же были в обиде на то, что пелопоннесцы склонили к восстанию их союзный город-данник и даже открыто сражались против них, помогая потидейцам. Однако настоящая война еще не разразилась, и перемирие пока еще продолжалось, ибо коринфяне до сих пор действовали на свой страх и риск.

67. Теперь, однако, блокада Потидеи не давала покоя коринфянам, и не только потому, что в городе находились их люди, но и оттого, что они опасались за участь самого города. Итак, тотчас же после начала осады коринфяне стали приглашать союзников на собрание в Лакедемон и, прибыв туда, обрушились на афинян как на нарушителей договора, не считающихся с правами Пелопоннеса. (2) Эгинцы из страха перед афинянами не решились открыто отправить послов на собрание, но втайне вместе с коринфянами еще яростнее подстрекали к войне, жалуясь на потерю своей независимости вопреки договору. (3) Лакедемоняне также пригласили своих союзников и всех, кто жаловался на притеснение афинян. Созвав обычное народное собрание, они предложили всем желающим высказывать свои жалобы. Тогда союзники начали один за другим выступать с обвинениями, в особенности мегарцы. Наряду со многими другими претензиями основная жалоба мегарцев состояла в том, что, вопреки договору, их лишают доступа в гавани афинской державы и на рынок Аттики.

Перевод Г.А. Стратановского

Вопросы по тексту источника:

1. Какие события стали причиной отпадения Потидеи? Почему Спарта вмешалась в этот конфликт?
2. Что вызывало недовольство мегарцев?

Переговоры между Афинами и Спартой

Фукидид. История. Книга I.

115. Вскоре после ухода с Евбеи афиняне заключили с лакедемонянами и их союзниками тридцатилетний мир, причем отдали свои пелопоннесские владения: Нисею, Пеги, Трезен и Ахайю. (2) Шесть лет спустя вспыхнула война Самоса с Милетом из-за Приены. Когда милетяне стали терпеть поражения, то обратились к афинянам с жалобами на самосцев. Однако и на Самосе нашлись люди, желавшие политических перемен. (3) Поэтому афиняне отплыли на Самос с 40 кораблями, установили там демократию и потребовали выдачи в качестве заложников 50 мальчиков и столько же взрослых мужчин и затем отправили их на Лемнос. Оставив на Самосе гарнизон, афиняне отплыли назад. (4) Между тем некоторые самосцы, не ожидая высадки афинян, бежали на материк в Сарды и там договорились с влиятельными лицами из местной аристократии и с Писсуфном, сыном Гистаспа, который был тогда сатрапом Сард, совершить внезапное нападение на Самос. С отрядом человек в 700 заговорщики ночью переправились на остров. (5) Прежде всего они напали на главарей демократического правительства, большинство которых им удалось захватить. Затем похитили своих заложников с Лемноса, открыто объявили независимость и выдали захваченный ими афинский гарнизон и начальников, поставленных Периклом, Писсуфну. После этого заговорщики тотчас же стали готовиться к походу на Милет. Одновременно с ними восстали также и византийцы.

118. Через несколько лет произошли упомянутые выше раздоры на Керкире и в Потидее, а также и остальные события, послужившие непосредственным поводом к этой войне. (2) Все эти военные действия эллинов друг против друга и против Варвара падают приблизительно на пятидесятилетие, прошедшее со времени ухода Ксеркса из Эллады до начала этой войны. За эти годы афиняне не только укрепили внешнее положение своей державы, но и сам город достиг великой мощи. Лакедемоняне же хотя и замечали рост афинского могущества, но почти никогда не чинили афинянам помех; большую часть этого периода они сохраняли спокойствие, во-первых, потому что без особой необходимости вообще не начинали войн, а кроме того, и потому, что были отвлечены своей внутренней войной. Когда же наконец Афины достигли явного преобладания и стали даже нападать на союзников лакедемонян, те сочли подобное положение недопустимым, Они решили теперь со всем усердием взяться за дело и по возможности сокрушить могущественного врага силой оружия. (3) Сами лакедемоняне уже признали, что мир нарушен по вине афинян, но все же отправили посольство в Дельфы спросить бога: разумно ли им начинать войну или нет. А бог, как говорят, изрек в ответ: если они будут вести войну всеми силами, то победят, а сам он — званный ли, незванный — будет на их стороне. <...>

125. Выслушав мнение всех союзников, лакедемоняне провели голосование среди всех присутствующих по порядку, не делая различия между большими и малыми городами. И большинство городов подало голос за войну. (2) Сразу же выполнять это решение было невозможно ввиду недостаточной подготовленности к войне пелопоннесских союзников. Поэтому постановили, чтобы каждый город сделал необходимые приготовления, и притом немедленно. Тем не менее, подготовка к войне заняла много времени (хотя и не целый год), прежде чем дело дошло до вторжения в Аттику и открытого начала военных действий. <...>

139. Вот какие требования выставили лакедемоняне при первом посольстве относительно изгнания осквернителей, и что афиняне, в свою очередь, потребовали от них. Затем лакедемоняне еще много раз отправляли посольство в Афины, настоятельно предлагая снять осаду Потидеи и признать независимость Эгины. Но прежде всего и совершенно опреде-

ленно лакедемоняне заявляли, что войны не будет, если афиняне отменят постановление о мегарцах, которое гласило: мегарцам запрещается пользование гаванями в пределах афинской державы и аттическим рынком. (2) Афиняне, однако, отвергли все эти требования и, в частности, не отменили мегарского постановления. Со своей стороны, они обвиняли мегарцев в том, что те запахали священный участок и спорную землю и укрывают у себя беглых рабов. (3) Наконец, из Лакедемона прибыли еще послы — Рамфий, Мелесипп и Агесандр. Не касаясь поднятых прежде вопросов, послы ограничились только следующим заявлением: «Лакедемоняне желают мира, и мир будет, если вы признаете независимость эллинов». Тогда афиняне созвали по этому вопросу народное собрание, и было решено, обсудив все обстоятельства, дать лакедемонянам окончательный ответ. (4) Мнения многочисленных ораторов, выступавших на собрании, разделились: одни были за войну, между тем как другие считали, что мегарское постановление не должно быть помехой миру и его следует отменить. Тогда выступил Перикл, сын Ксантиппа, в то время — первый человек в Афинах, одинаково выдающийся как оратор и как государственный деятель, и обратился к собранию с такой речью. <...>

141. Поэтому обдумайте, желаете ли вы идти на уступки лакедемонянам, пока вы еще не пострадали от войны, или мы будем вести войну (что мне, по крайней мере, думается, лучше), не уступая ни при каких обстоятельствах и без страха отстаивая наше достоинство. Ведь любое требование — малое или большое, — выставленное против равных себе до решения суда, притязает на порабощение. (2) Что касается нашей и их боевой силы и наличия средств, то знайте, что мы не слабее пелопоннесцев. Выслушайте об этом подробнее. Пелопоннесцы — земледельцы и живут от трудов рук своих. (3) И ни в частных руках, ни в казне денег у них нет. На долгие войны, да еще и в заморских странах, дни не решаются, но по бедности ведут войны только между собой — и то лишь кратковременно. (4) Такие люди не могут снаряжать корабли и редко выступают в походы на суше, так как им приходится оставлять свои занятия (а жить они должны на свои средства), к тому же они отрезаны нами от моря. (5) Полная казна скорее дает средства для войн, чем принудительные налоги. Земледельцы, живущие своим трудом, готовы на войне скорее рисковать жизнью, чем своим добром, зная, что жизнь свою могут и сохранить, тогда как деньгам угрожает опасность иссякнуть, особенно если война вопреки расчетам (как это вполне вероятно) затянется надолго. (6) Ведь в одном сражении пелопоннесцы с союзниками могут устоять против всех эллинов. Вести же войну с противником совершенно иначе вооруженным, чем они, они не в состоянии, пока у них нет единой постоянной союзной власти. Поэтому-то они и не способны тотчас же быстро и решительно действовать. Действительно, при всеобщем равноправии это — разноплеменный союз, и каждый союзный город стремится соблюдать лишь свои частные интересы; отчего у них обычно не выходит ничего дельного. (7) Ведь если одни желают причинить кому-либо как можно больший урон, то другие стремятся потратить как можно меньше средств для войны. На коротких совещаниях у них редко обсуждаются общесоюзные дела, а большей частью — только частные дела отдельных городов. Каждый считает, что его собственное нерадение не принесет вреда и что об общем благе позаботится вместо него кто-нибудь другой. И именно потому, что каждый занят своими частными делами, они не замечают, что страдают их общие интересы. <...>

144. Много я вижу и других оснований надеяться, что мы одержим верх, если только не будем стремиться к новым завоеваниям и без нужды подвергаться опасностям. Я опасюсь гораздо больше наших собственных ошибок, чем вражеских замыслов. (2) Но об этом — в другой раз, когда дело действительно дойдет до войны. А теперь сначала отпустим послов, дав им следующий ответ: мы открываем мегарцам наш рынок и гавани, если лакедемоняне также перестанут изгонять чужестранцев — нас, афинян, и наших союзников (ведь и то, и другое соответствует мирному договору); мы признаем и независимость союзников (поскольку они были уже независимыми при заключении договора), если лакедемоняне также предоставят своим городам управляться по их собственному усмотрению,

а не только по произволу лакедемонян. Мы также готовы, согласно договору, подчиниться решению третейского суда. Войны мы не начнем, но в случае нападения будем защищаться. Это справедливый и достойный нашего города ответ. (3) Однако следует иметь в виду, что война неизбежна. И чем охотнее мы примем вызов, тем менее яростным будет нападение врагов. Помните, что там, где величайшие опасности, там и величайшие почести для города и для каждого отдельного гражданина. (4) Наши отцы выдержали натиск мидян (хотя и начали войну, не обладая столь великими средствами нашей державы, как мы, и им даже пришлось бросить свое имущество), и изгнанием Варвара, и тем, что возвысили нашу державу до ее теперешнего величия, они обязаны более своей мудрости, чем слепому счастью, и более своей моральной стойкости, чем материальной силе. (5) Мы должны быть достойны наших предков и всеми силами противостоять врагам, с тем чтобы передать потомству нашу державу не менее великой и могущественной».

145. Такова была речь Перикла. Афиняне же, убедившись, что его совет — наилучший, приняли соответствующее постановление. Они дали ответ лакедемонянам согласно предложению Перикла как по каждому отдельному пункту, так и в целом, заявив, что отказываются что-либо делать по приказу, но готовы, согласно договору, улаживать споры третейским судом под условием полного равенства. С этим ответом послы возвратились домой, и лакедемоняне других посольств больше не посылали.

Перевод Г.А. Стратановского

Вопросы по тексту источника:

1. Каковы были условия Тридцатилетнего мира между Афинами и Спартой?
2. На ком, по мнению Фукидида, лежит ответственность за развязывание войны?
3. На каких условиях Спарта готова была сохранить мир с Афинами?
4. Какие аргументы привел Перикл, убеждая соотечественников не соглашаться на условия спартанцев?

Начало Архидамовой войны

Фукидид. История. Книга II.

7. Платейское дело было, конечно, явным нарушением мирного договора, и афиняне стали готовиться к войне. Лакедемоняне с союзниками также начали приготовления к войне, причем обе стороны намеревались отправить посольства к персидскому царю и тем варварским племенам, от которых можно было ждать помощи. Кроме того, и те и другие искали союзников среди независимых городов, находившихся вне сферы их влияния. (2) Лакедемоняне приказали дружественным им городам Италии и Сицилии выставить вдобавок к уже имевшимся в Пелопоннесе кораблям двести кораблей, в соответствии с величиной каждого города. Лакедемоняне собирались довести общее количество кораблей пелопоннесского флота до 500. Города были обязаны иметь наготове определенную сумму денег и ничего не предпринимать до окончания всех приготовлений, но также допускать в свои гавани отдельные афинские суда. (3) Афиняне же производили смотр наличных сил своих союзников и отправляли послов больше всего в области за Пелопоннесом: в Керкиру, Кефаллению, Акарнанию и Закинф. Афиняне понимали, что, обеспечив за собой дружбу этих городов, они смогут одолеть пелопоннесцев, окружив их со всех сторон. <...>

9. С такими приготовлениями и в таком настроении оба города вступали в войну. В начале войны у обеих держав были следующие союзники. (2) Сторону лакедемонян держали все пелопоннесцы по сю сторону Истма, кроме аргосцев и ахейцев (которые жили в дружбе с обеими сторонами. Только одни ахейцы из Пеллены с самого начала стали на сторону лакедемонян, а впоследствии к ним примкнули и остальные ахейцы). За пределами Пелопоннеса в союзе с лакедемонянами находились мегарцы, беотийцы, фокийцы, локры, ампракийцы, левкадяне, анакторийцы. (3) Из них коринфяне, мегарцы, сикионцы, пеллены, элейцы, ампракийцы, левкадяне снаряжали корабли. Конница была выставлена бе-

отийцами, фокийцами и локраями; остальными городами — пехота. (4) Таковы были союзники лакедемонян. Союзниками же афинян были: хиосцы, лесбосцы, платейцы, мессенцы (что в Навпакте), большинство акарнанцев, керкиряне, закинфяне и другие городанники, находившиеся в областях, принадлежавших следующим народностям: приморская часть Карий, соседние с Карией дорийцы, Иония, Геллеспонт, фракийское побережье, острова к востоку между Пелопоннесом и Критом и все остальные Киклады, кроме Мелоса и Феры. (5) Из их числа корабли выставляли хиосцы, лесбосцы и керкиряне, остальные — пехоту и деньги. Таковы были союзники и боевые силы обеих сторон.

10. Сразу же после платейских событий лакедемоняне решили совершить вторжение в Аттику и приказали пелопоннесским городам и своим иноземным союзникам снарядить войско, снабдив его всем необходимым для дальнего похода. (2) По мере окончания приготовлений в городах, две трети наличных боевых сил каждого города собрались на Истме. Когда же все войска были в сборе, царь лакедемонян Архидам, предводитель этого похода, созвал полководцев всех городов, высших должностных лиц и наиболее уважаемых граждан и обратился к ним с такой речью. <...>

13. В то время когда пелопоннесцы еще собирались на Истме, перед выступлением против Аттики, Перикл, сын Ксантиппа, один из десяти афинских стратегов, предвидя вторжение и думая, что Архидам, как его гостеприимец, либо сам из приязни к нему не станет разорять его загородные имения, либо даже поступит так по приказанию лакедемонян, возможно (чтобы дать афинянам повод для подозрений против него, Перикла, подобно тому как они уже раньше, имея его в виду, официально потребовали изгнания запятнанных скверной), заявил афинянам в народном собрании: то обстоятельство, что Архидам — его гостеприимец, не должно послужить в ущерб интересам города. Поэтому в случае если враг не разорит его домов и земли, как земли остальных граждан, то он, Перикл, передаст их в собственность государства, чтобы у граждан не возникло из-за этого против него никаких подозрений. (2) Перикл повторил затем свой прежний совет готовиться к войне, вывозить все имущество с полей в город и не вступать в открытый бой с противником, ограничиваясь обороной; далее — снаряжать флот как основу афинской военной мощи и крепко держать в руках союзников, потому что доходы и дань от союзников — денежная опора города: ведь рассудительность и полная казна важнее всего для военного успеха. (3) Перикл призывал к бодрости, так как помимо прочих доходов в город поступало ежегодно 600 талантов союзнической дани. К тому же на акрополе хранилось 6000 талантов серебра чеканной монетой. Общая же сумма денег в афинской казне достигала 9700 талантов; однако часть этих средств была уже израсходована на строительство Пропилей акрополя и других сооружений, а также на осаду Потидеи. (6) Что касается боевых сил, то Перикл насчитал 13 000 гоплитов (кроме воинов в гарнизонах крепостей и 16 000 человек, охранявших городские стены). Такое количество воинов у афинян из числа более старых и более молодых граждан и метеков, которые служили гоплитами, охраняло стены в начале войны, когда враг стал производить свои набеги на Аттику. Длина Фалерской стены до обводной стены города составляла 35 стадий, а самой обводной стены (охраняемой ее части) — 43 стадии (одна из ее частей — между Длинной и Фалерской стенами — не охранялась); Длинные же стены до Пирея (из которых охранялись только внешние — северные) тянулись на 40 стадий. Стена вокруг Пирея (включая Мунихий) в общем простиралась на 60 стадий, но охранялась лишь половина ее. (7) Афинская конница, как указал Перикл, насчитывала 1200 всадников (вместе с конными лучниками); пеших лучников было 1800. Из числа боевых кораблей на плаву было 300 триер. (8) Таковы были, по меньшей мере, боевые силы афинян, состоявшие из разных родов оружия в начале войны перед первым вторжением пелопоннесцев. Кроме того, Перикл привел также и другие доводы в доказательство военного преимущества афинян.

18. Между тем пелопоннесское войско на пути в Аттику прибыло сперва в Эною, откуда должно было начаться вторжение. Здесь пелопоннесцы разбили лагерь и стали готовиться к штурму городских стен военными машинами и производить осадные работы. (2) Ибо

Эноя—укрепленный город на границе Аттики с Беотией — служила афинянам крепостью, и на случай войны они держали там гарнизон. Пелопоннесцы начали приготовления к штурму, потратив на это немало времени. (3) Такие действия Архидамы вызвали сильные нарекания. Полагали, что как во время приготовления к войне, так и после ее начала он проявил мало энергии и даже показал себя другом афинян, советуя лакедемонянам избегать решительных действий. И после того как отряды пелопоннесцев уже были в сборе, Архидама стали обвинять в умышленной задержке на Истме, затем в нарочито замедленном передвижении, и особенно — в безрезультатной остановке у Энои. (4) Действительно, за это время афиняне успели свезти с полей все свое имущество в безопасное место. Пелопоннесцы полагали, что, если бы не медлительность Архидамы, они быстрым нападением на афинян успели бы еще захватить все их добро на полях.

19. (2) Разбив лагерь, пелопоннесцы прежде всего стали опустошать Элевсин и Фриасийскую равнину и обратили там в бегство отряд афинской конницы у так называемых Рейтов. Затем они двинулись дальше, имея с правой стороны гору Эгелей, и через Кропию достигли Ахарнского округа, самого большого из так называемых демов Аттики. Здесь они остановились, разбили лагерь и долгое время отсюда опустошали страну. <...>

21. Пока вражеское войско стояло у Элевсина и на Фриасийской равнине, у афинян еще была какая-то надежда на то, что враг не пойдет дальше. Афиняне вспоминали, как за 14 лет до этой войны царь лакедемонян Плистоанакт, сын Павсания, проник в Аттику до Элевсина и Фриасий, но не пошел дальше и возвратился назад. Правда, царя потом изгнали из Спарты по подозрению, что он ушел из Аттики, будучи подкуплен. (2) Когда же афиняне увидели теперь вражеское войско у Ахарн (всего в 60 стадиях от города), то это для них сделалось уже нестерпимым. Разорение родной земли на глазах граждан (чего молодежь никогда еще не видела, а старики помнили только со времен вторжения мидян), естественно, производило страшное впечатление, и поэтому весь народ и особенно молодежь считали необходимым идти на врага и не терпеть более опустошения родной страны. (3) На улицах города собирались сходки, и граждане ожесточенно спорили друг с другом; одни требовали немедленного выступления на врага, а другие им возражали. Прорицатели провозглашали всевозможные вещания оракулов, которые всякий старался понять по своему. Ахарняне же, которые считали себя весьма значительной частью афинских граждан, при виде разорения своей земли особенно горели желанием дать бой врагу. Всеобщее возбуждение царило в городе. Народ был сильно раздражен против Перикла: люди совсем не вспоминали его прежних советов, но поносили его теперь за то, что он, будучи стратегом, не ведет их на врага, и винули во всех своих бедствиях.

22. Перикл же хотя и видел, что афиняне раздражены создавшимся положением и мрачно настроены, но все же решение свое не выступать против врага считал правильным. Поэтому он не созывал народного собрания или какого-нибудь другого совещания, опасаясь, что афиняне, не взвесив разумно положения дел, в раздражении могут наделать ошибок. Он приказал тщательно охранять город и старался по возможности успокоить возбужденные народ.

23. (4) Пелопоннесцы же оставались в Аттике, пока у них хватало продовольствия; затем они отступали, однако не тем путем, каким пришли, а через Беотию. Попутно они разорили так называемую Грайскую землю у Оропа, населенную зависимыми от афинян оропцами. По прибытии в Пелопоннес войско разошлось по своим городам.

Перевод Г.А. Стратановского

Вопросы по тексту источника:

1. Опираясь на сведения источника, охарактеризуйте состав Пелопоннесского и Афинского морского союзов. Насколько обе стороны были готовы к войне с военной и с экономической точки зрения?
2. Какую тактику на этом этапе войны избрал Перикл? Почему его действия вызывали недовольство афинян?

Надгробная речь Перикла

Фукидид. История. Книга II.

34. Той же зимой афиняне совершили, по обычаю предков, от имени государства торжественную церемонию погребения воинов, павших в первый год войны. (8) Когда наступило время для произнесения речи в честь павших первыми на этой войне, оратором был выбран Перикл, сын Ксантиппа. Он выступил перед гробницей на высоко поднятом помосте, для того чтобы слова его были слышны как можно дальше в толпе, и держал следующую речь.

37. «Для нашего государственного устройства мы не взяли за образец никаких чужеземных установлений. Напротив, мы скорее сами являем пример другим, нежели в чем-нибудь подражаем кому-либо. И так как у нас городом управляет не горсть людей, а большинство народа, то наш государственный строй называется народоправством. В частных делах все пользуются одинаковыми правами по законам. Что же до дел государственных, то на почетные государственные должности выдвигают каждого по достоинству, поскольку он чем-нибудь отличился не в силу принадлежности к определенному сословию, но из-за личной доблести. Бедность и темное происхождение или низкое общественное положение не мешают человеку занять почетную должность, если он способен оказать услуги государству. (2) В нашем государстве мы живем свободно и в повседневной жизни избегаем взаимных подозрений: мы не питаем неприязни к соседу, если он в своем поведении следует личным склонностям, и не выказываем ему хотя и безвредной, но тягостно воспринимаемой досады. (3) Терпимые в своих частных взаимоотношениях, в общественной жизни не нарушаем законов, главным образом из уважения к ним, и повинуемся властям и законам, в особенности установленным в защиту обижаемых, а также законам неписаным, нарушение которых все считают постыдным.

38. Мы ввели много разнообразных развлечений для отдохновения души от трудов и забот, из года в год у нас повторяются игры и празднества. Благопристойность домашней обстановки доставляет наслаждение и помогает рассеять заботы повседневной жизни. (2) И со всего света в наш город, благодаря его величию и значению, стекается на рынок все необходимое, и мы пользуемся иноземными благами не менее свободно, чем произведениями нашей страны.

39. В военных попечениях мы руководствуемся иными правилами, нежели наши противники. Так, например, мы всем разрешаем посещать наш город и никогда не препятствуем знакомиться и осматривать его и не высылаем чужестранцев из страха, что противник может проникнуть в наши тайны и извлечь для себя пользу. Ведь мы полагаемся главным образом не столько на военные приготовления и хитрости, как на наше личное мужество. Между тем как наши противники при их способе воспитания стремятся с раннего детства жестокой дисциплиной закалить отвагу юношей, мы живем свободно, без такой суровости, и тем не менее ведем отважную борьбу с равным нам противником. (2) И вот доказательство этому: лакедемоняне вторгаются в нашу страну не одни, а со своими союзниками, тогда как мы только сами нападаем на соседние земли и обычно без большого труда одолеваем их, хотя их воины сражаются за свое достояние. (3) Со всей нашей военной мощью враг никогда еще не имел дела, так как нам всегда одновременно приходилось заботиться и об экипаже для кораблей и на суше рассылать в разные концы наших воинов. Случись врагам в стычке с нашим отрядом где-нибудь одержать победу, они уже похваляются, что обратили в бегство целое афинское войско; так и при неудаче они всегда уверяют, что уступили лишь всей нашей военной мощи. (4) Если мы готовы встречать опасности скорее по свойственной нам живости, нежели в силу привычки к тягостным упражнениям, и полагаемся при этом не на предписание закона, а на врожденную отвагу, — то в этом наше преимущество. Нас не тревожит заранее мысль о грядущих опасностях, а испытывая их, мы проявляем не меньше мужества, чем те, кто постоянно подвергается изнурительным трудам. Этим, как и многим другим, наш город и вызывает удивление.

41. Одним словом, я утверждаю, что город наш — школа всей Эллады, и полагаю, что каждый из нас сам по себе может с легкостью и изяществом проявить свою личность в самых различных жизненных условиях. (2) И то, что мое утверждение — не пустая похвальба в сегодняшней обстановке, а подлинная правда, доказывается самим могуществом нашего города, достигнутым благодаря нашему жизненному укладу. (3) Из всех современных городов лишь наш город еще более могуществен, чем идет о нем слава, и только он один не заставит врага негодовать, что он терпит бедствие от такого противника, как мы, а подвластных нам — жаловаться на ничтожество правителей. (4) Столь великими деяниями мы засвидетельствовали могущество нашего города на удивление современникам и потомкам. Чтобы прославить нас, не нужно ни Гомера, ни какого-либо другого певца, который доставит своей поэзией преходящее наслаждение, но не найдет подтверждения в самой истине. Все моря и земли открыла перед нами наша отвага и повсюду воздвигла вечные памятники наших бедствий и побед. И вот за подобный город отдали доблестно свою жизнь эти воины, считая для себя невозможным лишиться родины, и среди оставшихся в живых каждый, несомненно, с радостью пострадает за него.

42. Поэтому-то я так распространился о славе нашего города. Я желал и показать, что в нашей борьбе мы защищаем нечто большее, чем люди, лишённые подобного достоинства; и, воздавая в этой речи хвалу деяниям павших, привести наглядные подтверждения их героизма. (2) Итак, самое главное в моей хвалебной речи уже сказано. Ведь всем тем, что я прославил здесь, наш город обязан доблестным подвигам этих людей и героев, подобных им. Во всей Элладе, пожалуй, немного найдется людей, слава которых в такой же мере соответствовала бы их деяниям. Полагаю, что постигшая этих воинов участь является первым признаком и последним утверждением доблести человека, как славное завершение его жизни».

Перевод Г.А. Стратановского

Вопросы по тексту источника:

1. Какие преимущества афинского государственного устройства названы в переданной Фукидидом речи Перикла?
2. Как вы понимаете слова, приведенные Фукидидом от лица Перикла, о том, что Афины являются «школой всей Эллады»?

Эпидемия чумы в Афинах

Фукидид. История. Книга II.

47. Таково было торжественное погребение павших в ту зиму, по истечение которой окончился первый год этой войны. (2) Тотчас же в начале лета две трети боевых сил пелопоннесцев и союзников, как и в первый раз, совершили вторжение в Аттику во главе с царем лакедемонян Архидамом, сыном Зевксиппа. Разбив лагерь, они начали разорять страну. (3) Враги находились всего лишь несколько дней в Аттике, когда в Афинах появились первые признаки заразной болезни, которая, как говорят, уже раньше вспыхивала во многих местах, особенно на Лемносе и в других местах. Но никогда еще чума не поражала так молниеносно и с такой силой и на памяти людей нигде не уносила столь много человеческих жизней. (4) Действительно, и врачи, впервые лечившие болезнь, не зная ее природы, не могли помочь больным и сами становились первыми жертвами заразы, так как им чаще всего приходилось соприкасаться с больными. Впрочем, против болезни были бессильны также и все другие человеческие средства. Все мольбы в храмах, обращения к оракулам и прорицателям были напрасны. Наконец люди, сломленные бедствием, совершенно оставили надежды на спасение. <...>

51. Таковы были в общем основные признаки этой болезни, если не говорить о некоторых отклонениях в отдельных случаях. Никаких других обычных заболеваний в то время не было. Лишь только появлялась какая-нибудь другая болезнь, в конце концов она переходила в эту. (2) Люди умирали одинаково как при отсутствии ухода, так и в том случае, ко-

гда их хорошо лечили. Против этой болезни не помогали никакие средства: то, что одним приносило пользу, другим вредило. (3) Недуг поражал всех, как сильных, так и слабых, без различия в образе жизни. (4) Однако самым страшным во всем этом бедствии был упадок духа: как только кто-нибудь чувствовал недомогание, то большей частью впадал в полное уныние и, уже более не сопротивляясь, становился жертвой болезни; поэтому люди умирали, как овцы, заражаясь друг от друга. (5) И эта чрезвычайная заразность болезни и была как раз главной причиной повальной смертности. Когда люди из боязни заразы избегали посещать больных, то те умирали в полном одиночестве (и действительно, люди вымирали целыми домами, так как никто не ухаживал за ними). А если кто навещал больных, то сам заболел: находились все же люди, которые, не щадя себя из чувства чести, посещали больных, когда даже родственники, истомленные непрерывным оплакиванием умирающих, под конец совершенно отчаивались и отступали перед ужасным несчастьем.

52. (3) Сами святилища вместе с храмовыми участками, где беженцы искали приют, были полны трупов, так как люди умирали и там. Ведь сломленные несчастьем люди, не зная, что им делать, теряли уважение к божеским и человеческим законам. (4) Все прежние погребальные обычаи теперь совершенно не соблюдались: каждый хоронил своего покойника как мог. Иные при этом даже доходили до бесстыдства, за неимением средств (так как им уже раньше приходилось хоронить многих родственников). Иные складывали своих покойников на чужие костры и поджигали их, прежде чем люди, поставившие костры, успевали подойти; другие же наваливали принесенные с собой тела поверх уже горевших костров, а сами уходили.

53. И вообще с появлением чумы в Афинах все больше начало распространяться беззаконие. Поступки, которые раньше совершались лишь тайком, теперь творились с бесстыдной откровенностью. Действительно, на глазах внезапно менялась судьба людей: можно было видеть, как умирали богатые и как люди, прежде ничего не имевшие, сразу же завладевали всем их добром. (2) Поэтому все ринулись к чувственным наслаждениям, полагая, что и жизнь и богатство одинаково преходящи. (3) Жертвовать собою ради прекрасной цели никто уже не желал, так как не знал, не умрет ли, прежде чем успеет достичь ее. Наслаждение и все, что как-то могло служить ему, считалось само по себе уже полезным и прекрасным. (4) Ни страх перед богами, ни закон человеческий не могли больше удержать людей от преступлений, так как они видели, что все погибают одинаково и поэтому безразлично, почитать ли богов или нет. С другой стороны, никто не был уверен, что доживет до той поры, когда за преступления понесет наказание по закону. Ведь гораздо более тяжкий приговор судьбы уже висел над головой, и, пока он еще не свершился, человек, естественно, желал, по крайней мере, как-то насладиться жизнью. <...>

65. (3) И всеобщее раздражение афинян против Перикла не утихло до тех пор, пока они не покарали его денежным штрафом. (4) Немного спустя, впрочем, афиняне (как обычно и поступает толпа) вновь избрали Перикла стратегом и поставили во главе государства. Отдельные граждане мало-помалу примирились с потерей своих домов и имущества, а для государственной деятельности Перикла считали наиболее достойным. (5) Пока Перикл в мирное время стоял во главе города, он всегда управлял мудро и справедливо, прочно укреплял его безопасность, и при нем город достиг вершины могущества. Когда же началась война, то оказалось, что он также правильно оценил ее важность и значение. (6) После начала войны Перикл прожил еще 2 1/2 года. А после его кончины афиняне убедились в том, насколько правильны были его расчеты и предвидения относительно хода войны. (7) Действительно, он предсказывал афинянам победу, если они не вступят в бой с врагом в открытом поле, а вместо этого будут укреплять свое морское могущество, и во время войны не станут расширять своих владений, подвергая опасности самое существование родного города. Афиняне же после его кончины во всем этом поступили наоборот; но и в делах, которые, казалось, не имели отношения к войне, они вели политику, определявшуюся честолюбием и алчностью отдельных граждан во вред городу и союзникам. Успех в этих предприятиях мог быть полезен только немногим лицам, но их неуспех оказался па-

губным для нашего города и дальнейшего хода войны. (8) Причина была в том, что Перикл, как человек, пользовавшийся величайшим уважением сограждан за свой проницательный ум и несомненную неподкупность, управлял гражданами, не ограничивая их свободы и не столько поддавался настроениям народной массы, сколько сам руководил народом. Не стремясь к власти неподобающими средствами, он не потворствовал гражданам, а мог, опираясь на свой авторитет, и резко возразить им. (9) Когда он видел, что афиняне несвоевременно затевают слишком дерзкие планы, то умел своими речами внушить осторожность, а если они неразумно впадали в уныние, поднять их бодрость. По названию это было правление народа, а на деле власть первого гражданина. (10) Из преемников Перикла ни один не выдавался как государственный деятель среди других, но каждый стремился к первенству и поэтому был готов, потакая народу, пожертвовать даже государственными интересами. (11) Отсюда проистекали многие ошибки (что и естественно в столь большом и могущественном городе), и самая значительная из них — морской поход в Сицилию. Этот поход окончился неудачей не столько из-за недооценки сил противника, а скорее по вине предпринявших его правителей. Они не заботились об успехе экспедиции, а занимались мелкими дрязгами в борьбе за руководство народом и первенство в городе, и не только вяло вели войну, но привели в расстройство своими распрями государственные дела. (12) Однако и после сицилийской катастрофы, когда афиняне потеряли свое войско со всем снаряжением и большую часть кораблей, несмотря на раздиравшие город распри, они все же сражались еще три года, и притом не только против своих прежних врагов, но и против подкреплений, прибывших из Сицилии, и большинства своих отпавших союзников и даже, наконец, против Кира, сына персидского царя, который присоединился к пелопоннесцам и давал им деньги для постройки кораблей. И сдались афиняне лишь тогда, когда силы их были подорваны в результате внутренних распрей. (13) Так действительность подтвердила предвидение Перикла, который полагал, что в борьбе с одними пелопоннесцами Афины легко одержат победу.

Перевод Г.А. Стратановского

Вопросы по тексту источника:

1. Каким образом эпидемия чумы повлияла на обстановку в афинском полисе?
2. Какова была судьба Перикла?
3. В чем Фукидид видит причины дальнейших неудач афинян?

Сражение у о. Сфактерия

Фукидид. История. Книга III.

2. Примерно в то же время, весной, когда хлеба на полях еще не созрели, пелопоннесцы и союзники совершили вторжение в Аттику во главе с царем лакедемонян Агисом, сыном Архидама. Разбив лагерь, они принялись опустошать землю. (2) Между тем афиняне снарядили и отправили в Сицилию эскадру в 40 кораблей под начальством двух оставшихся в Афинах командиров — Евримедонта и Софокла (третий военачальник — Пифодор — уже раньше прибыл в Сицилию). (3) Военачальникам было приказано, проходя мимо Керкиры, позаботиться о керкирянах, находившихся в городе, которые страдали от набегов изгнанников, укрепившихся на горе Истоне. Еще раньше пелопоннесцы послали туда 60 кораблей на помощь находившимся на горе изгнанникам в надежде легко овладеть городом, потому что там был сильный голод. Демосфену же (который по возвращении из Акарнании жил как частное лицо, не выполняя никакой государственной должности) афиняне по его просьбе разрешили, если он пожелает, воспользоваться этими сорока кораблями для военных операций в пелопоннесских водах.

3. Когда афиняне, плывя вдоль лакейских берегов, узнали, что пелопоннесская эскадра уже в Керкире, то Евримедонт и Софокл решили поспешить на Керкиру. Демосфен же предложил высадиться сначала у Пилоса и, совершив все, чего потребуют обстоятельства, затем уже плыть к Керкире. Другие военачальники возражали, но тут поднялась буря, и

корабли были отнесены к Пилосу. (2) Демосфен тотчас же предложил укрепить это место (ведь именно ради этого он и прибыл вместе с ними). При этом он указывал на то, что здесь очень много камней и леса, да и сама эта местность представляет природную крепость (и к тому же она не защищена и необитаема на большом протяжении). Действительно, Пилос находится в земле, ранее бывшей мессенской, приблизительно в 400 стадиях от Спарты, и лакедемоняне называют эту землю Корифасием. (3) Демосфену возражали, что в Пелопоннесе найдется еще много пустынных мысов, чтобы вводить государство в расходы, если кому-нибудь это желательно. Однако это место представлялось Демосфену стратегически особенно важным и наиболее подходящим для его цели: здесь была гавань, и мессенцы, которые издревле жили в Пилосе и говорили на одном наречии с лакедемонянами, опираясь на Пилос, могли бы причинить очень много вреда лакедемонянам и вместе с тем надежно охранять эту местность. <...>

5. Лакедемоняне, которые как раз справляли какой-то праздник, узнав о высадке афинян в Пилосе, первоначально не придали этому обстоятельству никакого значения. Они полагали, что стоит им только появиться с войском у Пилоса, как афиняне не устоят либо они сами легко силой захватят Пилос. В какой-то мере лакедемоняне задерживались также и потому, что часть их войска все еще стояла в Аттике у Афин. (2) Между тем афиняне, укрепив за шесть дней местность со стороны суши (и там, где в этом была наибольшая необходимость), оставили в Пилосе Демосфена с 5 кораблями для охраны и с большей частью эскадры быстро взяли курс на Керкиру и Сицилию. <...>

8. После ухода пелопоннесцев из Аттики сами спартиаты вместе с жившими в окрестностях города перизками тотчас же выступили на помощь Пилосу; выступление остальных лакедемонян было замедлено тем, что они только что возвратились из другого похода. (2) По всему Пелопоннесу был объявлен приказ союзникам как можно скорее идти к Пилосу. Кроме того, призывались на помощь 60 кораблей, стоявших у Керкиры. Корабли были перетасены через перешеек у Левкады и, не замеченные афинской эскадрой, стоявшей у Закинфа, прибыли к Пилосу, куда собралось уже и сухопутное войско. (3) Когда пелопоннесские корабли были еще на пути к Пилосу, Демосфен уже заранее отправил два корабля к Евримедонту и афинской эскадре у Закинфа с приказанием немедленно выйти на помощь ввиду опасного положения у Пилоса. (4) Афинская эскадра быстро отплыла по приказу Демосфена. Между тем лакедемоняне стали готовиться к атаке укреплений Пилоса с суши и с моря. Они рассчитывали, что эти наспех построенные оборонительные сооружения, защищаемые лишь горстью людей, можно будет легко взять. (5) Кроме того, в ожидании прибытия афинской эскадры из Закинфа лакедемоняне намеревались запретить входы в гавань (в случае, если не удастся раньше взять Пилос), чтобы афинские корабли не смогли бросить там якорь. (6) Ведь находящийся вблизи от Пилоса остров под названием Сфактерия, протянувшийся вдоль побережья, защищает гавань и суживает входы в нее: через один вход со стороны Пилоса и афинских укреплений одновременно могли пройти только два корабля, а через противоположный — со стороны материка — не более восьми или девяти кораблей. Остров, длиной около 15 стадий, был необитаем, покрыт лесом и непроходим. (7) Итак, лакедемоняне хотели запретить проходы в гавань посредством кораблей, обращенных носами вперед, и стояли вплотную друг к другу. Опасаясь, что афиняне предпримут с острова против них какие-либо враждебные действия, лакедемоняне высадили на него гоплитов и расставили отряды других воинов по побережью. (8) Таким образом они думали обеспечить защиту как острова, так и материка, поскольку высадка станет невозможной. Ведь обращенная к открытому морю часть побережья самого Пилоса (вне входа в гавань) непригодна для стоянки кораблей и поэтому, как полагали лакедемоняне, афинянам нигде не удастся высадиться на сушу, чтобы оказать помощь своим. Напротив, сами лакедемоняне смогут захватить этот слабо защищенный и плохо снабжаемый продовольствием пункт, не вступая в опасную морскую битву. (9) Согласно этому плану, лакедемоняне стали переправлять на остров своих гоплитов, выбирая их по жребью из всех отрядов своего войска. Правда, уже и раньше на остров высаживались по-

сменно и другие воины. Последними же переправились туда 420 человек, которые вместе с сопровождавшими их илотами были оставлены на острове. Во главе их стоял Эпитад, сын Молобра.

9. Между тем Демосфен, предвидя одновременную атаку с моря и с суши, стал также принимать свои меры. Оставшиеся у него еще три триеры он приказал вытащить на берег и поставить вплотную под стенами, окружив палисадом. Людей с этих триер он вооружил весьма непрочными щитами (большой частью ивовыми). (2) Большинство своих людей, как не располагавших полным вооружением, так и тяжеловооруженных, он расставил в самых укрепленных и надежных местах на материковой стороне, приказав отражать вражеских пехотинцев, если те начнут атаку. Сам же, выбрав из своих людей 60 гоплитов и горстку лучников, занял позицию за стенами на побережье, где, по его расчетам, неприятель скорее всего произведет высадку. Правда, место это было труднодоступное и скалистое, круто обрывавшееся к морю. Однако укрепления тут были самые слабые, что могло соблазнить врага на нападение именно в этом пункте. (3) Афиняне считали ненужным строить в этом месте более мощную стену, при своем превосходстве на море. Поэтому Демосфен полагал, что неприятель, высадившись здесь, сможет сразу же овладеть этой частью. Поэтому, чтобы помешать высадке, Демосфен занял позицию со своими гоплитами на побережье и затем обратился к ним с такими словами. <...>

12. Воодушевляя таким образом других, Брасид велел кормчему своего корабля причалить к берегу. Он вступил на сходни, но при попытке сойти на берег был силой оттеснен афинянами и, израненный, упал без сознания на носу корабля. (2) Остальные лакедемоняне не оставляли попыток пристать к берегу, но высадка оказалась невозможной из-за недоступности места и упорного сопротивления афинян, не отступавших ни на шаг. (3) И обстоятельства сложились столь удивительным образом, что афинянам пришлось на суше и к тому же в Лаконии сражаться против лакедемонских кораблей, а лакедемонянам высаживаться с кораблей на свою собственную землю, попавшую в руки врага. А ведь в то время слава лакедемонян в значительной степени основывалась на том, что они, как по преимуществу материковые жители, считались самыми храбрыми сухопутными воинами, а афиняне, как мореходы, обладали самым мощным флотом в Элладе.

13. Итак, весь этот день и даже часть следующего лакедемоняне продолжали свои попытки высадиться на берег, но затем вынуждены были их прекратить. На третий день они отправили несколько кораблей вдоль побережья в Асину за бревнами для военных машин. С помощью этих машин они надеялись овладеть участком укрепления со стороны гавани, где хотя стена была высокой, но зато сама высадка — легче. (2) Между тем из Закинфа прибыли на помощь афинские корабли. Теперь их было 40, так как эскадра усилилась несколькими сторожевыми кораблями из Навпакта и четырьмя хиосскими. (3) Увидев, что побережье и остров заняты гоплитами и неприятельские корабли спокойно стоят в гавани, афинские капитаны, не найдя места для высадки, в недоумении направились к близлежащему пустынному острову Проте. Там они и провели ночь в открытом море. На следующий день афинская эскадра в боевой готовности намеревалась дать бой врагу в открытом море, если тот захочет принять его, а если нет, то самим атаковать неприятеля в гавани. (4) Однако лакедемоняне не вышли в море и даже не заперли входов в гавань, как намеревались, но спокойно оснащали корабли на берегу, чтобы в случае нападения врага принять бой в просторной гавани.

14. Заметив это, афиняне проникли в гавань через оба входа, напали на вражеские корабли, большинство которых было уже спущено в боевой готовности, и обратили их в бегство. Преследуя противника на близком расстоянии, они повредили многие корабли, а пять захватили в плен, один вместе с командой. Остальные корабли, нашедшие убежище у берега, афиняне также атаковали. Нескольким кораблям, только что принявшим команду, они пробили борта, прежде чем те успели выйти в море. Экипажи других кораблей бежали, и афиняне захватили эти пустые суда и повели их на буксире. (2) Лакедемоняне, видя это, удрученные бедствием и особенно тем, что их люди на острове были отрезаны, по-

спешили на помощь. Бросаясь в море в полном вооружении, они хватались за борта кораблей и тянули их к берегу. В этой обстановке каждый полагал, что без его помощи дело не двинется. (3) Поднялось великое смятение возле кораблей еще и потому, что сражающимся пришлось заимствовать боевую тактику противной стороны: лакедемоняне с напряжением всех сил сражались, можно сказать, в морской битве с суши, тогда как афиняне, воодушевленно стремясь довершить свой успех, вели сухопутный бой с кораблями. (4) После тяжелой кровопролитной борьбы противники разошлись. Лакедемонянам удалось спасти свои корабли без экипажей, кроме тех, которые были захвачены вначале, и затем обе стороны заняли прежние позиции.

15. Когда весть о событиях в Пилосе пришла в Спарту, лакедемоняне поняли, что их постигло страшное бедствие, и решили немедленно отправить на побережье к войску высших должностных лиц, чтобы выяснить положение на месте и принять нужные меры. (2) Убедившись, что освободить людей на острове невозможно, и не желая, чтобы они погибли от голода или попали в плен, сражаясь с подавляющими силами противника, лакедемоняне решили заключить перемирие с афинскими военачальниками, а затем отправить послов в Афины для мирных переговоров и попытаться как можно скорее освободить своих людей. <...>

21. Так говорили лакедемоняне, будучи уверены, что афиняне уже давно желают мира, и только потому, что сами они не соглашались на мир, дело не дошло до этого: и если теперь они предложат афинянам мир, то те с радостью согласятся и возвратят их людей на острове Сфактерия. (2) Афиняне же, напротив, считали, что именно теперь, когда лакедемоняне на острове в их руках, мир им обеспечен по желанию в любой момент, и требовали гораздо большего. (3) Особенно подстрекал к этому Клеон, сын Клеонета, в то время наиболее влиятельный народный вождь. Он-то и посоветовал народу заставить лакедемонян на острове сложить оружие и сдать и привезти их в Афины; а затем пусть лакедемоняне выдадут Нисею, Пеги, Трезен и Ахайю, которые они приобрели не силой оружия, а согласно прежнему мирному договору, когда афиняне находились в стесненных обстоятельствах и нуждались в мире. Только на этих условиях следовало вернуть спартамцам их воинов, находившихся на острове, и заключить мир на срок, какой сочтут необходимым обе стороны. <...>

23. По возвращении послов перемирие в Пилосе тотчас же кончилось, и лакедемоняне стали требовать, согласно договору, возврата своих кораблей. Но афиняне, жалуясь на вероломные атаки на их укрепления и на другие, видимо, мелкие нарушения договора, не выдавали кораблей и при этом настаивали на точном соблюдении договора, по которому последний даже в случае самых незначительных нарушений терял силу. Лакедемоняне, однако, не желали признавать этого: они объявили захват кораблей бесчестным и, удалившись, вновь приступили к враждебным действиям. (2) Итак, обе стороны со всей энергией возобновили войну у Пилоса. Днем афиняне постоянно плавали вокруг острова на двух кораблях, идущих друг другу навстречу, ночью же вся афинская эскадра стояла на якоре у острова и только при бурной погоде и ветре с моря корабли держались поодаль. Кроме того, к афинской эскадре для наблюдения за островом присоединилось еще 20 кораблей, так что теперь их было 70. Пелопоннесцы же из своего лагеря на материке совершали вылазки, нападая на афинские укрепления и выжидая удобного случая для того, чтобы освободить своих людей. <...>

26. Между тем у Пилоса афиняне продолжали осаждать лакедемонян, отрезанных на острове, а пелопоннесское войско на материке оставалось на месте. (2) Однако осада острова из-за нехватки продовольствия и пресной воды и для самих афинян была очень мучительной. Ведь там не было источников воды, кроме одного на акрополе в самом Пилосе, да и тот был невелик. Большинство воинов выкапывали ямы в прибрежном песке и пили, по-настоящему, плохую воду. (3) На узкой прибрежной полосе, где афиняне расположились лагерем, было тесно, а у кораблей не было безопасной якорной стоянки, и командам приходилось попеременно добывать продовольствие с материка и затем бросать якорь в открытом

море. (4) Однако больше всего афиняне приходили в уныние оттого, что осада, против ожидания, затягивалась: ведь, по их расчетам, они должны были уже за несколько дней вынудить врагов, отрезанных на пустынном острове (где им приходилось пить соленую воду), сдаться. (5) Столь долгое сопротивление осажденных объяснялось тем, что лакедемоняне назначили высокую оплату всем, кто доставит на остров муку, вино, сыр или другие необходимые осажденным съестные припасы, а каждому илоту обещали за это свободу.

27. Когда в Афинах узнали о тяжелых лишениях войска под Пилосом и о том, что подвоз съестного на остров продолжается, то народом овладела растерянность и тревога, как бы зимой им не пришлось прекратить блокаду острова. Афиняне понимали, что зимой снабжение войска продовольствием, подвозимым в обход Пелопоннеса, станет невозможным (тем более в такой пустынной местности, куда даже летом они не могли доставлять достаточного количества съестных припасов). Они опасались, также, что при отсутствии гаваней у Пилоса правильную блокаду и наблюдение за островом поддерживать будет трудно и осажденные на острове люди, пожалуй, продержатся или же смогут в бурную ночь покинуть остров на тех лодках, которые доставляли им съестное. (2) Однако больше всего афинян беспокоило поведение лакедемонян: они предполагали, что у лакедемонян есть какие-то сильные преимущества, почему те и не делают им больше мирных предложений, и теперь раскаивались, что своевременно не согласились на мир. (3) Когда Клеон узнал, что его считают противником мирного соглашения, то объявил, что люди, прибывшие из Пилоса, говорят неправду. Однако эти люди настаивали на правдивости своих сообщений и предложили послать уполномоченных для проверки положения дел на месте. Для этой цели и был выбран сам Клеон вместе с Феагеном. (4) Теперь Клеон, понимая, что ему придется либо повторить то же, что говорили обличаемые им во лжи, либо, утверждая обратное, самому оказаться лжецом, дал совет афинянам (среди которых он видел и настроенных воинственно) не посылать уполномоченных для обследования дела и не мешкать, теряя благоприятное время. И если народ считает известие верным, плыть на кораблях к Пилосу, чтобы покончить с врагом. (5) При этом Клеон указал на ненавистного ему Никия, сына Никерата, бывшего тогда стратегом. Упрекая Никия, Клеон говорил, что если бы стратеги были настоящими мужами, то, имея достаточно сил, легко покончили бы с осажденными на острове спартанцами, и что, будь он сам стратегом, он быстро справился бы с ними.

28. Так как в народе поднялся ропот против Клеона — если дело кажется ему таким легким, то почему он тотчас же не отплывает, — то Никий, сообразив, что слова Клеона относятся к нему, объявил, что (насколько это зависит от него с товарищами) Клеон может взять сколько угодно кораблей и выступить в поход. (2) Сначала Клеон, предполагая, что Никий лишь на словах готов уступить ему командование под Пилосом, согласился. Когда же понял, что Никий действительно желает передать ему полномочия стратега, то стал отказываться, говоря, что не он является стратегом, а Никий. Теперь Клеон встревожился, ибо раньше он полагал, что Никий не захочет уступить ему свою должность. (3) Тогда Никий повторил предложение Клеону и, призвав афинян в свидетели, отказался от командования под Пилосом. И чем более Клеон уклонялся от похода, отказываясь от своих собственных слов, с тем большим рвением (как это обычно для толпы) афиняне настаивали, чтобы Никий передал свои полномочия Клеону, и кричали, что именно он должен плыть к Пилосу. (4) Наконец, не зная, как ему отказаться от своих слов, Клеон выразил согласие. Он снова выступил перед народом, сказав, что не боится лакедемонян и не возьмет с собою в поход граждан, а только находящихся в городе лемносцев и имбросцев, пелтастов из Эна, а из других мест 400 лучников. С этими силами, объявил Клеон, и с отрядом под Пилосом он в течение 20 дней привезет лакедемонян в Афины живыми или же перебьет их на месте. (5) Хотя легкомысленная похвальба Клеона показалась афинянам несколько смешной, однако само предприятие было по душе даже людям серьезным: афиняне, по их мнению, во всяком случае не окажутся в убытке: либо они избавятся от Клеона (на что

они, собственно, и рассчитывали), или (если эти расчеты не оправдаются) лакедемоняне попадут им в подчинение. <...>

32. Между тем афиняне с ходу атаковали и тотчас уничтожили первый сторожевой пост лакедемонян, когда воины, находясь еще в палатках, не успели взяться за оружие. Лакедемоняне не заметили высадки афинян, так как думали, что афинские корабли лишь, как обычно, возвращаются на ночную стоянку. (3) По приказу Демосфена афиняне разделились на отряды по 200 человек и более (а иногда и с меньшим числом воинов) и заняли самые высокие пункты на острове, чтобы неприятель, взятый со всех сторон в кольцо, оказался в безвыходном положении, не зная, против кого обратиться. Если бы враги стали отражать нападение с фронта, то их обстреливали бы с тыла, если же — с одного фланга, то каждый раз подвергались бы обстрелу с другого. (4) Куда бы лакедемоняне ни обратились, всюду в тылу у них должны были оставаться афинские легковооруженные воины. Это были именно те воины, против которых труднее всего было бороться, так как их сила была в том, что они поражали врага издали, стреляя из луков и пращей и бросая дротики. При попытке к ним приблизиться они отходили, получая преимущество, и были еще опаснее, поражая отступающих врагов. Таков был план высадки, задуманный Демосфеном еще раньше, который ныне был приведен в исполнение. <...>

33. Когда Эпитад и его лакедемоняне, составлявшие главную часть спартанского войска на острове, увидели, что враги сломали первый сторожевой пост и идут на них, то сомкнутым строем бросились на афинских гоплитов, чтобы начать рукопашную схватку. Ведь афинские гоплиты стояли как раз против них, а легковооруженные — с фланга и с тыла. (2) Однако вступить в соприкосновение с афинскими гоплитами и использовать свою опытность в искусстве рукопашного боя они не смогли, так как легковооруженные воины теснили их, обстреливая с флангов, тогда как афинские гоплиты стояли спокойно, не двигаясь с места.

34. (3) Положение лакедемонян становилось все более опасным. Их войлочные панцири не защищали от стрел, а дротики обламывались, застревая в них. Лакедемоняне уже не знали, что следует делать, ничего не видя перед собой и не разбирая слов команды из-за громкого крика врагов. Со всех сторон им грозила опасность, и уже не оставалось надежды, даже обороняясь всеми силами, спастись от гибели. <...>

38. После этого большая часть лакедемонян опустила щиты на землю и подняла руки в знак того, что принимает предложение. Когда затем было заключено перемирие, Клеон и Демосфен вступили в переговоры от имени афинян, а со стороны лакедемонян — Стифон, сын Фарака. Из прежних военачальников лакедемонян первым пал Эпитад, а его заместитель Иппагрет хотя был еще жив, но лежал без сознания среди трупов, а Стифон, по обычаю, был выбран третьим начальником на случай несчастья с первыми двумя. (2) Стифон и сопровождавшие его лица заявили о желании спросить через глашатая находящихся на материке лакедемонян, что им делать. (3) Клеон и Демосфен не позволили никому из лакедемонян покидать остров, но сами вызвали глашатаев. После двух или трех кратких вопросов последний глашатай, приплывший на остров от находящихся на материке лакедемонян, принес решение: «лакедемоняне приказывают вам самим решать свою участь, не теряя чести». Тогда лакедемоняне на острове, обсудив положение, решили сложить оружие и сдаться афинянам. (4) Этот день и следующую ночь афиняне держали своих пленников под стражей на острове. На следующий же день они воздвигли на острове трофей и, сделав все приготовления к отплытию, отдали пленников под стражу триерархам своих военных кораблей. Лакедемоняне же послали глашатая с просьбой разрешить перевезти на материк тела своих павших воинов. (5) Вот численность павших и взятых в плен на острове: из переправившихся на остров 420 лакедемонских гоплитов 292 были доставлены в Афины, остальные погибли. Среди оставшихся в живых было свыше 120 спартиатов. Потери афинян были незначительны. Ведь дело так и не дошло до подлинного сражения.

65. Такова была речь Гермократа. Следуя ей, сицилийцы согласились покончить с междоусобной войной при условии, что каждый город сохранит за собой свои владения. Только

Моргантина была передана камаринцам, за что те должны были уплатить сиракузянам определенную сумму денег. (2) Союзные с афинянами города, призвав афинских военачальников, объявили им о намерении заключить мирный договор, к которому, если угодно, могут присоединиться и афиняне. Получив согласие военачальников, союзники заключили мирный договор, и затем афинская эскадра отплыла из Сицилии. (3) По возвращении эскадры афинские власти присудили двоих стратегов — Пифодора и Софокла — к изгнанию, а третьего — Евримедонта — к денежному штрафу, обвинив их в том, что они могли подчинить Сицилию, но отступили вследствие подкупа. (4) Так, ослепленные своими удачами, афиняне надеялись достичь не только возможного, но и недоступного, лишь применяя большие или меньшие средства. Причиной этого были неожиданные почти повсеместные успехи, которые внушили афинянам великую самоуверенность.

Перевод Г.А. Стратановского

Вопросы по тексту источника:

1. Почему Демосфен (в изложении Фукидида) считал стратегически правильным дать сражение у Пилоса?
2. На основе данных источника кратко пишите ход сражения.
3. В чем заключалось военно-стратегическое и моральное значение этого сражения для обеих сторон?

Поход Брасида

Фукидид. История. Книга III.

78. Этим же летом, приблизительно в то же время, Брасид с 1700 гоплитов выступил в поход на фракийское побережье. По прибытии в Трахинийскую Гераклею он отправил вестника в Фарсал (где у него были друзья) с требованием пропустить его войско через фессалийскую землю. В Мелитию Ахейскую, что во Фтиотиде, к нему прибыли Панер, Дор, Гипполохид, Торилай и Строфак (который был проксеном халкидян). С этими людьми Брасид продолжал свой путь. (2) Из других фессалийцев его сопровождал также Никонид из Ларисы, друг Пердикки. Впрочем, без провожатых пройти через Фессалию было нелегко (и вообще проход с войском через соседнюю страну без согласия местных властей был бы поступком одинаково подозрительным в глазах всех эллинов). Кроме того, народ в Фессалии с давних пор был расположен к афинянам.

79. Таким образом, Брасиду удалось столь быстро пройти через Фессалию (пока фессалийцы еще не успели преградить ему путь) и прибыть к Пердикке и в Халкидику. (2) Ведь именно опасаясь успехов афинян, Пердикка и восставшие против афинян фракийские города вызвали его с войском из Пелопоннеса. Халкидяне ожидали скорого нападения афинян. И соседние с ними города хотя еще не восстали, но втайне также присоединились к мысли пригласить Брасида. Пердикка не был открытым врагом Афин, но опасался афинян из-за своих старых распрей с ними. К тому же Пердикка страстно желал подчинить себе Аррабея, царя линкестов. (3) При этом последняя неудача лакедемонян пришлась халкидянам весьма кстати, так как теперь им было гораздо легче вызвать войско из Пелопоннеса.

80. Действительно, лакедемоняне надеялись скорее всего избавиться от набегов афинян на Пелопоннес и особенно на их собственную Лаконскую область, если они отплатят афинянам, послав, в свою очередь, войско к афинским союзникам (тем более что последние изъявили готовность содержать их войско и просили помощи для восстания). (2) Вместе с тем спартанцы получали желанный предлог удалить из страны часть илотов, чтобы те не вздумали поднять восстание теперь, когда Пилос был в руках врагов. (5) Поэтому лакедемоняне и теперь охотно воспользовались случаем послать с Брасидом 700 илотов в качестве гоплитов (остальное войско состояло из завербованных в Пелопоннесе наемников).

<...>

82. Лишь только афиняне узнали о прибытии Брасида на фракийское побережье, то объявили Пердикку врагом: они считали македонского царя виновником похода Брасида во Фракию и с тех пор установили более строгое наблюдение за союзниками в этой области.

83. Соединившись с отрядом Брасида, Пердикка тотчас же выступил в поход на своего соседа Аррабея, сына Бромера, царя македонских линкестов (Пердикка был в ссоре с царем и желал подчинить его своей власти). <...>

88. (2) Немного спустя отпал от афинян также Стагир, колония Андроса. <...>

102. В ту же зиму Брасид с фракийскими союзниками выступил в поход на Амфиполь, афинскую колонию на реке Стримоне. <...>

103. На этот-то город и пошел Брасид, выступив из Арн на Халкидике. К вечеру он прибыл в Авлон и Бромиск, где озеро Болба изливается в море. Здесь он приказал остановиться на обед и затем ночью продолжал путь. (4) Особенно же помогали изменникам аргилейцы. Живя вблизи от Амфиполя, они с давних пор внушали подозрение афинянам из-за своих посягательств на этот город. Аргилейцы уже давно завязали переговоры со своими земляками в Амфиполе о сдаче города. Теперь же, когда с прибытием Брасида настал удобный момент, они восстали против афинян и впустили Брасида в свой город. В ту же ночь еще до рассвета они привели свое войско к мосту, ведущему через реку. (5) Сам город Амфиполь находится на некотором расстоянии от моста; Длинные стены тогда еще не были доведены до моста (как теперь), а у переправы находился лишь малочисленный сторожевой пост. Брасид, которому благоприятствовала и измена в городе, и внезапно разразившаяся буря, неожиданно напав, легко взял этот пост. Затем он перешел мост и тотчас захватил загородную территорию амфиполитов (их жилища были разбросаны по всей местности).

104. Так как Брасид перешел через реку совершенно неожиданно для горожан и многие жители за городом попали в плен, а другие бежали в городское укрепление, то амфиполиты пришли в смятение, тем более что не питали доверия друг к другу, подозревая измену. (2) Как говорят, Брасид, возможно, взял бы Амфиполь, если бы сразу напал на город, не позволив воинам заняться грабежом. (3) Вместо этого он приказал воинам разбить лагерь и произвести набег на окрестности. А так как его сторонники в городе, против ожидания, не выступили, то и он сам ничего не стал предпринимать. (4) Между тем противная партия, численно превосходившая изменников, помешала им немедленно открыть городские ворота врагу. Она отправила, в согласии со стратегом Евклом (присланным из Афин для охраны города) к Фукидиду, сыну Олора (который написал эту историю), просьбу о помощи городу. Фукидид, другой стратег на фракийском побережье, находился тогда у Фасоса (Фасос — это колония Пароса на расстоянии приблизительно полдневного плавания от Амфиполя). (5) Фукидид при этом известии быстро отплыл с 7 кораблями (которые у него были), чтобы успеть занять Амфиполь (еще до сдачи города врагу) или, по крайней мере, Эйон.

105. Между тем Брасид, опасаясь прибытия на помощь кораблей из Фасоса (к тому же, узнав что Фукидид имеет право разработки золотых рудников в этой части Фракии и потому является одним из самых влиятельных людей на материке), решил во что бы то ни стало овладеть городом до прибытия Фукидида. Его тревожило также, как бы народ Амфиполя не отказался от капитуляции: ведь с прибытием Фукидида жители могли надеяться, что он со своей эскадрой и набранным во Фракии войском спасет их. (2) Поэтому Брасид предложил жителям умеренные условия сдачи города, объявив через глашатая: всем местным жителям, равно как и афинянам, кто пожелает, он разрешает остаться в городе на равных правах с остальными гражданами; если же кто не желает остаться, может уйти в течение 5 дней, взяв с собой свое имущество.

106. После того как эти условия были объявлены Брасидом, настроение большинства горожан переменилось. Ведь население города лишь частично состояло из афинян, а в основном представляло пеструю смесь различных племен, К тому же в городе оставалось много родственников горожан, попавших в плен вне города. Поэтому условия капитуля-

ции показались горожанам сверх ожидания вполне справедливыми. Афиняне были рады уйти из города, где им угрожала большая опасность, а на помощь извне так скоро они не могли рассчитывать. Остальные также были довольны, поскольку, оставаясь в городе, сохраняли свои гражданские права и сверх ожидания чувствовали себя вне всякой опасности. (2) Поэтому сторонники Брасида теперь уже совершенно открыто выступили за его предложение: они видели, что настроение в городе изменилось и народ уже не желает слушаться афинского военачальника в городе. Договор о сдаче был заключен, и горожане приняли Брасида в город на предложенных условиях. (3) Таким образом, они сдали город. Фукидид между тем еще в тот же день поздно вечером со своей эскадрой прибыл в Эйон. (4) Брасид же только что захватил Амфиполь: еще бы одна ночь, и он овладел бы Эйоном. Действительно, если бы корабли так быстро не пришли на помощь, на рассвете Эйон был бы в руках Брасида. <...>

108. Падение Амфиполя сильно встревожило афинян, поскольку этот город был важен для них как источник снабжения корабельным лесом и вообще приносил большие доходы. Хотя проход к афинским союзникам вплоть до Стримона при содействии фессалийцев был для лакедемонян открыт, но, не овладев мостом, они не могли продвинуться дальше (ведь выше по течению река образовывала обширное озеро, а внизу около Эйона лакедемонян подстерегала афинская эскадра). Теперь, однако, после захвата Брасидом Амфиполя и моста, все эти трудности для лакедемонян были, по-видимому, устранены, (2) и поэтому афиняне опасались отпадения большинства союзников. Ведь Брасид вел себя во всем крайне умеренно и при каждом удобном случае заявлял, что послан лишь для спасения Эллады. (3) И в самом деле, подвластные афинянам города, слыша о сдаче Амфиполя на умеренных условиях и о мягкости Брасида, теперь в особенности склонялись к восстанию. Они тайно посылали к нему глашатаев с просьбами о помощи, причем каждый город стремился отпасть от афинян первым. (4) И действительно, союзники не считали более отпадение от афинян опасным, в чем, безусловно, как оказалось впоследствии, жестоко ошибались, недооценивая мощь афинян. Ведь люди обычно в своих суждениях руководствуются скорее неясным стремлением, нежели здравым предвидением, и всегда склонны предаваться беспочвенным надеждам, между тем как от того, что им нежелательно, они стараются отделаться произвольными соображениями. (5) Так как афиняне к тому же недавно потерпели поражение в Беотии и Брасид рассказывал союзникам соблазнительные небылицы, будто афиняне при его походе в Нисею не осмелились даже вступить в бой с одним только его войском, поэтому союзники чувствовали себя в полной безопасности, думая, что никто уже больше не заставит их подчиниться афинянам. (6) Но главное, что побуждало союзников идти на всяческий риск, это непосредственная радость, которую они испытывали от перемены и желание впервые испытать, на что способны лакедемоняне на подъеме своего государственного сознания. (7) Когда афиняне узнали об этих настроениях, они стали посылать в города гарнизоны, насколько это было возможно в спешном порядке и в зимнее время года. Брасид также посылал в Лакедемон настоятельные просьбы о подкреплении и сам приступил к постройке на Стримоне военных кораблей. (8) Однако лакедемоняне не присылали помощи отчасти по причине зависти влиятельных людей к успехам Брасида, а частью оттого, что для них было более важным получить назад своих пленников с острова и скорее закончить войну.

109. Той же зимой мегарцы вновь захватили свои Длинные стены, занятые афинянами, и срыли их до основания. Брасид же после взятия Амфиполя выступил в поход вместе с союзниками на полуостров, называемый Акте. (5) Большинство этих городков перешло на сторону Брасида, но Сана и Дий оказали ему сопротивление. Поэтому Брасид остался с войском здесь и начал разорять их область.

110. Так как эти города не сдавались, то Брасид немедленно выступил против халкидской Тороны, занятой афинянами. Туда призывали его некоторые горожане, обещая сдать город. Брасид прибыл к городу еще ночью, незадолго до рассвета, и остановился с войском у святилища Диоскуров, стадиях в трех от города, (2) не замеченный остальными жителя-

ми Тороны и афинским гарнизоном. Изменники, ведшие переговоры с Брасидом, знали, что он придет, и некоторые из них тайно вышли из города, поджидая его. Заметив, что Брасид уже прибыл, изменники впустили в город семь человек из своих, вооруженных только кинжалами, во главе с Лисистратом из Олинфа (из двадцати человек, первоначально назначенных для этого, только семь не побоялись войти в город). Через пролом в городской стене, выходящей к морю, они проникли в город и затем поднялись до самой вершины холма, на котором лежит город, не замеченные сторожевой охраной, перебили ее и затем стали ломать малые ворота в стене со стороны мыса Канастрея.

111. Между тем Брасид, пройдя с остальным войском немного дальше, остановился. Затем он выслал 100 пелтастов, которые должны были по условному знаку первыми ворваться в город, как только откроются какие-либо ворота. (2) Но время шло, и пелтасты, удивляясь задержке в городе, постепенно подходили все ближе, пока не оказались у самого города. Тем временем сторонники Брасида в Тороне вместе с проникшими в город воинами взломали малые ворота и, разрубив деревянный засов, открыли ворота городской площади. Сначала они провели в город окольным путем через малые ворота несколько воинов, чтобы внезапным появлением с тыла и с обеих сторон устроить ничего не подозревавших горожан. Затем, подав условный сигнал огнем, они впустили остальных пелтастов через ворота на площадь.

113. Большинство жителей во время захвата города, ничего не зная о заговоре, пришли в замешательство. Заговорщики же и их сторонники сразу присоединились к проникшим в город лакедемонянам. (2) Что до афинян (до 50 афинских гоплитов, занимавших площадь, в это время спали), то некоторые, проснувшись от шума, пали в рукопашной схватке, остальным удалось спастись частью по суше, частью на двух сторожевых кораблях и найти убежище в крепости Лекиф (ее занимали только одни афиняне). Лекиф — это городская крепость на мысе, выступающем в море, связанная с городом только узким перешейком. Туда же бежали и сторонники афинян в Тороне.

114. С наступлением дня Брасид уже всецело овладел городом. Он велел через глашатая объявить торонцам, бежавшим из города с афинянами, что каждый, кто пожелает, может возвратиться в свой дом и безбоязненно жить в городе. К афинянам же он послал глашатая с требованием по договору о перемирии уйти из Лекифа (как принадлежащего халкидянам) со всем своим имуществом. (2) Афиняне отказались покинуть Лекиф, но просили перемирия на один день, чтобы подобрать тела павших, а Брасид предоставил перемирие на два дня. В эти два дня он вел работы по укреплению домов поблизости от Лекифа, а афиняне — самой крепости. (3) Затем, созвав народное собрание жителей Тороны, Брасид обратился к ним с речью, близкой к той, какую он уже держал в Аканфе. Горожане, говорил он, не должны считать низменными предателями тех людей, которые помогли ему взять город. Ведь они совершили это не ради порабощения родного города и не по причине подкупа, но во имя блага родины и ради ее свободы. И пусть те, кто не участвовал в заговоре, не думают, что им будет хуже, чем его участникам. Ведь он, Брасид, пришел не затем, чтобы причинить зло городу или отдельным гражданам. (4) Поэтому-то он и объявил бежавшим к афинянам, что не считает их из-за дружбы с афинянами дурными гражданами. К тому же он убежден, что торонцы, познакомившись с лакедемонянами, станут не только не менее, но гораздо более благожелательными к ним (поскольку лакедемоняне поступают справедливее афинян), и лишь потому до сих пор их боялись, что не знали их ранее. (5) Торонцы должны решиться стать верными союзниками и отныне отвечать за свои ошибки. Что же касается прошлого, то поскольку терпели обиды не они, лакедемоняне, а скорее сами торонцы от другой покорившей их державы, то их можно извинить за противодействие лакедемонянам.

115. Успокоив такими словами горожан, Брасид по окончании перемирия начал атаку Лекифа. Афиняне защищались, находясь в своем слабом укреплении и в некоторых домах с брустверами, и целый день отбивали приступ. (2) На следующий день неприятели подвели осадную машину, чтобы из нее метать огонь в деревянную обшивку укрепления. Когда

войско лакедемонян стало подходить к крепости, афиняне поставили в наиболее уязвимом месте стены, на верху одного дома, деревянную башню (там, где, как они думали, неприятель, по всей вероятности, приставит машину). На эту башню они подняли множество амфор, глиняных бочек с водой и больших камней; много людей также взобралось на нее. (3) Внезапно, однако, это сооружение, слишком перегруженное, со страшным треском обрушилось. Падение башни скорее опечалило, чем устрасило афинян, стоявших поблизости. Однако те, кто стоял дальше (и особенно на большом расстоянии от башни), вообразили, что это уже часть крепости захвачена неприятелем, и бежали к морю и к своим кораблям.

116. Заметив, что афиняне покидают брустверы, и видя все происходящее, Брасид устремился на штурм. Крепость была взята и все защитники перебиты. (3) Остальную часть зимы Брасид потратил на установление нового порядка в занятых фракийских городах и разрабатывал также планы захвата остальных. С исходом зимы кончался и восьмой год этой войны.

117. С наступлением весны лакедемоняне заключили с афинянами перемирие на один год. Афиняне надеялись, что Брасид не сможет уже больше привлечь на свою сторону ни одного союзного города, пока они сами не закончат во время перемирия военные приготовления. Вместе с тем они рассчитывали, что им впоследствии при благоприятных обстоятельствах удастся заключить мир на более длительный срок. Лакедемоняне же, верно угадывая опасения, действительно тревожившие афинян, думали, что теперь, когда бедствия и труды войны миновали, афиняне, вкусив блага мира, будут более сговорчивы, возвратят пленников и заключат мир на долгое время. (2) Ведь возвращение пленников было главной заботой лакедемонян, в то время когда Брасид еще добивался новых успехов. С другой стороны, лакедемоняне опасались, что если даже дальнейшие успехи Брасида восстановят равновесие сил между воюющими сторонами, то все же продолжение войны означает новые потери людьми, и эти потери не будут возмещены равновесием сил с врагами или ожидаемой победой. Итак, они заключили перемирие для себя и своих союзников на следующих условиях.

118. «О святилище и оракуле Аполлона Пифийского мы постановляем, чтобы всякий желающий по отеческим обычаям вопрошал оракул без обмана и страха. (2) Лакедемоняне и присутствующие союзники обещают также послать глашатаев к беотийцам и фокийцам, чтобы по возможности убедить и их. (3) Об имуществе бога заботиться и вам, и нам, и всем желающим по обычаям предков, принимая меры для розыска провинившихся, поступая при этом всегда по праву и справедливости, согласно обычаем отцов. (4) Так постановили об этом лакедемоняне и остальные союзники. А вот что постановили лакедемоняне и прочие союзники на случай согласия афинян заключить договор. Каждая сторона должна оставаться на своей земле, сохраняя свои нынешние владения. Находящиеся в Корифасии пусть остаются в пределах холмов Буфрады и Томея. Находящиеся на Киферах не должны вступать в сношения ни с одной частью Пелопоннесского союза, ни мы с ними, ни они с нами. Находящиеся в Нисее и Миное не должны переходить дороги, ведущей от ворот у храма Ниса к храму Посейдона и оттуда прямо по мосту к Миное. Также и мегарцы с их союзниками пусть не пересекают этой дороги. Афиняне пусть владеют островом, который они захватили. Однако ни одна из обеих сторон не должна вступать в сношения с другой. Пусть афиняне также сохраняют свои теперешние владения в Трезене по соглашению, заключенному между афинянами и трезенцами. (5) Лакедемонянам и их союзникам плавать по морю вдоль побережья в своих собственных водах и в водах союзников, но не на военных кораблях, а на весельных грузовых судах с грузом не больше 500 талантов. (6) Глашатаю и посольствам о заключении мира и о разрешении споров с их спутниками в установленном числе беспрепятственно приходите и уходите в Пелопоннес и Афины как по морю, так и по суше. (7) Перебежчиков в течение этого времени ни свободных, ни рабов, ни вам, ни нам не принимать, (8) Вам судить нас и нам судить вас по обычаям предков, разрешая споры судом и не прибегая к оружию. (9) Так постановляют лакедемоняне и союзники. Если же вы считаете что-либо лучшим или более справедли-

вым, то, явившись в Лакедемон, изложите ваше мнение. Ни лакедемоняне, ни их союзники не отвергнут ни одного вашего справедливого предложения. (12) Перемирию продолжаться один год, а начинать его с сегодняшнего дня, в 14-й день месяца элафоболиона. (13) Во время перемирия каждая сторона должна направлять послов и глашатаев с предложениями об окончании войны. (14) Стратеги и пританы должны созвать народное собрание, для того чтобы обсудить прежде всего вопрос о мире и все предложения об окончании войны, какие сделает лакедемонское посольство. Присутствующие же здесь послы должны тотчас же дать торжественное обязательство не нарушать перемирия в течение года». <...>

120. Приблизительно в дни заключения перемирия Скиона (город на Паллене) восстала против афинян и перешла на сторону Брасида. Жители Скионы, по их словам, будто бы происходят из Пеллены в Пелопоннесе, но их предки на пути из-под Трои были отнесены бурей, застигнувшей ахейский флот, в это место, где они и нашли убежище.

121. (2) Затем Брасид, оставив в городе маленький гарнизон, уехал. Вскоре, однако, он возвратился с более многочисленным войском, чтобы, опередив афинян, вместе с скионцами напасть на Менду и Потидею. Он был уверен, что афиняне последуют за ним с кораблями на помощь Паллене, которую они рассматривали как остров. Кроме того, он завязал тайные переговоры с обоими этими городами, надеясь овладеть ими путем измены. <...>

134. Следующей зимой военные действия афинян и лакедемонян прекратились в силу перемирия. Мантинейцы же и тегейцы вместе с союзниками вступили в сражение при Лаодокии в области Оресфиде, но кто одержал победу, осталось неясно. Действительно, обе стороны обратили в бегство противостоящее крыло неприятеля. И те и другие воздвигли трофеи и послали в Дельфы взятую добычу. (2) После больших потерь с обеих сторон ночь заставила прекратить битву, не дав никому перевеса. Тегейцы, заняв поле битвы, расположились там лагерем и тотчас же поставили трофей, а мантинейцы отступили в Буколий и после также воздвигли трофей.

Перевод Г.А. Стратановского

Вопросы по тексту источника:

1. Какими мотивами руководствовались спартанцы, отправив Брасида в поход?
2. Опираясь на сведения источника, расскажите о маршруте похода Брасида.
3. Почему для афинян было важно сохранить Амфиполь?
4. Каковы были условия перемирия?

Сицилийская экспедиция

Фукидид. История. Книга VI.

1. Той же зимой афиняне решили снова, на этот раз с более значительными силами, чем прежде, под начальством Лахета и Евримедонта, идти морским походом на Сицилию и, если возможно, покорить остров. О величине Сицилии и численности ее эллинского и варварского населения большинство афинян не имели никакого представления и даже не подозревали, что предпринимают войну почти столь же тягостную, как пелопоннеская.

8. В начале следующего лета афинские послы возвратились из Сицилии вместе с послами эгестян, которые привезли с собой 60 талантов серебра в слитках — месячное жалованье для 60 кораблей, об отправке которых они должны были хлопотать. (2) Афиняне созвали народное собрание. Услышав, наряду с завлекательными и не соответствующими действительности донесениями своих послов, также и сообщения посольства эгестян о том, что в государственной казне и храмах эгестян хранится много денег, постановили отправить в Сицилию эскадру из 60 кораблей. Стратегами с неограниченными полномочиями были выбраны Алкивиад, сын Клиния, Никий, сын Никерата, и Ламах, сын Ксенофана. Они получили приказ оказать помощь эгестянам в войне против селинунтцев и, если дело

пойдет успешно, содействовать возвращению леонтинцев в их город; в остальном же поступать таким образом, как они сочтут наилучшим для афинян. (3) Спустя пять дней после этого было вновь созвано народное собрание, чтобы принять решение о скорейшем снаряжении и отплытии экспедиции, а также о дополнительных мероприятиях, какие сочтут необходимыми стратеги. (4) Никий, выбранный стратегом против воли, был убежден, что народ по столь незначительному поводу принял пагубное решение и стремится лишь под благовидным предлогом завоевать всю Сицилию (что весьма нелегко). И, желая побудить народ отказаться от этого намерения, Никий обратился к афинянам в собрании с такими словами. <...>

3. Так сказал Никий. Большинство ораторов, выступавших после него, высказывались, однако, за войну и против нового голосования. Некоторые, однако, высказывали и противоположное мнение. (2) Наиболее рьяным сторонником похода был Алкивиад, сын Клиния. Он выступил с речью отчасти из желания перечить Никию, будучи вообще его политическим противником, отчасти потому, что Никий в своей речи неприязненно отозвался о нем. Но главным образом Алкивиад хлопотал о походе потому, что жаждал должности стратега: он надеялся в качестве полководца завоевать Сицилию и Карфаген и тем стяжать себе славу и богатство. (3) Действительно, Алкивиад пользовался у сограждан большим авторитетом. Однако расточительный образ жизни, траты на содержание конюшни для конских ристаний и на другие увлечения далеко превышали его наличные средства. Эти его увлечения и прихоти впоследствии немало содействовали гибели города. (4) Народ опасался его крайне распущенного образа жизни и далеко идущих целей, которые можно было усматривать в его поступках. Думали, что Алкивиад стремится к тирании, и поэтому народ был раздражен против него. Несмотря на то что на государственной службе он как военачальник выказал блестящие способности, народ, тяготясь его поведением в частной жизни, отнял у него должность стратега, поручив командование другим³, которые за короткое время погубили город. Алкивиад, выступая теперь в народном собрании, сказал следующее. <...>

25. Наконец, выступил один афинский гражданин и, обратившись прямо к Никию, сказал, что нечего под разными предлогами откладывать поход, и потребовал немедленного объявления перед всем собранием, какие именно военные силы народ должен ему предоставить. (2) Никий нехотя ответил, что предпочел бы спокойно обсудить этот вопрос со своими товарищами стратегами. Но все же, насколько можно сейчас судить, для похода необходимо по крайней мере 100 собственных триер, включая сюда потребное количество транспортных, а кроме того, необходимо затребовать корабли и от союзников. Всего гоплитов (афинян и союзников) — нужно не менее 5000, но если возможно, то и больше; кроме того, следует взять с собой в соответствующем количестве отряды других родов оружия — лучников из Афин и с Крита и пращников, а также заготовить и взять все, что еще окажется необходимым.

26. Выслушав это, афиняне тут же вынесли постановление о предоставлении стратегам неограниченных полномочий в распоряжении всем войском в походе и действиях, какие они найдут наилучшими, в интересах государства. (2) После этого приступили к приготовлениям. Были посланы приказы союзникам и составлялись призывные списки граждан. Город только что оправился от страшной эпидемии и тягот длительной войны. Подросло новое поколение, и за время мира вновь накопилось в казне достаточно средств, так что все необходимое для похода можно было заготовить. Так шли в Афинах приготовления к войне.

27. Между тем во время этих приготовлений в Афинах в одну ночь были повреждены лица большинства каменных герм (гермы — это четырехгранные столбы, стоявшие по стародавнему обычаю во множестве у входов в частные дома и в святилищах). (2) Чьих рук было это дело — никто не знал. Начался розыск преступников, и была назначена большая награда доносчику за сведения о преступлениях. Кроме того, народ постановил: если кто узнает (будь то гражданин, иностранец или раб) что-либо о другом святотатстве подобно-

го рода, то может донести безбоязненно. (3) Афиняне приняли повреждение герм весьма близко к сердцу, считая это происшествие зловещим предзнаменованием для исхода экспедиции, и приписывали его заговорщикам, замышлявшим переворот и свержение демократии.

28. И вот несколько метеков и доверенных слуг сделали донос, но не о гермах, а о недавнем повреждении других статуй, совершенном какими-то молодыми людьми из озорства под пьяную руку. Доносчики рассказали также, что в некоторых частных домах, справляя мистерии, кощунственно издевались над ними. В этих кощунствах они обвиняли, среди прочих, также Алкивиада. (2) Враги Алкивиада, ухватившись за эти обвинения, сильно раздули их. Эти люди были особенно озлоблены на Алкивиада за то, что тот, стоя у них на дороге, мешает им упрочить свое влияние в народе, и надеялись, изгнав его, занять первое место в государстве. Поэтому они кричали, что и повреждение герм, и кощунственное подражание обрядам мистерий — все это лишь часть заговора для свержения демократии, а виновник всего этого — Алкивиад. В подтверждение они ссылались при этом на его образ жизни и поступки, противоречащие духу демократии.

29. Алкивиад отверг эти доносы как неосновательные и выразил готовность предстать перед судом еще до отплытия (все приготовления к походу были уже закончены) для выяснения, виновен ли он в чем-либо подобном: если его признают виновным, он понесет наказание, а если оправдают, то останется стратегом. (2) Далее, Алкивиад настоятельно просил не слушать никаких клеветнических обвинений в его отсутствие; если же он виновен, то лучше сразу же осудить его на смерть. Во всяком случае, благоразумнее до вынесения судебного приговора ему не отправляться в Сицилию во главе столь огромного войска, находясь под таким тяжким подозрением. Между тем враги Алкивиада опасались, что, предстань он только перед судом, войско поддержит его, и народ проявит снисходительность в благодарности за то, что он побудил аргосцев и некоторых мантинейцев принять участие в походе. Поэтому они всячески старались воспрепятствовать его требованию о немедленном выступлении в суде. С этой целью они подучили других ораторов настаивать на немедленном отплытии Алкивиада, а суд предлагали отложить на определенный срок после возвращения. Кроме того, они намеревались предъявить Алкивиаду еще более тяжкие обвинения (которые, как они думали, будет легче подыскать в его отсутствие), а затем отозвать его и по возвращении начать процесс. Итак, было решено, что Алкивиад должен отплыть.

30. После этого в середине лета эскадра отплыла в Сицилию. Большинство союзников, транспорты с продовольствием, мелкие торговые корабли и все прочие суда, сопровождавшие эскадру, перед отплытием главных сил из Пирея получили приказ собраться сначала у Керкиры и оттуда всем вместе идти через Ионийское море к мысу Иапигии. Сами афиняне и некоторые союзники, еще оставшиеся в городе, в назначенный день готовые к отплытию, на заре спустились в Пирей, чтобы сесть там на корабли. (2) На проводы в Пирей спустилось, можно сказать, все население города — граждане и иностранцы. Жители города провожали своих знакомых, друзей, родных и сыновей и с надеждой на завоевание, и со слезами при мысли о том, увидятся ли они когда-нибудь еще с отплывающими, так как сознавали, что предстоит далекое и опасное плавание.

31. В этот момент разлуки и предвидения опасностей афинян охватила куда более сильная тревога за исход экспедиции, чем во время решающего голосования в народном собрании. Но все же созерцание всех мощных приготовлений, находившихся перед их глазами, внушало гражданам и некоторую бодрость. Чужеземцы же и остальной народ собрались ради этого величественного зрелища, понимая, что дело идет о предприятии замечательном и превосходящем всякое воображение. Действительно, столь дорогостоящий и великолепный флот никогда еще до того времени не снаряжало и не спускало на воду ни одно эллинское государство. (5) Если бы подсчитать затраты казны и отдельных участников похода — какую сумму денег город уже выплатил воинам и дал стратегам при отплытии, и что потратили на себя отдельные участники похода и на свои корабли (если они были трие-

рархами) или намеревались истратить, и сверх того, сколько денег каждый взял в дальний поход (кроме жалованья) с собой, а также что взяли с собой некоторые купцы и воины для торгового обмена, — если бы подсчитать все это, то оказалось бы, что из города в общем вывезли много талантов. <...>

42. Между тем афиняне и все союзники уже собрались у Керкиры. Прежде всего, военачальники вторично произвели там смотр своих боевых кораблей, распределив их в том порядке, в каком они должны будут стоять на якоре при высадке. Всю эскадру разделили на три отряда, каждый под командой одного из трех военачальников, во избежание трудностей при совместном плавании с доставкой воды и съестных припасов, а также для того, чтобы облегчить поиски гаваней на месте высадки. Афиняне полагали также, что вообще присутствие военачальника в каждом отряде повысит маневренность, укрепит дисциплину и облегчит управление всей эскадрой. Затем военачальники выслали три корабля в Италию и Сицилию с приказом разведать, какие города примут афинян, и затем идти навстречу эскадре, чтобы указать гавани, где можно бросить якорь.

43. После таких приготовлений огромная флотилия отплыла наконец из Керкиры, направляясь в Сицилию. В общем она насчитывала 134 триеры и 2 пятидесятивесельных родосских корабля. Из них было 100 афинских триер, в том числе 60 быстроходных, а остальные—транспортные корабли для перевозки воинов. Прочие корабли принадлежали хиосцам и другим союзникам. Общее число гоплитов составляло 5100.

44. Таковы были боевые силы, с которыми первая экспедиция переправилась для военных действий в Сицилию. За боевыми кораблями, кроме того, следовало 30 транспортов с продовольствием, имея на борту пекарей, каменщиков, плотников с необходимыми инструментами для строительства осадных сооружений. Эскадру сопровождало также 100 малых судов, которые, как и транспортные корабли, были принудительно завербованы в экспедицию. Кроме того, большое количество купеческих кораблей и прочих судов добровольно присоединилось к военной флотилии для торговых операций. Все эти суда двинулись теперь вместе с эскадрой из Керкиры через Ионийское море. (2) Вся флотилия прибыла к мысу Иапигии и к Таранту (где какой корабль, следуя своим курсом, мог бросить якорь) и затем пошла вдоль италийского побережья. Италийские города не принимали афинян и не открывали им своих рынков, предоставляя лишь воду и якорные стоянки (Тарант и Локры, впрочем, отказали даже и в этом). Наконец эскадра достигла Регия на южной оконечности Италии, куда собрались все корабли. (3) В город афинян не приняли, и лагерь пришлось разбить за стенами у святилища Артемиды, где регийцы открыли рынок. Вытащив корабли на берег, афиняне расположились на отдых. Затем они приступили к переговорам с регийцами, требуя помощи леонтинцам, которые, как и регийцы, были халкидянами. Однако регийцы ответили, что желают остаться нейтральными и будут действовать в согласии с решением остальных италийских эллинов. (4) Тогда афинские военачальники стали обдумывать, как лучше всего в таком положении повести дела, касающиеся Сицилии. Вместе с тем они поджидали возвращения из Эгесты посланных туда кораблей, чтобы узнать, есть ли у эгестян действительно деньги, о которых говорили послы в Афинах. <...>

47. Никий высказался за то, чтобы плыть со всем флотом на Селинунт, для чего они прежде всего и посланы. Если, говорил Никий, эгестяне предоставят деньги для всего войска, то можно будет принять сообразное с этим решение. Если же нет, то следует потребовать от них денег на содержание посланных по их просьбе 60 кораблей и оставаться у Селинунта, пока этот город добровольно не примирится с Эгестой или не будет принужден силой. Затем следует пройти мимо других городов и, показав мощь города афинян и готовность помочь друзьям и союзникам, плыть домой, разве только в ближайшее время представится возможность сделать что-либо для леонтинцев или привлечь на свою сторону какой-нибудь из городов, однако не расточая государственные средства и не рискуя благополучием государства.

48. Алкивиад заявил, что возвратиться назад, не добившись ничего с такими мощными боевыми силами, было бы позорным. Он советовал послать глашатаев во все остальные

города, кроме Селинунта и Сиракуз; завязать затем переговоры с сикулами, побудив их к отпадению от Сиракуз; независимые же их племена привлечь на свою сторону, чтобы получать от них продовольствие и подкрепления. Прежде всего нужно склонить к союзу Мессену, так как этот город, расположенный на месте переправы, является ключом к Сицилии. У него есть также гавань, и он может быть опорным пунктом для дальнейших действий. Затем, склонив сицилийские города на свою сторону (когда станет ясно, на чью поддержку можно рассчитывать), следует напасть на Сиракузы и Селинунт, если селинунты не примирятся с эгестянами, а сиракузяне не допустят леонтинских изгнанников в их город.

49. Наконец, Ламах предложил плыть прямо на Сиракузы и как можно скорее дать битву под стенами города, пока сиракузяне еще не успели подготовиться и прийти в себя от неожиданности: (2) каждая армия больше всего внушает страха именно вначале. Если слишком долго медлить, то враг воспрянет духом и в случае нападения вид нападающего вызовет у него скорее презрение. Итак, внезапное нападение, когда неприятели еще в страхе и беспокойстве, дает афинянам больше всего шансов на победу. Неприятель будет утрачен не только видом нашего войска, которое покажется ему огромным, но и предстоящими испытаниями и прежде всего непосредственной опасностью битвы. (3) Многие из сиракузян, вероятно, остались за городом на полях, так как они не верят в прибытие афинского флота. Впрочем, даже если сиракузяне перевезут свои запасы продовольствия в город, то афинское войско все же не будет терпеть недостатков, когда после победы разобьет лагерь перед городом. (4) В таком случае и прочие сицилийские эллины не будут больше ожидать, на чью сторону склонится победа, и примкнут не к сиракузянам, а к афинянам. Ламах предложил также устроить якорную стоянку и опорный пункт в Мегарах после возвращения флота из Сиракуз. Место там пустынное и находится недалеко от Сиракуз как на море, так и по суше.

50. Произнеся такую речь, Ламах все же присоединился к мнению Алкивиада. Затем Алкивиад на своем корабле переправился в Мессену и вступил в переговоры с ее жителями о союзе с Афинами. Однако ему не удалось склонить мессенян к этому союзу. Они отказались принять афинян в город, но согласились открыть рынок за городскими стенами, после чего Алкивиад возвратился в Регий. (2) Тогда стратеги, отобрав из всех трех отрядов 60 кораблей и снабдив их запасом продовольствия, поплыли вдоль побережья в Наксос, остальная же эскадра во главе с одним из стратегов осталась в Регии. (3) Из Наксоса, где афинян впустили в город, отряд кораблей поплыл вдоль побережья в Катану. Катаняне, однако, не приняли их (потому что здесь преобладали сторонники Сиракуз), и афинские корабли поплыли дальше к реке Терии, где и провели ночь. (4) На следующий день отряд отплыл отсюда на Сиракузы, выстроившись в одну линию. 10 кораблей были отправлены вперед, чтобы войти в большую гавань и удостовериться, нет ли там кораблей на плаву. Подойдя к городу, глашатай, отправленный с этих кораблей, должен был объявить, что афиняне прибыли с целью вернуть своих союзников и соплеменников леонтинцев в их город. Поэтому леонтинцы, находящиеся в Сиракузах, могут безбоязненно переходить к афинянам как своим друзьям и благодетелям. (5) После этого объявления, осмотрев город, гавань и местность (откуда должна была начаться атака), корабли возвратились в Катану. <...>

53. Здесь они застали корабль «Саламинию», прибывший из Афин с приказом отозвать Алкивиада, которому предстояло оправдываться перед афинским судом в выдвинутых против него обвинениях. Вместе с ним были вызваны в суд также некоторые из воинов: одних обвиняли в кощунстве над мистериями, а других и в повреждении герм. (2) Ибо после отплытия эскадры в Сицилию афиняне вновь взялись за расследование по делу о мистериях и гермах. При этом, не проверяя достоверность сведений доносчиков, афиняне в своей подозрительности принимали все показания без проверки. <...>

61. Тем временем враги Алкивиада, которые нападали на него и раньше перед отплытием эскадры, продолжали свои происки. Афиняне, доверяя их обвинениям, негодовали на Ал-

кивиада. Они полагали, что знают правду о повреждении герм, и были убеждены, что и это преступление, и тем более осквернение мистерий являлось частью заговора против демократии, составленного при его участии. (2) Как раз в то время, когда взволнованный всем этим афинский народ шумел в народном собрании, небольшой отряд лакедемонян для каких-то сношений с беотийцами дошел до Истма. Афиняне решили, что лакедемоняне пришли по тайному сговору с Алкивиадом, а вовсе не из-за беотийцев, и думали, что если бы не были по доносу вовремя схвачены и брошены в тюрьму подозрительные люди, то город был бы предан. Однажды вооруженные афиняне даже провели целую ночь в храме Фесея, что в городе. (4) Так, над Алкивиадом со всех сторон сгущались тучи подозрений. Намереваясь привлечь Алкивиада к суду и казнить, афиняне теперь отправили за ним и другими лицами, оговоренными доносчиком, в Сицилию корабль «Саламинию». (5) Алкивиаду было приказано следовать за посланцами для защиты перед судом в Афинах. Однако решено было не арестовывать Алкивиада из опасения, как бы его арест не вызвал возмущения воинов в Сицилии и не привлек внимания врагов. Но главным образом опасались потерять дружбу мантинейцев и аргосцев, которых именно Алкивиад, как думали, склонил к участию в походе. (6) Итак, Алкивиад на своем корабле вместе с другими взятыми под подозрение людьми отплыл из Сицилии, сопровождаемый «Саламинией», якобы в Афины. Однако, прибыв в Фурийскую область, Алкивиад и его друзья не поплыли дальше, но сошли с корабля и скрылись, боясь возвратиться и предстать перед судом из-за клеветнических обвинений против них. (7) Люди с «Саламинии» бросились за ними, но после безуспешных поисков через некоторое время отплыли на родину. Алкивиад же — теперь изгнанник — немного спустя переправился на грузовом корабле из Фурийской области в Пелопоннес. Афиняне же приговорили его с сотоварищами заочно к смертной казни.

62. После этого двое оставшихся в Сицилии стратегов разделили по жребию эскадру на две части и отплыли со всей флотилией в Селинунт и Эгесту. Они желали убедиться, дадут ли им эгестяне обещанные деньги, и разузнать о положении в Селинунте и о его расправах с эгестянами. (2) Плывая затем вдоль северного побережья Сицилии, обращенного к Тирсенскому заливу, эскадра прибыла в Гимеру — единственный эллинский город в этой части Сицилии. Жители города, однако, не приняли афинян, и эскадра поплыла дальше. (3) Во время плавания вдоль побережья афиняне захватили Гиккары, приморский город сиканов, враждебный эгестянам. Жителей они обратили в рабство, а город отдали эгестянам, которые прислали на помощь отряд конницы. Затем сухопутное войско отправилось назад через область сиколов в Катану. Корабли же с пленниками на борту шли навстречу им, огибая побережье острова. (4) Никий между тем отплыл прямо из Гиккар к Эгесте, где он закончил остальные дела и, получив 30 талантов, прибыл к войску в Катане. Рабов афиняне продали, получив за них 120 талантов. (5) Затем они разослали гонцов к союзным общинам сиколов с требованием выставить вспомогательное войско. Потом с половиной своего войска афиняне подошли к Гелейской Гибле, бывшей на стороне врагов, но не взяли ее. Так кончилось лето.

63. В начале следующей зимы афиняне начали готовиться к нападению на Сиракузы. Сиракузяне, со своей стороны, также собирались атаковать афинян. (2) Однако, когда выяснилось, что афиняне сразу не нападают на них (как они опасались первоначально), сиракузяне стали день ото дня все более воодушевляться. Когда же они увидели, что афиняне во время плавания у противоположных берегов Сицилии оказались далеко от Сиракуз и попытка взять Гиблу штурмом окончилась неудачей, то прониклись еще большим пренебрежением к врагу. Они стали с самоуверенностью, свойственной возбужденной толпе, требовать от военачальников вести их на Катану, так как афиняне не идут на Сиракузы. (3) Сиракузские всадники, которые все время кружились возле стоянки афинян, наблюдая за их передвижением, с издевкой спрашивали афинян, не пришли ли они затем, чтобы поселиться здесь на чужой земле, а не для возвращения леонтинцев на родину.

64. При таких обстоятельствах афинские стратеги решили выманить все вражеское войско как можно дальше от города, а самим с эскадрой ночью плыть вдоль побережья и там спокойно в удобном месте разбить лагерь. Они понимали, что сделать это было бы не так легко, если бы пришлось высаживаться на глазах готового напасть вражеского войска или открыто продвигаться по вражеской земле. (2) Они послали в Сиракузы верного человека, которого также и сиракузские военачальники считали своим другом. Он был родом из Катаны и объявил сиракузянам, что прибыл как представитель их сторонников, еще оставшихся в Катане (известных в Сиракузах поименно). (3) Катанец говорил, что афиняне проводят каждую ночь на бивуаках в городе, далеко от стоянки, и если сиракузяне в назначенный день со всеми боевыми силами атакуют врага в его лагере, то их сторонники запрут афинян в городе и подожгут их корабли. Тем временем сиракузяне смогут напасть на частокол и легко захватить лагерь. В Катане, говорил он, много сторонников сиракузян; от них-то он и явился. <...>

67. На следующий день афиняне и союзники начали готовиться к бою. Их силы были построены следующим образом. На правом крыле стояли аргосцы и мантинейцы, в центре — афиняне, а на левом фланге — остальные союзники. Одна половина войска составляла авангард, выстроенный по 8 человек в глубину. Другая половина стояла в резерве у палаток и также была построена в каре по 8 человек в глубину с приказом смотреть, где скорее возникнет опасность, и идти туда на помощь. В середине этого каре расположились обозные. (2) Сиракузяне же построили своих гоплитов рядами по 16 человек глубиной. Войско их состояло из ополчения всех сиракузских граждан и союзников, главным образом — селинунтцев. У них было теперь до 200 всадников из Гелы, из Камарины — около 20 всадников и около 50 лучников. Свою конницу — не менее 1200 всадников — сиракузяне поместили на правом фланге, а рядом с нею — метателей дротиков. <...>

69. После такого обращения Никий тотчас повел свое войско в атаку. Сиракузяне же не ожидали, что им придется уже начать битву, и иные воины даже ушли в город, который находился близ лагеря. Они, правда, поспешно прибежали назад, но слишком поздно и поодиночке присоединялись теперь где попало к главной части войска. Ведь сиракузяне не уступали афинянам ни в рвении, ни в отваге как в этой битве, так и в последующих. Но хотя они и были столь же мужественны, как афиняне, насколько позволяло их военное искусство, однако всякий раз как его недоставало, это ограничивало и их добрую волю. Не ожидая, что афиняне первыми нападут на них, и вынужденные быстро перейти к обороне, сиракузяне все же тотчас взяли за оружие и пошли в контратаку. <...>

70. В рукопашной схватке обе стороны долгое время стойко держались. Между тем разразилась сильная гроза с ливнем. Непогода нагнала еще больше страху на неопытных воинов, впервые участвовавших в бою, тогда как бывалые воины объясняли бурю временем года и гораздо более были встревожены продолжающимся упорным сопротивлением врага. (2) После того как аргосцы первыми отбросили левое крыло противника, а за ними и афиняне опрокинули его центр, боевая линия остального сиракузского войска уже была прорвана, и сиракузяне обратились в бегство. (3) Афиняне, однако, не смогли далеко преследовать неприятеля, так как многочисленная и еще не побежденная сиракузская конница сдерживала преследователей. Сиракузские всадники, замечая выдвинувшихся из рядов афинских гоплитов, всякий раз бросались на них и теснили назад. Поэтому главные силы афинян продолжали преследовать врага сомкнутыми рядами лишь настолько, насколько это было безопасно. Затем они отступили и поставили трофей. (4) Сиракузяне же собрались на Элорскую дорогу и, вновь построившись в боевой порядок, насколько это было возможно в настоящем положении после поражения, выслали сторожевой отряд занять святилище Зевса Олимпийского из опасения, что афиняне захватят находившиеся там сокровища. Остальное войско сиракузян возвратилось в город. <...>

74. Между тем афиняне тотчас из Катаны со всем войском отплыли в Мессену, надеясь овладеть городом путем измены. Однако этот расчет афинян не оправдался, ибо Алкивиад, уже после своего отозвания, предвидя, что будет изгнанником, на обратном пути со-

общил о заговоре сторонникам сиракузян в Мессене. Те немедленно казнили указанных Алкивиадом изменников и затем, при возникшей междоусобице, с оружием в руках добились от народа отказа принять афинян. (2) Афиняне стояли у Мессены дней тринадцать, страдая от непогоды и недостатка продовольствия. Не добившись успеха, они отплыли в Наксос, где, окружив свой лагерь частоколом, расположились на зимовку. Затем они отправили триеру в Афины с просьбой к весне прислать денег и конницу.

75. Этой зимой сиракузяне также стали возводить стену около города. Стена эта охватывала Теменит и тянулась вдоль стороны Сиракуз, обращенной к Эпиполам, для того чтобы в случае поражения неприятель не мог так легко насыпать осадной вал в непосредственной близости от города. Затем они укрепили Мегары, превратив их в крепость, а другой крепостью сделали святилище Зевса Олимпийского. В море повсюду, в местах возможной высадки неприятеля также были забиты частоколы. (2) Узнав о зимовке афинян в Наксосу, сиракузяне выступили со всем ополчением на Катану. Опустошив часть тамошней территории, они сожгли афинский лагерь и затем возвратились домой. (3) Узнав об афинском посольстве в Камарину с целью привлечь камаринцев на свою сторону (в силу прежнего союза, заключенного еще при Лахете), сиракузяне также отправили туда послов. Они подозревали, что камаринцы и для первой битвы лишь неохотно послали им подкрепление, а впредь под влиянием успеха афинян и вообще откажутся помогать и по старой дружбе с афинянами перейдут на их сторону. Итак, после прибытия из Сиракуз в Камарину Гермократа и других послов, а из Афин посольства во главе с Евфемом, Гермократ, надеясь заранее очернить афинян, выступил в народном собрании с такими словами. <...>

88. Так сказал Евфем. Настроение камаринцев было двойственное. Они были расположены к афинянам, однако опасались их стремления покорить Сицилию; с сиракузянами же, своими ближайшими соседями, они вечно враждовали. Кроме того, они боялись, что сиракузяне могут и без них одержать победу. Потому-то они сначала послали на помощь сиракузянам лишь небольшой отряд всадников и решили и впредь оказывать им помощь, однако лишь самую умеренную. Но в сложившихся обстоятельствах, не желая создавать впечатления, что они пренебрегают афинянами (особенно после недавней их победы), решили на словах дать одинаковый ответ обеим сторонам. (2) По этим соображениям они ответили: так как оба союзных с ними города воюют друг с другом, то они решили, что при данных обстоятельствах, не нарушая клятвы, имеют право оставаться нейтральными. Затем оба посольства уехали из Камарины. (3) Теперь сиракузяне начали готовиться к войне, афиняне же в лагере у Наксоса старались путем переговоров привлечь на свою сторону как можно больше сикулов. (4) Среди подвластных сиракузянам обитателей равнины отпали лишь немногие. Напротив, поселения сикулов в глубине острова (которые прежде всегда были независимы) сразу же, за немногим исключением, присоединились к афинянам: они доставляли войску съестные припасы, а некоторые помогали и деньгами. (5) Против отказавшихся добровольно подчиниться афиняне выслали войско и одних покорили силой, других же не удалось привести в покорность, так как этому помешали сиракузяне, выславшие на помощь свои гарнизоны. На зиму афиняне перенесли стоянки своих кораблей из Наксоса в Катану и, восстановив свой лагерь, сожженный сиракузянами, провели там зиму. (6) Затем они послали триеру в Карфаген, с тем чтобы предложить союз и разведать, нельзя ли получить там какую-либо помощь. Послали также и в Тирсению, где некоторые города сами добровольно решили вступить в войну. Разным сицилийским племенам и эгестянам они приказали прислать как можно больше коней. Афиняне запаслись также и всеми прочими материалами — кирпичом, железом и вообще всем, что необходимо для осадных работ, чтобы в начале весны возобновить военные действия. (7) Отправленные в Коринф и Лакедемон послы сиракузян по пути вместе с тем старались при удобном случае убедить также и италийских эллинов обратить внимание на опасные и для них планы афинян. По прибытии в Коринф послы настоятельно просили о помощи, ссылаясь на племенное родство. (8) Коринфяне с величайшей готовностью постановили не только немедленно всеми средствами оказать помощь, но и отправили своих послов вме-

сте с сиракузскими в Лакедемон, чтобы побудить лакедемонян более решительно действовать против афинян и, кроме того, направить помощь в Сицилию. <...>

94. В начале следующей весны афиняне, бывшие в Сицилии, выйдя из Катаны, отплыли вдоль побережья к Мегарам Гиблейским, землю которых, как я уже сказал, при тиране Гелоне захватили сиракузяне, изгнав ее жителей. (2) Высадившись здесь, они начали опустошать поля и затем напали на какое-то сиракузское укрепление, но не смогли его взять. Затем направились по суше и на кораблях вдоль побережья к реке Терию, где после высадки также принялись разорять равнину и сжигать хлеб. Встретив там кучку сиракузян, они перебили несколько человек, поставили трофей и возвратились к своим кораблям. (3) После этого афиняне вернулись в Катану за съестными припасами, а оттуда со всем войском пошли на Кенторины, городок сикулов. Принудив его к сдаче, они отступили, по пути сжигая хлеб инессеян и гиблеян. (4) В Катане они застали 250 всадников из Афин с конской сбруей, но без коней (так как предполагалось, что коней они добудут на месте), а также 30 конных лучников и 300 талантов серебра.

Фукидид. История. Книга VII

4. Затем сиракузяне со своими союзниками принялись строить новую однорядную стену через Эпиполы (рядом с прежней поперечной стеной), начав ее к северу от города, чтобы афиняне не смогли соорудить свою стену, в том случае, если им не удастся помешать работам сиракузян. (2) Афиняне, завершив постройку осадной стены внизу у моря, дошли уже до возвышенности. Однако один из участков афинской стены был слаб; здесь-то Гилипп и произвел со своим войском попытку ночного нападения. Но афиняне (которые проводили эту ночь под открытым небом, расположившись вне укреплений), заметив приближение врага, выступили навстречу. (3) Гилипп, лишь только увидел этот маневр афинян, быстро отвел своих людей назад. Затем афиняне, надстроив в этом месте стену, взяли на себя ее охрану, а остальных воинов — союзников — разместили теперь по другим участкам, распределив участки между отдельными отрядами. (4) Никий между тем решил укрепить так называемый Племмирий. Этот мыс, расположенный против города, выдается перед Большой гаванью и суживает вход в нее. Укрепление этого мыса, как думал Никий, облегчит подвоз продовольствия. (8) Между тем Никий, получив известие о приближении остальных кораблей коринфян, отправил 20 кораблей с приказанием охранять от них места возможной высадки у Локров, Регия и сицилийского побережья. <...>

8. Узнав об этом и видя, что силы врагов со дня на день возрастают, а положение афинян становится все затруднительнее, Никий также отправил в Афины вестников: если и раньше ему нередко приходилось посылать донесения, то тем более теперь было необходимо сделать это, так как он понимал крайнюю опасность положения афинян и считал, что если войско немедленно не отзовут из Сицилии или не пришлют значительного подкрепления, то спасения нет. (2) Опасаясь, что посланцы то ли по неумению говорить, то ли еще и по забывчивости или, наконец, в угоду толпе могут неверно изобразить положение, Никий отправил письменное донесение: он рассчитывал, что в этом случае афиняне, узнав его подлинное мнение, не искаженное при передаче, смогут лучше всего обсудить истинное положение дел. (3) Итак, вестники отправились, везя с собой послание Никия и поручения, которые следовало передать на словах. Никий же, исполняя свои обязанности полководца, предпочитал беречь свое войско, держась в обороне, нежели рисковать без необходимости. <...>

16. Таково было положение дел в Сицилии согласно донесению Никия. Афиняне, выслушав послание, все же не освободили Никия от должности, но до прибытия других лиц, выбранных ему в товарищи по должности, временно назначили двух помощников из числа участников экспедиции — Менандра и Евтидема, — не желая заставлять больного человека одного нести бремя командования. Кроме того, решили послать подкрепление флоту и сухопутному войску из числа граждан, внесенных в призывной список гоплитов, и союзников. (2) Товарищами Никию были избраны Демосфен, сын Алкисфена, и Еври-

медонт, сын Фукла. Евримедонт отправился в Сицилию тотчас же в период зимнего солнцеворота на 10 кораблях с 20 талантами серебра, приказав сообщить находящемуся там войску, что придут подкрепления и что афиняне позаботятся о нем.

17. Демосфен же, оставаясь пока в Афинах, снаряжался к отплытию весной: он посылал к союзникам требования выставить вспомогательные войска и собирал в Афинах деньги, снаряжение, корабли и гоплитов. Афиняне выслали также эскадру из 20 дозорных кораблей в пелопоннесские воды, чтобы воспрепятствовать переправе в Сицилию из Коринфа и Пелопоннеса. <...>

21. А в Сицилии в эту же весеннюю пору Гилипп возвратился в Сиракузы, собрав какое смог подкрепление в городах, которые изъявили согласие поддержать сиракузян. (5) Итак, под влиянием убедительных речей Гилиппа, Гермократа и некоторых других сиракузяне стали ревностно готовиться к морскому сражению и набирать экипажи кораблей.

22. Гилипп, снарядив корабли, к ночи сам выступил со всеми сухопутными силами, чтобы с суши атаковать укрепления в Племмирии. В это время сиракузские триеры по данному сигналу вышли в море — 35 кораблей — из Большой гавани, (2) а другие 45 — из Малой (где у сиракузян была верфь), и поплыли, огибая остров. Они должны были соединиться с кораблями из Большой гавани и вместе идти на Племмирии, чтобы одновременное нападение — с суши и с моря — привело афинян в замешательство. Афиняне же со своей стороны поспешно посадили команду на свои шестьдесят кораблей: 25 из них вступили в бой с 35 кораблями сиракузян в Большой гавани, а остальные пошли на неприятельские корабли, огибавшие остров, из верфи. Началась морская битва перед входом в Большую гавань, причем упорная борьба велась долго: одни стремились прорваться, другие препятствовали этому.

23. Пока афиняне в Племмирии, выйдя на берег, наблюдали за ходом морской битвы, Гилипп внезапно на заре напал на их укрепления. Сначала ему удалось захватить самое большое укрепление, а затем и два меньших (причем их защитники, увидев, как легко было захвачено большое укрепление, не стали даже ожидать нападения и бежали). (2) Защитники захваченного первым укрепления, которым удалось бежать на корабли и на одно из грузовых судов, с трудом спаслись в афинский лагерь: их преследовала быстроходная сиракузская триера (после того, как в Большой гавани сиракузские корабли стали одолевать афинян). (3) Однако во время взятия двух афинских укреплений сиракузская эскадра уже стала терпеть поражение, и бежавшим оттуда защитникам легче удалось уйти, плывя вдоль берега. Корабли сиракузян, сражавшиеся перед входом в гавань, прорывались сквозь строй афинских кораблей и проникали в гавань, уже утратив боевой порядок, в полном смятении, так что уступили победу афинянам, (4) которые обратили в бегство не только эти корабли, но и те, которые сначала одолели их в гавани. 11 сиракузских кораблей афиняне потопили и многих из их экипажа перебили; только команда с трех кораблей была захвачена в плен. Сами афиняне потеряли 3 корабля. Собрав обломки сиракузских кораблей, афиняне воздвигли на островке перед Племмирием трофей и возвратились в свой лагерь. <...>

39. На следующий день сиракузяне таким же образом, как накануне, возобновили атаку сухопутными и морскими силами, но уже в более ранний час. Обе эскадры, как и прежде, стояли друг против друга и опять провели большую часть дня в таком положении, пробуя силы противника. Наконец коринфянин Аристон, сын Пиррихия, лучший кормчий у сиракузян, дал совет военачальникам своей эскадры приказать рыночным властям в городе скорее перенести рынок со всеми товарами на морской берег и заставить продавцов вынести туда какие у кого есть съестные припасы. Это было сделано для того, чтобы экипажи кораблей вышли на берег и тут же могли спокойно пообедать и затем в тот же день, через несколько времени, неожиданно возобновить атаку на врага.

40. Приняв совет Аристона, военачальники послали вестника в город. Рынок был перенесен, и сиракузяне внезапно стали грести задним ходом к городу. Затем тотчас же сошли на берег и принялись за обед. (2) Тогда афиняне, в уверенности, что неприятели отступили в

город, отказываясь принять сражение, также спокойно сошли на берег и занялись разными делами и приготовлением обеда, вовсе не ожидая в этот день нападения врагов. (3) Между тем сиракузяне внезапно сели на корабли и перешли в наступление. Афиняне в сильном смятении беспорядочно вернулись на свои корабли (большинство не успело даже поесть) и лишь с трудом наконец смогли выйти навстречу врагу. (4) Некоторое время противники опять стояли друг против друга, воздерживаясь от нападения. Затем афиняне решили, что им не следует тратить силы на утомительное выжидание, а необходимо как можно скорее напасть на неприятеля. Подбадривая друг друга, афиняне двинулись на врага, и битва началась. (5) Сиракузяне держались спокойно. Согласно своему плану они направляли носы своих кораблей против неприятельских и наносили вновь приделанными таранами глубокие пробоины (главным образом в носовой части афинских кораблей с выносной греблей). Сиракузские метатели дротиков также причиняли много вреда афинянам с палубы своих кораблей, а еще более те, которые подплывали на лодках сбоку под весла афинских кораблей или, пlying возле них, поражали дротиками гребцов.

41. Сражаясь таким образом, сиракузяне наконец одержали победу. Афиняне бежали сквозь линию грузовых судов, стоявших на якоре, ища убежища на своей стоянке. (2) Сиракузские корабли преследовали врагов до линии грузовых судов: дальше путь был прегражден балками с дельфинами на концах, поднятыми с грузовых судов над проходами. При этом два сиракузских корабля, увлеченные успехом, близко подошли к ним и были уничтожены (один из них даже попал в плен вместе с экипажем). Зато сиракузяне потопили семь афинских кораблей и многим нанесли пробоины. Экипажи этих кораблей были частью взяты в плен, а частью перебиты. Затем сиракузяне отступили и поставили трофеи в честь обеих морских побед. С этой поры сиракузяне уже твердо уверились в том, что их корабли далеко превосходят афинские, и считали, что и на суше они также одержат победу.

42. Итак, сиракузяне вновь стали готовить нападение на афинян на суше и на море. Как раз во время этих приготовлений сиракузян Демосфен и Евримедонт прибыли с афинскими подкреплениями. Они привели с собой флот в 73 корабля (считая вместе с иноземными), войско из 5 тысяч афинских гоплитов и союзников, значительное число метателей дротиков (варваров и эллинов), пращников, лучников и, кроме того, изобилие различных военных припасов. (2) В первое время сиракузяне и союзники были потрясены приходом афинских подкреплений. Казалось, сиракузянам никогда не избавиться от этой войны. Они видели теперь, что, невзирая на укрепление Декелей, все-таки в Сицилию прибыло войско, не уступающее первому, и мощь афинян действительно велика повсюду. Зато прежнее афинское войско Никия почерпнуло в приходе подкреплений новую бодрость после понесенного поражения. (3) Демосфен, увидев, как обстоят дела, решил не терять времени, чтобы не оказаться в том же положении, что и Никий. Действительно, в первое время по прибытии Никий внушал страх. Но так как он не атаковал Сиракузы сразу, а зимовал в Катане, то вызвал к себе пренебрежительное отношение. Гилюпп тем временем успел привести из Пелопоннеса войско, которое сиракузяне даже и не вызвали бы, если бы Никий немедленно напал на Сиракузы. Ведь вначале сиракузяне полагали, что сил у них достаточно, и поняли бы свою слабость лишь тогда, когда были бы окружены осадной стеной, а после этого и помощь из Пелопоннеса не была бы им столь полезна. Таковы были расчеты Демосфена. Демосфен понимал, что и сам он в настоящем положении больше всего страха может внушить противнику именно в первое время. Поэтому он решил как можно скорее воспользоваться тем смятением, какое овладело противником при виде его войска. (4) Демосфен видел, что поперечная стена сиракузян (которой они воспрепятствовали афинянам полностью блокировать город) построена в один ряд и что, овладев местом подъема на Эпиполы и находящимся там лагерем, стену легко можно будет взять (поскольку никто, думал Демосфен, не устоит против афинян). Поэтому он счел необходимым немедленно приступить к решительным действиям, которые, как он надеялся, скорее всего положат конец войне. (5) При успехе он овладеет Сиракузами, а в противном случае

уведет свое войско назад, и тогда афинянам не придется напрасно истощать свои силы — ни тем, кто участвует с ним в походе, ни гражданам на родине. (6) Итак, прежде всего афиняне выступили из лагеря и начали опустошать сиракузскую область в окрестностях Анапа. Как и в первый раз, их сухопутное войско и корабли имели преобладание над врагами (ведь ни на суше, ни на море сиракузяне не выходили из города, за исключением конницы и метателей дротиков из Олимпиея).

43. Затем Демосфен решил захватить поперечную стену с помощью осадных машин. Однако машины, когда он подвел их к стене, были сожжены защитниками стены. Атаки остального афинского войска во многих пунктах также были отбиты. Поэтому Демосфен с согласия Никия и остальных военачальников задумал осуществить свой план нападения на Эпиполы. (2) Полагая, что днем нельзя незаметно подойти к Эпиполам и подняться на высоту, он приказал воинам заготовиться съестным на 5 дней и придал к войску каменщиков и плотников, а также запас стрел и различных орудий, необходимых в случае успеха для осадных работ. Сам он, а также Евримедонт и Менандр с большей частью войска приблизительно в пору первого сна двинулись к Эпиполам, а Никий остался в укреплении. (3) Приблизившись к самим Эпиполам у Евриела (где прежнее войско в первый раз совершило подъем), афиняне, не замеченные сиракузской стражей, овладели сооруженным там сиракузянами укреплением и перебили несколько воинов гарнизона. (4) Однако большинство защитников тотчас же бежало к трем укрепленным лагерям на Эпиполах (в одном находились сиракузяне, в другом — остальные сицилийские эллины, в третьем — союзники). Беглецы сообщили о нападении врага, а также в подробностях доложили об этом отряду из 600 сиракузян, стоявшему на передовых постах на этой стороне Эпипол. (5) Те тотчас же поспешили на помощь, но Демосфен и афиняне, встретив их, обратили в бегство, несмотря на храброе сопротивление. Демосфен во главе отряда тотчас же двинулся вперед. Он решил не упускать благоприятного момента и, не ослабляя натиска, довести до конца дело, ради которого афиняне и пришли. Между тем другие отряды афинян, сломив сопротивление защитников, захватили находившуюся перед ними поперечную стену и прежде всего стали разрушать брустверы. (6) Сиракузяне, их союзники и Гилипп во главе своего отряда поспешили из передовых укреплений на помощь. Но так как это ночное нападение афинян было для сиракузян совершенно неожиданным и они не успели еще опомниться от растерянности при встрече с афинянами, то они были смяты и под натиском врага сначала отступили. (7) Однако афиняне продвигались теперь уже в меньшем порядке. Они считали себя победителями и желали теперь только как можно скорее расправиться с теми неприятелями, которые еще не вступили в бой. Афиняне опасались, как бы те не собрались опять для сопротивления, если их натиск приостановится. Но беотийцы первыми оказали сопротивление афинянам и, атаковав их, обратили в бегство.

44. Теперь уже афиняне пришли в замешательство и оказались в весьма стесненном положении. И нелегко было получить сведения о том, каков был ход событий, ни от той, ни от другой стороны. Ведь даже и днем, когда можно яснее видеть происходящее, отдельный участник битвы едва знает лишь то, что самому пришлось испытать, а не общий ход событий в целом. Как же можно было представить себе ясную картину этой ночной битвы (причем единственной в эту войну между большими армиями)? (2) Правда, луна ярко светила и можно было видеть друг друга, но лишь общие очертания человека (и как это естественно, при лунном свете с уверенностью отличить своего от врага было трудно). Множество гоплитов с обеих сторон собрались на узком пространстве. (3) Между тем одна часть афинского войска уже терпела поражение, тогда как другая после первого натиска успешно пробивалась вперед. Остальное войско большей частью либо только заняло высоты, либо еще поднималось на них, и воины не знали, в какую сторону идти. Ведь афинский авангард, лишь только началось бегство, пришел в смятение и беспорядок, и из-за громких криков трудно было что-либо узнать о его положении. (4) Воодушевленные успехом сиракузяне и их союзники поощряли друг друга громким криком (так как ночью иначе было невозможно передавать команду) и вместе с тем отражали атаки противника.

Афиняне же искали друг друга, считая врагом всякого, кто шел с противоположной стороны, даже если это были свои же афиняне, уже бежавшие назад. Не имея другой возможности отличить своих от врагов, афиняне постоянными и частыми вопросами о пароле не только поднимали шум, спрашивая разом многих, но и открывали пароль врагам. (5) Напротив, афинянам не был известен неприятельский пароль, так как враги как победители не рассеивались, и им было легче опознать друг друга без пароля. Поэтому, если афиняне даже одолевали в стычке с каким-нибудь вражеским отрядом, то врагам все же удавалось ускользнуть благодаря знанию пароля афинян. Напротив, если афиняне не отвечали на пароль, враги их тотчас убивали. (6) Особенно же вредило афинянам пение пеана. Так как пеан у обеих сторон был приблизительно одинаков, то это создавало замешательство. Всякий раз, когда аргосцы, керкиряне и другие дорийцы в афинском войске запевали пеан, они наводили страх на афинян, словно его пели враги. (7) Наконец, когда смятение вдруг охватило многие части афинского войска, друзья с друзьями и граждане с гражданами не только приходили в ужас при взаимных столкновениях, но даже вступали в рукопашную схватку, так что лишь с трудом расходились. (8) Так как спуститься с Эпипол можно лишь по узкой тропинке, то многие воины, спасаясь от преследования, бросались вниз с обрыва и погибали. Остальные, кому удалось благополучно спуститься на равнину, если это были старые воины, лучше знакомые с местностью, бежали в лагерь, тогда как вновь прибывшие часто сбивались с пути и блуждали. С наступлением дня их перебили разъезжавшие по этой местности сиракузские всадники. <...>

55. Теперь, после блестящей победы сиракузян и над афинской эскадрой Демосфена, приход которой сначала их устранил, афиняне пришли в полное уныние. Велико было разочарование, вызванное неожиданным поворотом военного счастья, но еще сильнее раскаяние в предпринятом походе. (2) Ведь здесь в Сицилии афиняне впервые столкнулись с городами одинаковой культуры и напали на города с демократическим (как и у них) государственным строем, обладавшие в изобилии кораблями, лошадьми и прочими средствами для ведения войны. Эти города они не могли ни ослабить, внося в них внутренние раздоры, ни подчинить значительным превосходством своей военной мощи. Расчеты афинян в большинстве не оправдались, и если они уже и раньше сознавали опасность своего положения, то теперь после неудачи на море (чего они уже никак не ожидали) оно оказывалось еще более затрудненным.

56. Тотчас после своей победы на море сиракузяне стали безбоязненно крейсировать со своей эскадрой вдоль гавани и намеревались запретить вход в нее, чтобы афиняне, даже при желании, не смогли тайком выйти оттуда. (2) Теперь сиракузяне уже заботились не только о собственном спасении, но и о том, чтобы отнять возможность спасения у афинян. Они с полным основанием считали свое нынешнее военное положение преобладающим и были убеждены, что если бы им удалось одолеть афинян и их союзников на суше и на море, то это было бы блестящим подвигом в глазах эллинов. Ведь тогда и прочие эллины могли либо немедленно обрести свободу, либо избавиться навсегда от страха перед афинянами: ведь афиняне, располагая лишь остатками своих сил, не смогут оказать сопротивление тому, кто в будущем пойдет против них войной. Им же — сиракузянам — достанется вся слава столь блистательного подвига, и они заслужат этим величайшее удивление современников и потомства. <...>

69. После такого увещания, обращенного к воинам, сиракузские военачальники и Гилипп, видя, что афиняне производят посадку, в свою очередь, немедленно посадили своих людей на корабли. (2) В этот момент, когда эскадра была уже почти готова выйти в море, Никий, осознав близость великой опасности, потерял голову: ему казалось, как это бывает с людьми в критических положениях, что у афинян не все еще готово и то, что следовало бы сказать людям, еще не досказано. Он вызвал снова всех триерархов кораблей и обратился к каждому в отдельности, называя по имени и отчеству, с упоминанием его филы. Напоминая каждому, кто уже ранее чем-то отличился, о его прежних заслугах, Никий увещевал его и на этот раз не изменить своей славе, а тех, кто имел знатных предков, —

не посрамить отеческой доблести. Он убеждал их также вспомнить об отечестве, где люди наслаждаются свободой и где каждому дана возможность устроить свою частную жизнь независимо. Говорил он и о многом другом, что обычно говорят в подобном положении, не беспокоясь о том, что его слова — о женах и детях и об отеческих богах — покажутся общеизвестными фразами, какие людям в таких случаях назойливо повторяют, считая их полезными в момент замешательства. (3) Высказав воинам все, что считал самым необходимым (хотя и недостаточным), Никий двинулся с сухопутным войском к побережью, растянув свою боевую линию как можно больше, чтобы этим поддержать дух своих людей на кораблях. (4) Демосфен же, Менандр и Евфидем (которые вступили в командование эскадрой) покинули лагерную стоянку и немедленно поплыли к заграждению гавани и к оставленному проходу с намерением прорваться силой.

70. Сиракузяне и их союзники вышли в бой приблизительно с таким же количеством кораблей, как и прежде. Они расставили часть своих кораблей на страже у выхода из гавани, а часть кругом всей остальной гавани, чтобы напасть на афинян со всех сторон. (2) Одновременно пехота сиракузян заняла позиции для поддержки своих кораблей в тех местах, где эти корабли могли пристать. Во главе сиракузского флота стояли Сикан и Агафарх, причем каждый командовал одним из флангов всей эскадры. Пифен же и коринфяне занимали центр. Приблизившись к заграждению, афиняне пытались первым натиском опрокинуть поставленные поперек прохода корабли и разбить цепи заграждения. Тогда сиракузяне и союзники со всех сторон напали на афинян, и завязалась еще более жестокая чем прежде битва, и не только у заграждения, но и во всей гавани. (3) Велико было с обеих сторон рвение гребцов при каждом приказе нанести удар неприятельскому кораблю. Велико было также соревнование кормчих в искусстве маневрирования и обоюдное соперничество. И корабельные воины при столкновении кораблей также всячески старались в борьбе с палубы показать, что они никому не уступают в своем искусстве, и каждый отдельный воин на своем посту спешил превзойти всех остальных. (4) Никогда еще не сражалось на столь узком пространстве такое множество кораблей, как здесь: ведь с обеих сторон насчитывалось около двухсот кораблей. Так как в суматохе битвы невозможно было грести назад или подплывать на веслах к неприятелю, то принятый способ нападения на неприятельские корабли приходилось применять лишь изредка. Чаще происходили случайные столкновения, когда один корабль, убегая от преследования, наталкивался на другой или, нападая, сталкивался с третьим. (5) Пока один корабль шел на сближение с другим, стрелки на палубе вражеского судна осыпали его градом дротиков, стрел и камней; когда же корабли подплывали борт о борт, воины на палубе бросались в рукопашную схватку, стараясь взойти на вражеское судно.

71. Пока результаты морской битвы оставались неопределенными, сухопутное войско обеих сторон в смятении и с напряженным вниманием следило с берега за ее ходом. (2) Местное войско сиракузян жаждало решительной победы, а пришельцы-афиняне опасались оказаться в еще худшем положении, чем теперь. Все свои надежды афиняне возлагали на корабли, и потому их страх за будущее был неописуем. В силу неодинакового хода морской битвы на отдельных ее участках, картина битвы, открывшаяся зрителям, выглядела по-разному. (3) Так как ее можно было наблюдать лишь с близкого расстояния и поле зрения было ограничено, то не у всех афинян перед глазами был одновременно один и тот же пункт: одни, видя где-нибудь успех своих, приободрялись и зывали к богам с мольбой о спасении и впредь; другие же, заметив где-нибудь неудачу, испускали скорбные вопли, и зрелище происходящей борьбы удручало их больше, чем самих бойцов действительность. Третьи, наконец, обращали свои взоры туда, где на протяжении долгой борьбы положение оставалось неопределенным. Объятые страхом зрители переживали мучительное состояние, и их душевная тревога отражалась в произвольных телодвижениях: (4) спасение и поражение для них чередовались с минуты на минуту. И поэтому в войске афинян, пока морское сражение шло без решающего перевеса на той или другой стороне, сливались вместе крики ликования победителей и вопли побежденных, и самые разнообраз-

ные возгласы, которые в час грозной опасности постоянно раздаются в большом войске. (5) Почти то же происходило у афинян и на море, пока наконец сиракузяне и их союзники после долгой борьбы решительным натиском не одолели афинян и с громкими криками, ободряя друг друга, не бросились преследовать их до берега. (6) Тогда афинские моряки, кто на море еще не попал в руки врагов, устремились кто куда к берегу искать спасения в лагере. Войско же на берегу теперь уже без различия в едином порыве с громкими воплями и стенанием предавалось отчаянию. Одни спешили на помощь кораблям, другие бросались к еще не занятой врагом части укреплений. Третьи — и таких было большинство — думали только о том, как бы им спастись самим. (7) Никогда еще прежде афинян не постигал такой удар, как на этот раз. Здесь афиняне находились в таком же положении, какое они сами создали лакедемонянам в Пилосе. Ведь там после уничтожения их кораблей лакедемоняне потеряли также и высаженный на острове отряд, и теперь у афинян не было больше никакой надежды спастись по суше, если не произойдет что-либо неожиданное.

72. После жестокой морской битвы, в которой обе стороны понесли большие потери и людьми и кораблями, сиракузяне и союзники одержали победу. Собрав обломки разбитых кораблей и трупы своих павших воинов, они возвратились в город и поставили трофей. (2) Напротив, афиняне, потрясенные постигшим их страшным несчастьем, даже не пытались собирать обломки разбитых кораблей и просить о выдаче павших для погребения. Они думали только о том, как бы немедленно отступить ночью. (3) Демосфен предложил Никию немедленно посадить экипажи на уцелевшие корабли и на заре вновь сделать попытку силой пробиться из гавани; он утверждал, что у них — афинян — осталось больше исправных кораблей, чем у неприятелей. Действительно, у афинян было еще около 60 кораблей, а у врагов — меньше 50. (4) Никий согласился с мнением Демосфена. Однако, когда они хотели вновь посадить команду на корабли, люди стали отказываться взойти на борт, так как, подавленные неудачей, больше не верили в победу. <...>

75. После этого, когда Никий и Демосфен решили, что приготовились достаточно, на третий день после морской битвы, наконец войска двинулись из лагеря. (2) Положение афинян было ужасно не только тем, что они теперь отступали, потеряв из своих боевых сил все корабли и вместо великой надежды на победу сами они и государство были в опасности, но и тем, что покидаемый лагерь являл каждому горестное, ранящее душу зрелище. (3) Ведь тела павших не были погребены, и всякого увидевшего среди трупов родственника охватывало чувство скорби и страха. Раненые и больные, покидаемые еще живыми, были в глазах оставшихся в живых еще более достойны жалости и несчастнее погибших. (4) Своими мольбами и жалобами они повергали уходящее войско в полное расстройство. Они упрашивали взять их с собой, завидев кого-нибудь из друзей или близких, обращались к каждому, называя его по имени, хватались за одежды своих товарищей по палатке в самый момент отправления и тащились за ними пока хватало сил и наконец со страшными воплями и проклятиями отставали, покинутые всеми. Так все войско в слезах из-за безысходности своего положения насилу тронулось с места, хотя и уходило из неприятельской земли, где оно уже вынесло тяжкие муки, превышавшие меру слез. Но неясное будущее сулило им еще новые страдания. Подавленные афиняне сокрушались, обвиняя в бедствии самих себя. (7) Действительно, это было величайшим крушением воинского счастья, которое эллинскому войску когда-либо пришлось испытать. Если оно явилось в Сицилию, чтобы поработить других, то теперь ему приходилось бежать, опасаясь такой участи для себя. Вместо радостных пожеланий и воинственных гимнов, с которыми они отплывали, при возвращении назад слышались иные возгласы; вместо того чтобы плыть по морю, они шли пешком и надеялись больше на гоплитов, чем на корабли. Однако все это казалось еще терпимым в сравнении с нависшей над ними в ближайшем будущем опасностью. <...>

81. Тем временем сиракузяне и союзники с наступлением дня заметили уход афинян. В сиракузском войске стали подозревать Гилиппа в том, что тот нарочно позволил афинянам уйти. Сиракузяне тотчас же бросились в погоню (ведь узнать, в каком направлении

пошел неприятель, было нетрудно) и снова настигли афинян в полуденную пору. (2) Как только они подошли к отряду Демосфена (который шел сзади и после ночных страхов и смятения двигался слишком медленно и в беспорядке), то сразу же бросились на врага и завязали сражение. Сиракузская конница тем легче могла окружить афинян и оттеснить их в одно место, что они отделились от остального войска. (3) Между тем отряд Никия был уже впереди не менее чем стадий на 50. Никий двигался скорее Демосфена, полагая, что в таком положении спасение не в том, чтобы непременно останавливаться для сражения, но как можно скорее отступить, сражаясь лишь в случае крайней необходимости. (4) Напротив, Демосфен, следуя в арьергарде, уже раньше подвергался обычно большей опасности, чем. Никий, так как неприятель всегда сначала нападал на его отряд. И теперь также, увидев у себя в тылу сиракузян, Демосфен, вместо того чтобы продолжать путь, считал более правильным выстроить своих людей в боевом порядке. Потеряв на эти маневры много времени, он был окружен сиракузянами и оказался со своими воинами в безвыходном положении. Оттесненные в какой-то огороженный стеной участок с выходом по обеим сторонам, засаженный множеством оливковых деревьев, они очутились под обстрелом со всех сторон. (5) Сиракузяне, естественно, предпочитали сражаться таким способом, нежели грудь с грудью с противником в открытом бою. Ведь в битве не на жизнь, а на смерть с людьми отчаявшимися сиракузянам было труднее рассчитывать на победу, чем их противникам. Кроме того, сиракузяне стремились щадить свои силы (при столь явном превосходстве над врагом), чтобы не нести потерь без необходимости: они рассчитывали и так сломить врагов и заставить их сдаться.

82. Целый день продолжался со всех сторон обстрел афинян и их союзников. Затем Гилипп, сиракузяне и союзники, видя, что враги совершенно обессилены от ран и прочих бед, велели прежде всего объявить через глашатая, что островитяне могут, если пожелают, переходить к ним на условиях сохранения свободы. И действительно, к ним перешли отряды нескольких городов, правда, лишь немногих. (2) Затем позднее сиракузяне заключили соглашение и с остальными воинами, по которому весь отряд Демосфена сложил оружие, при условии, что никто не будет казнен или умерщвлен путем заключения в окопы или лишения необходимой пищи. (3) В общем сложило оружие 6000 человек. Все деньги, которые воины имели при себе, они должны были сдать, бросая на перевернутые щиты. Таким образом было наполнено четыре щита, которые сиракузяне тотчас же отправили в город. Между тем Никий со своим отрядом достиг в этот день реки Эринея и, перейдя реку, велел разбить лагерь на какой-то возвышенности.

83. На следующий день сиракузяне настигли Никия и, сообщив о капитуляции всего отряда Демосфена, потребовали, чтобы и он поступил так же. Никий не хотел поверить в это и добился разрешения сначала послать всадника, чтобы убедиться. (2) Всадник быстро уехал и по возвращении подтвердил, что отряд Демосфена действительно капитулировал. Тогда Никий велел передать Гилиппу и сиракузянам, что готов заключить соглашение и от имени афинского народа обязуется возместить сиракузянам военные расходы, если те предоставят ему с войском свободный выход. До уплаты денег он предлагал им выдать афинян заложниками, по одному человеку на талант. (3) Гилипп и сиракузяне, однако, отвергли предложение Никия. Они напали на афинян и, окружив их и здесь со всех сторон, обстреливали до ночи. (4) При нехватке хлеба и вообще всего необходимого положение афинян было тяжелым. Все же они решили, воспользовавшись ночным затишьем, уйти. Однако, лишь только афиняне взяли за оружие, сиракузяне заметили это и запели пеан. (5) Увидев, что их замысел открыт, афиняне снова сложили оружие, кроме отряда человек в 300, который пробился через вражескую стражу и ночью шел наудачу, где попало.

86. Сиракузяне и союзники собрались вместе и затем, взяв с собой как можно более пленников и вражеских доспехов, возвратились в город. (2) Всех остальных пленников — афинян и союзников — они отправили в каменоломни — самое надежное, по их мнению, место заключения. Никия и Демосфена они велели казнить, несмотря на возражения Гилиппа. Ведь Гилипп надеялся, кроме других своих блестящих подвигов, еще стяжать себе

громкую славу, приведя в Лакедемон пленных вражеских военачальников. (3) Случайно один из них — Демосфен — оказался его злейшим врагом (из-за неудачи на острове и у Пилоса), другой же — человеком, проявившим самое дружественное расположение в этом деле. Действительно, Никий побудил афинян заключить мир, добивался освобождения пленников с острова. (4) За это лакедемоняне питали к нему дружественные чувства, и потому главным образом Никий доверчиво сдался Гилиппу. Однако некоторые люди в Сиракузах, которые раньше, как было упомянуто, поддерживали сношения с Никием, испугались теперь, что он может при допросе под пыткой показать на них и это нарушит их нынешнее благополучие. Другие, особенно коринфяне, боялись, что Никий благодаря своему богатству может, подкупив кого-нибудь, бежать и это создаст для них неприятные осложнения. Поэтому все они убедили союзников казнить Никия. (5) Такие и подобные соображения и были причиной казни Никия, меньше всех из эллинов моего времени заслуживавшего столь несчастной участи, ибо он в своем поведении всегда следовал добрым обычаям.

87. Первое время сиракузяне обращались с пленниками в каменоломнях жестоко. Множество их содержалось в глубоком и тесном помещении. Сначала они страдали днем от палящих лучей солнца и от духоты (так как у них не было крыши над головой), тогда как наступившие осенние ночи были холодными, и резкие перемены температуры вызывали опасные болезни. (2) Тем более что скученные на узком пространстве, они были вынуждены тут же совершать все естественные отправления. К тому же трупы умерших от ран и болезней, вызванных температурными перепадами и тому подобным, валялись тут же, нагроможденные друг на друга, и потому стоял нестерпимый смрад. Кроме того, пленники страдали от голода и жажды. В течение 8 месяцев им ежедневно выдавали лишь по 1 котиле воды и по 2 котилы хлеба. Вообще же все возможные бедствия, которые приходится терпеть людям в подобном положении, не миновали пленников. (3) Таким образом они все вместе провели 70 дней; затем сиракузяне всех остальных пленников, кроме афинян и сицилийских и италийских пленных, участвовавших в походе, продали в рабство. (4) Общее количество пленных составляло по меньшей мере 7000 человек (хотя точные данные трудно установить). (5) Это было самое важное военное событие из всех эллинских предприятий не только во время войны, но, как мне кажется, и вообще когда-либо происшедшее в течение всей эллинской истории и самое славное событие для победителей и злополучное для побежденных. (6) Действительно, афиняне были повсюду совершенно разбиты, и их сухопутное войско и флот понесли тягчайшие потери, можно сказать, до последнего человека. Только немногим из многочисленного войска, выступившего в поход, удалось спастись и вернуться домой. Так кончился Сицилийский поход.

Перевод Г.А. Стратановского

Вопросы по тексту источника:

1. Чем были вызваны разногласия среди военных руководителей Афин накануне Сицилийской экспедиции? Кто выступал за начало похода, а кто – против? Каковы были аргументы сторон?
2. Кто стал предводителем Сицилийского похода? Изменялся ли состав руководства экспедиции? С чем это было связано?
3. Каковы были изначальные планы Афин? Какие споры возникали среди афинских военачальников по этому вопросу? Кто из стратегов предлагал более осторожный план ведения войны, а кто – более смелый? Чьи планы оказались более дальновидными?
4. Кратко опишите маршрут экспедиции, опираясь на сведения источника. Расскажите о ходе важнейших сражений.
5. Каковы были итоги Сицилийского похода? Подумайте, в чем были причины неудачи афинян?

Подготовка Декелейской осады

Фукидид. История. Книга VI.

88. (9) В Лакедемонне коринфские послы встретили Алкивиада и его товарищей по изгнанию. Алкивиад только что переправился на грузовом корабле из Фурий сначала в Киллену в Элиде, а отсюда по приглашению самих лакедемонян прибыл в Лакедемон, обеспечив себе предварительно личную безопасность. Он опасался лакедемонян в связи со своим участием в мантинейских делах. (10) Случилось так, что Алкивиад, выступая в народном собрании, советовал то же самое, к чему настоятельно старались склонить коринфяне и сиракузяне. Эфоры и другие власти в Лакедемонне хотели отправить послов в Сиракузы, чтобы предотвратить сдачу города афинянам, но не собирались оказывать помощь сиракузянам. Тогда выступил Алкивиад и, возбуждая у лакедемонян враждебное чувство к афинянам, стал подстрекать их к энергичным действиям следующими словами. <...>

91. (5) Также и здесь, в Элладе, вы должны открыто начать военные действия. Тогда сиракузяне, видя, что вы не забыли о них, станут упорнее сопротивляться, афинянам же будет труднее посылать подкрепление в Сицилию. (6) Затем вам необходимо укрепить Декелею в Аттике, чего афиняне больше всего опасаются, полагая, что это — единственное бедствие, которого они еще не извели среди военных превратностей. Самый верный способ причинить ущерб противнику — это наметить слабый пункт, за который противник более всего опасается, и затем, собрав о нем точные сведения, нанести удар. Ведь каждый, естественно, сам знает лучше всего, чего ему опасаться. (7) Выгоды же для вас от укрепления Декелей и ущерб, который вы этим причините неприятелю, я изложу кратко, в общих чертах. Все запасы и средства этой страны вы сможете захватить силой, или они сами собой перейдут в ваши руки. Афиняне же сразу лишатся всех доходов и поступлений с Лаврийских серебряных рудников, а также от земельных угодий и судов. Особенно же уменьшится союзническая дань: когда союзники убедятся, что вы наконец ведете войну со всей решительностью, они станут пренебрегать обязанностью платить дань.

92. От вас, лакедемоняне, зависит, как скоро и сколь энергично будет выполняться весь этот план. А в том, что он выполним, я, по крайней мере, твердо уверен, и, вероятно, не ошибаюсь. (2) И я надеюсь, что никто здесь не станет думать обо мне хуже оттого, что я, считавшийся в родном городе патриотом, теперь, заодно со злейшими врагами, яростно нападаю на него, или же объяснять мои слова озлоблением изгнанника. (3) Правда, я — изгнанник, но бежал от низости моих врагов, а не для того, чтобы своими советами оказывать вам услуги. Злейшими врагами я считаю не вас, которые открыто на войне причинили вред неприятелю, а тех, кто заставил друзей Афин перейти в стан врагов. (4) Пока я безопасно пользовался гражданскими правами, я любил отечество, но в теперешнем моем положении, после того как мне нанесли тяжелую и несправедливую обиду, я — уже не патриот. Впрочем, я полагаю, что даже и теперь я не иду против отечества, так как у меня его нет, но стремлюсь вновь обрести его. Ведь истинный друг своей родины не тот, кто, несправедливо утратив ее, не идет против нее, но тот, кто, любя родину, всячески стремится вновь обрести ее. При таких обстоятельствах, лакедемоняне, я предоставляю вам без стеснения располагать мною во всех ваших опасных и трудных начинаниях, так как вам, конечно, понятно простое соображение: „если как враг я причинил вам столько бед, то я могу быть полезным другом“. Ведь обстоятельства в Афинах мне известны, о ваших же обстоятельствах я мог лишь догадываться. Не забывайте, что вы принимаете теперь решение величайшей важности. Немедленно отправьте экспедицию в Сицилию и выступайте походом в Аттику. Подоспев на помощь с небольшим отрядом, вы предотвратите гибель великого города и раз и навсегда покончите с могуществом афинян. Таким образом, и впредь вы будете жить в мире и безопасности в вашей стране и стоять во главе всей Эллады, которая подчинится вам добровольно и с любовью, а не по принуждению».

93. Вот что сказал Алкивиад. Лакедемоняне же, которые и сами уже подумывали о походе на Афины, но все медлили и выжидали, теперь, после разъяснений Алкивиада (а они знали, что он точно осведомлен), утвердились в своем намерении.

Вопросы по тексту источника:

1. Почему Алкивиад советовал спартамцам осадить Декелею?
2. Как Алкивиад объяснял спартамцам свою позицию по отношению к Афинам?

Декелейская война

Фукидид. История. Книга VII.

18. Лакедемоняне также готовились к вторжению в Аттику, как было решено заранее. Да и сиракузяне и коринфяне, узнав об афинских подкреплениях, посланных в Сицилию, также склоняли их к вторжению с целью помешать экспедиции афинян. К тому же и Алкивиад настоятельно советовал укрепить Декелею и развернуть военные действия. (2) Но самым главным было то, что теперь лакедемоняне приобрели уверенность в своих силах: они полагали, что отныне легче одолеют афинян, которым придется воевать на два фронта — против них и против сицилийцев; воодушевляло их и то, что на этот раз афиняне первыми нарушили мир. В прошлой войне, напротив, вина за нарушение договора скорее лежала на самих лакедемонянах, потому что фиванцы напали на Платею во время мира (хотя прежний договор запрещал начинать войну, если противная сторона согласна обратиться в третейский суд), а сами они не приняли предложения афинян решить спор третейским судом. Потому-то лакедемоняне считали вполне заслуженными свои тогдашние неудачи — поражение при Пилосе и прочие несчастья. (3) С тех пор, однако, как афиняне с 30 кораблями, действуя из опорного пункта в Аргосе, высадились у Эпидавра, у Прасий и в других местах и произвели там опустошения, а также совершили набеги из Пилоса, и после того как они отклонили предложение лакедемонян передать спор в третейский суд, тогда-то лакедемоняне, решив, что вина за нарушение договора, прежде лежавшая на них, теперь легла на афинян, начали поэтому решительно склоняться к войне. (4) Этой зимой они потребовали от союзников доставки железа и заготовляли орудия для постройки укрепления в Декелее. Вместе с тем они сами набирали войско для отправки на помощь в Сицилию и заставляли также остальных пелопоннесцев производить набор воинов с этой же целью. Так окончилась зима и вместе с тем восемнадцатый год этой войны, описанной Фукидидом.

19. В самом начале следующей весны лакедемоняне со своими союзниками совершили вторжение в Аттику во главе с царем лакедемонян Агисом, сыном Архидама. Сначала они опустошили равнину и окрестности, а затем стали укреплять Декелею, причем работы по строительству укрепления разделили между союзными городами. (2) Декелея отстоит от Афин приблизительно на 120 стадий; на почти одинаковом расстоянии (несколько дальше) она находится и от беотийской границы. Заложили они это укрепление (оно было видно даже из Афин), чтобы оттуда опустошать равнину и наиболее плодородные части страны. (3) Пока пелопоннесцы с союзниками строили укрепления, из Пелопоннеса тем временем на транспортных судах были отправлены в Сицилию гоплиты. Для этого похода лакедемоняне взяли самых лучших илотов и неодамонов, всего до 600 гоплитов, во главе со спартанцем Эккритом; беотийцы отправили 300 гоплитов под начальством фиванцев Ксенона и Николая и феспийца Гегесандра.

27. В это же лето прибыли в Афины еще 1300 вооруженных кинжалами фракийских пелтастов из племени диев, которые должны были плыть с Демосфеном в Сицилию. (2) Но так как они явились слишком поздно, то афиняне колебались — не отослать ли их назад во Фракию, откуда они пришли. Держать их ради декелейской войны казалось афинянам слишком дорого, ибо каждый из них получал по драхме в день. (3) Декелея сначала была укреплена (именно за это лето) всем союзным пелопоннесским войском, а потом ее занимали для набегов на поля гарнизоны союзных городов, сменявшиеся время от времени. Эти набеги наносили большой вред афинянам: материальный ущерб и потери в людях глубоко подрывали мощь афинской державы. (4) Прежние вторжения были непродолжительны и не препятствовали жителям в промежутке между ними собирать урожай. Теперь

же, когда неприятели прочно укрепились в Аттике, набеги производились непрерывно — то сильными отрядами, то постоянный гарнизон, когда у него возникала такая надобность, разорял страну. Наконец лично прибывший царь лакедемонян Агис весьма энергично руководил военными действиями. Афиняне терпели большие бедствия. (5) Ведь вся страна их теперь была целиком во власти неприятеля, более 20 000 рабов (в большинстве своем ремесленников) бежали к врагам. Весь мелкий скот и выючные животные погибли; лошади, не выдерживая непрерывных разъездов конницы по бездорожью, связанных с военными действиями под Декелеей и с разведывательной службой по всей стране, погибали от ран и болезней.

28. Доставка продовольствия с Евбеи, которая прежде шла по суше более кратким путем из Оропа через Декелею, теперь должна была идти морем мимо Суния и из-за этого стала обходиться дорого. Между тем город терпел нужду во всех без исключения товарах, ввозимых извне, и превратился в военный лагерь. (2) Днем афинянам приходилось посменно нести караулы у брустверов, а ночью всем, кроме всадников, — у сторожевых постов или на стене, вынося эти тяготы летом и зимой. (3) Но самым тягостным была необходимость одновременно вести две войны. При этом, однако, они выказали такое стремление к победе, какому никто прежде, услышав об этом, не поверил бы. Ведь, несмотря на то что пелопоннесцы держали их самих как бы в осаде, укрепив Декелею, афиняне все же не отступились от Сицилии и продолжали там осаду Сиракуз — города, ничуть не меньшего Афин. Они превзошли все представления эллинов об их мощи и отваге: ведь в начале этой войны одни считали, что она продлится год, другие — два, третьи — три года; но никто не мог думать, что афиняне продержатся дольше в случае вторжения пелопоннесцев в их страну. Однако даже на семнадцатом году после первого вторжения спартанцев афиняне, хотя и всячески истощенные этой войной, все-таки предприняли новую войну в Сицилии — не менее тягостную, чем прежняя пелопоннесская. (4) Поэтому теперь, неся огромные расходы и тяжелый ущерб, причиняемый Декелеей, афиняне впали в крайнюю нужду. В это время они вместо прежней подати ввели для подвластных им союзников пошлину в размере двадцатой части стоимости всех товаров, ввозимых и вывозимых морем. Таким образом афиняне надеялись увеличить свои доходы. Действительно, ведь расходы были теперь уже не те, что раньше, а значительно возросли соответственно с расширением военных действий, а доходы, напротив, уменьшились.

Перевод Г.А. Стратановского

Вопросы по тексту источника:

1. Каковы были мотивы нового вторжения спартанцев в Аттику?
2. Какой ущерб был нанесен Афинам осадой Декелеи?

Олигархический переворот в Афинах

Фукидид. История. Книга VIII.

65. Между тем Писандр и его спутники продолжали плавание и по пути, как было условлено, уничтожали во всех городах демократические правительства. Из нескольких городов они взяли себе в помощь гоплитов, с которыми и возвратились в Афины. (2) По прибытии они узнали, что их сторонники в тайных обществах почти уже завершили задуманный переворот. Действительно, несколько молодых заговорщиков тайно убили некоего Андрокла, одного из главарей народной партии, главного виновника изгнания Алкивиада. Они покончили с Андроклом как с влиятельным народным вождем, но особенно потому, что надеялись этим угодить Алкивиаду, который, как они ждали, по возвращении обеспечит им союз с Тиссаферном. Они покончили также тайком и с некоторыми другими опасными для них лицами. (3) После этих злодеяний заговорщики внесли в народное собрание предложение, чтобы впредь получали жалованье из государственной казны только граждане, несущие военную службу, и чтобы в государственных делах участвовало не более 5000

граждан, именно тех, кто лучше всего может служить городу в силу своих личных качеств или своим имуществом.

66. На деле, однако, эти предложения были лишь благовидным предлогом, предназначенным ввести в заблуждение большинство граждан, не принадлежавших к тайным обществам, так как заговорщики, естественно, желали полностью взять власть в свои руки. Народное собрание и Совет Пятисот, избранный по жребию, тем не менее все еще собирались, но обсуждали лишь предложения, заранее одобренные заговорщиками. Выступавшие ораторы были людьми из их среды и к тому же предварительно наученные тому, что им следует говорить. (2) Никто из прочих граждан не осмеливался им возражать из страха перед многочисленностью заговорщиков. А вздумай кто на самом деле противоречить им, тот мог быть уверен, что при первой возможности заговорщики найдут способ устранить его. Убийц не разыскивали, и подозреваемых не привлекали к суду. Народ хранил молчание, и люди были так запуганы, что каждый считал уже за счастье, если избежал насилия (хотя и соблюдал молчание). (3) Сильно преувеличивая действительную численность заговорщиков, афиняне стали падать духом. Точно выяснить истинное положение граждане не могли, потому что жили в большом городе и недостаточно знали друг друга. (4) По этой же причине человек не мог найти ни у кого защиты от заговорщиков, так как не мог поверить свое горе или возмущение другому. Ведь при этом пришлось бы довериться человеку неизвестному, или хотя и известному, но ненадежному. (5) Странники демократической партии при встрече не доверяли друг другу: всякий подозревал другого в том, что тот участвует в творимых бесчинствах. Действительно, были среди демократов и такие, о ком никто бы и не подумал, что они могут примкнуть к олигархам. Эти-то люди главным образом и возбуждали недоверие и подозрительность народа, что было на руку олигархам.

67. Таково было положение дел в Афинах, когда прибыли Писандр с товарищами и немедленно принялись завершать переворот, начатый их сторонниками. Прежде всего созвали народное собрание и предложили выбрать комиссию из 10 человек с неограниченными полномочиями. Эта комиссия должна была к определенному дню представить собранию писанный проект наилучшего устройства для города. (2) Когда этот день наступил, они созвали народное собрание в Колоне (на замкнутом священном участке Посейдона, стадиях в 10 от города). Комиссия поставила на голосование только одно положение — о том, что впредь каждый гражданин может безнаказанно вносить любые предложения. Вместе с тем члены комиссии угрожали суровыми карами всем, кто обвинит автора такого предложения в противозаконном нарушении или иным способом повредит ему. (3) Только после этого было открыто внесено предложение: отменить впредь все существующие государственные должности и жалованье за них из государственной казны; выбрать коллегию из пяти человек, а этим последним избрать еще сто человек, которые должны выбрать себе еще по три человека. Эти «Четыреста» должны заседать в здании совета и управлять городом по своему усмотрению с неограниченной властью, а также собирать (когда найдут это своевременным) 5000 граждан.

68. Автором этого предложения был Писандр, который, по-видимому, и раньше был рьяным и откровенным противником демократии. Однако вдохновителем всего этого переворота, разработавшим план его осуществления уже с давних пор, был афинянин Антифонт. Это был человек, талантом и нравственными качествами не уступавший никому из своих современников, человек глубокого ума и выдающийся оратор. В народном собрании и в суде он выступал неохотно, ибо в народе его репутация красноречивого оратора возбуждала подозрение. Тем же, кому приходилось вести дело в суде или в народном собрании, прибегая к его советам, он мог лучше всякого другого оказать помощь. (2) Позднее, после свержения олигархии (когда правительство «Четырехсот» оказалось в опасности и его сторонники подверглись народному мщению), Антифонт должен был защищаться по обвинению в государственной измене как участник заговора, и его защитительная речь на процессе, угрожавшем ему казнью, представляется мне лучшей из всех вплоть до нашего

времени. (3) Величайшее рвение во время олигархического переворота выказал также Фриних. Он опасался Алкивиада, зная, что тому известны его сношения на Самосе с Астиохом, и полагая, что Алкивиад при олигархическом правлении, вероятно, никогда не вернется на родину. Присоединившись к олигархической партии, Фриних оказался весьма стойким в час опасности. (4) Далее, одним из главных участников олигархического переворота был Ферамен, сын Гагнона, человек выдающегося ума и ораторского дарования. Именно потому, что среди руководителей этой партии было много разумных и талантливых людей, переворот этот удался, хотя и не без труда. Ведь нелегко было лишить свободы афинский народ, который уже около ста лет после низвержения тирании не только сам был свободен, но и привык свыше половины этого времени сам властвовать над другими.

69. Как только народное собрание без возражений утвердило эти предложения, оно было распущено. Сразу же после этого «Четыреста» были введены в помещение совета следующим образом. В то время всему населению города приходилось постоянно нести либо караульную службу на стене, либо стоять под оружием на сборных пунктах, так как враги находились в Декелее. (2) В день народного собрания граждан, не посвященных в заговор, отпустили, как обычно, по домам; участники же заговора получили приказ тихо ожидать (но не на своих обычных постах) с оружием в руках, чтобы воспрепятствовать возможной попытке расстроить предпринимаемые действия. (3) Такой приказ получили также 300 андросцев, тенийцев и каристян и некоторое число афинских колонистов с Эгины, заранее вызванные и вооруженные. (4) Расставив своих людей в ключевых местах города, «Четыреста» прибыли каждый с кинжалом под одеждой. С ними было также 120 молодых воинов на случай рукопашной схватки с противниками. Заговорщики проникли в помещение совета, когда там заседали избранные по жребию советники, и велели им, получив свое жалованье, убираться: они принесли с собой жалованье советникам за остающееся время их годичной службы и выдавали деньги при выходе советников из помещения совета.

70. Таким образом, Совет Пятисот, уступая силе без всяких возражений, покинул помещение. Остальные граждане также не оказывали сопротивления и хранили полное спокойствие. Затем «Четыреста» разместились в здании совета и тотчас же выбрали из своей среды пританов по жребию; потом совершили обычные при вступлении в должность молебствия и жертвоприношения богам. Вскоре они отменили большую часть мероприятий демократического правительства (только изгнанников они не возвратили, так как в числе их был Алкивиад) и вообще стали самовластно управлять городом. (2) Некоторых из своих противников они предпочли устранить и казнили, других бросили в темницу, третьих, наконец, отправили в изгнание. «Четыреста» послали также глашатая в Декелею к Агису, царю лакедемонян, с заявлением, что «Четыреста» желают мира, полагая, что и для царя было разумнее всего вступить в переговоры с ними, чем с вероломной демократией.

71. Агис, однако, не верил, что город останется спокойным и что народ афинский так скоро откажется от стародавней свободы. Убежденный, что появление у Афин сильного вражеского войска вызовет гражданские волнения, царь не дал положительного ответа на сделанное предложение, а послал в Пелопоннес за подкреплениями и вскоре за тем во главе вновь прибывшего отряда и гарнизона Декелей подошел к самым стенам Афин. Царь ожидал, что афиняне, занятые гражданскими смутами, либо согласятся на уступки и окажутся всецело в его власти, либо при общем смятении, вызванном врагами внутри и вне стен города, ему удастся с первого приступа овладеть слабо охраняемыми Длинными стенами. (2) Однако, подойдя близко к стенам, царь не заметил никаких признаков беспорядков и волнений в городе. Афиняне выслали из города конницу и перебили часть его гоплитов, легковооруженных и лучников, слишком близко подошедших к стенам, причем захватили доспехи и несколько трупов павших воинов. Поэтому Агис, поняв свою ошибку, отвел свое войско назад в Декелею. (3) Там он оставался на своем посту во главе гарнизона, прибывший же на помощь из Пелопоннеса отряд после нескольких дней пребывания в Аттике был отослан домой. Тем не менее и после этого «Четыреста» возобновили

переговоры, и Агис теперь был более склонен выслушать их. По его совету они отправили послов в Лакедемон, надеясь заключить мир.

72. «Четыреста» отправили также десять уполномоченных на Самос, чтобы успокоить войско, объяснив ему, что олигархическое правление установлено вовсе не для угнетения города или граждан, а для того, чтобы спасти Афины от гибели. Участников переворота, которые управляют городом, как они утверждали, было 5000, а не только 400. (Хотя прежде никогда афиняне, занятые войной и торговыми делами вне города, не собирались в народное собрание для решения самого важного дела в числе 5000 человек.) «Четыреста» отправили уполномоченных сразу после установления олигархии с поручением сообщить войску и о некоторых других мерах, принятых ими в настоящий момент. Ведь они не без основания опасались — как это и случилось, — что масса моряков на Самосе не потерпит олигархического режима и, возмущившись, покончит с их властью.

73. Действительно, именно в то время, когда в Афинах «Четыреста» подготавливали переворот, на Самосе уже началось движение против олигархии. (2) Некоторые самосские демократы, сначала восстававшие против господства знати, под влиянием Писандра и его сторонников, после его возвращения на Самос изменили свой образ действий. Собрав около 300 сторонников, они составили заговор и намеревались напасть на своих сограждан, приверженцев народной партии. (3) Был в Афинах некто Гипербол, человек недостойный, которого афиняне изгнали остракизмом не из страха перед его могуществом или влиянием, но из-за его порочности, так как его поведение позорило город. Этого-то человека самосцы убили с помощью одного из стратегов, Хармина, и нескольких других афинян на Самосе, чтобы дать афинянам залог верности. Вместе с этими афинянами они совершили и другие подобные насилия, стремясь расправиться с самосскими демократами. (4) Узнав об их намерении, демократы предупредили о заговоре стратегов Леонта и Диомедонта (которые пользовались большим уважением в народе и неохотно терпели олигархический режим), Фрасибула и Фрасила (один был триерархом, а другой — гоплитом) и некоторых других, проявлявших враждебность к заговорщикам. Демократы просили их не допускать гибели народной партии на острове и не отдавать врагам Самоса, с помощью которого афинская держава до сих пор только и сохранилась. (5) Тогда они стали обращаться в отдельности к каждому воину с просьбой вступить за народ (особенно же к экипажу корабля «Парал», состоявшему полностью из свободнорожденных афинян, которые всегда, даже до переворота, были противниками олигархии). Леонт и Диомедонт всякий раз, когда эскадра выходила в море, оставляли самосцам несколько кораблей для охраны. (6) Поэтому, когда «триста» сторонников олигархии на Самосе действительно напали на демократов, экипажи всех кораблей (особенно же команда «Парала») поспешили на помощь демократам. Таким образом, народная партия на Самосе с помощью афинян одолела своих противников, причем было убито около 30 человек из 300 олигархов. Трех наиболее виновных мятежников демократы отправили в изгнание, остальные получили прощение и впоследствии под властью демократов сохранили гражданские права. <...>

76. Так в это время началась борьба двух партий: одна старалась восстановить в городе демократию, другая — подчинить войско и флот господству олигархов. (2) Воины тотчас же устроили сходку и сместили своих прежних стратегов и некоторых подозреваемых в сочувствии противной партии триерархов и выбрали на их место других (среди них Фрасибула и Фрасила). (3) Один за другим воины поднимались на трибуну, ободряя товарищей. Различными доводами они старались успокоить войско, советуя не унывать оттого, что город отпал от них. Ведь лишь меньшинство изменило большинству, и у войска гораздо больше возможностей и средств. (4) Обладая всеми морскими силами на Самосе, они так же успешно заставят подвластные города отсюда платить подати, как если бы требования исходили из Афин. Ведь теперь в их власти могущественный остров Самос, который во время войны едва не лишил афинян морского господства, отсюда они смогут столь же успешно, как и прежде, давать отпор врагу. Затем, обладая флотом, у них больше возможности снабжать себя продовольствием, чем у афинян. (5) Действительно, еще раньше,

только потому, что флот успел занять сильную позицию у Самоса, афиняне могли сохранить господство над входом в Пирей. И теперь, если горожане не захотят восстановить прежнюю демократию, то воинам будет легче заблокировать город, чем афинянам их. (6) Ведь помощь города войску в борьбе с врагом была незначительной и ничего не стоящей. Войско ничего не потеряло, так как в городе уже не было денег на уплату жалованья, и воины должны были сами добывать деньги. Горожане даже не могли помочь войску благоразумными решениями, а ведь только на этом основании государство и управляет войском. Напротив, в этом отношении горожане также не приносят пользы: они совершили жестокую ошибку, поправ отеческие законы. Войско желает восстановить отеческий государственный строй и постарается принудить олигархов уважать его. Поэтому люди здесь в войске, которые могут подать благой совет, вовсе не уступают государственным деятелям и ораторам в городе. (7) Алкивиад же, если ему дадут возможность безнаказанно вернуться, с радостью устроит им союз с царем. В худшем же случае, даже при полной неудаче, с таким большим флотом (и это самое важное) им открыты широкие возможности к отступлению, чтобы найти себе и земли и город. <...>

82. Слушая подобные посулы, афиняне тотчас же избрали Алкивиада стратегом в товарищи к избранным прежде стратегам и поручили ему руководство всеми государственными делами. Теперь никто из них ни за что на свете не отдал бы неожиданно блеснувший им луч надежды на спасение и возможность отомстить «Четыремстам». Под влиянием речи Алкивиада воины были уже готовы, невзирая на близость врагов, тотчас плыть со всем флотом на Пирей. (2) Однако Алкивиад, несмотря на настоятельные требования со всех сторон, наотрез отказался плыть в Пирей, чтобы не оставлять ближайших врагов в тылу. Избранный теперь стратегом, говорил он, он должен прежде всего отправиться к Тиссаферну для переговоров о ведении войны. Сразу же после этого собрания Алкивиад уехал, желая создать у воинов на Самосе впечатление, что он во всем действует заодно с Тиссаферном, а тому дать понять, что теперь как стратег он может оказать ему услугу или причинить вред. Так Алкивиад сумел утратить Тиссаферна афинянами, а афинян — Тиссаферном. <...>

86. Послы «Четырехсот», отправленные с Делоса, чтобы успокоить самосских афинян и объяснить обстоятельства переворота, прибыли на Самос уже после возвращения Алкивиада. На острове они пытались выступить в народном собрании. (2) Сначала воины не желали слушать послов и кричали: «Смерть уничтожившим демократию!» Наконец, хотя и с трудом, спокойствие установилось, и их выслушали. (3) Послы подробно объяснили, что переворот совершен не для того, чтобы угнетать граждан, а ради спасения города: новые правители вовсе не хотят предать родину врагам (ведь они могли бы это сделать во время недавнего вторжения врага). Послы объявили затем, что новый порядок предусматривает участие всех граждан поочередно в правлении 5000. Родственники воинов и матросов вовсе не подвергаются насилиям (как об этом клеветнически сообщил Херей) и им не причиняют никакого вреда: все они спокойно живут у себя дома, владея своим имуществом. (4) Послы стали распространяться и о многом другом, но воины, негодуя, больше не желали слушать. Они выступали с различными предложениями и прежде всего требовали немедленного отплытия в Пирей. Тогда, кажется, впервые Алкивиад оказал выдающуюся услугу городу, склонив афинян на Самосе отказаться от своего решения идти в поход на родной город (ведь тогда враги, без сомнения, тотчас же овладели бы Ионией и Геллеспонтом). (5) В тот момент никто, кроме него, не смог бы сдержать массу воинов. Он сумел, однако, не только отговорить воинов от похода, но и удержать их, с суровыми упреками, от расправы с послами, хотя воины были сильно озлоблены против них. (6) Затем Алкивиад отпустил послов, дав такой ответ: он не против правления «Пяти тысяч», однако «Четыреста» следует устранить, восстановив прежний Совет Пятисот. Если же в городе произведены сокращения расходов для того, чтобы лучше снабжать воинов продовольствием, то эту меру можно только одобрить. (7) Вообще Алкивиад призывал стойко держаться, ни в чем не уступая врагу: если город счастливо избегнет опасности от внеш-

него врага, то надо надеяться на примирение партий, но в случае неудачи — здесь, на Самосе, или в Афинах — уже больше не останется никого, с кем можно будет мириться.

(8) В это время прибыли послы из Аргоса с предложением помочь афинским демократам на Самосе. Алкивиад учтиво благодарил послов за добрые намерения, просил прибыть, когда понадобится их помощь, и с тем отпустил. (9) Аргосцы прибыли вместе с экипажем «Парала», который (как сказано выше) был по приказу «Четырехсот» пересажен на военный корабль, направляемый в евбейские воды. Затем этот корабль должен был переправить в Лакедемон афинских послов от «Четырехсот» — Лесподия, Аристофонта и Мелесия⁶. В пути у берегов Аргоса экипаж схватил послов и передал их (как главных виновников свержения демократии) аргосцам. Сами же матросы не вернулись в Афины, но из Аргоса вместе с упомянутыми аргосскими послами прибыли на Самос на своей триере. <...>

88. Между тем Алкивиад, узнав, что Тиссаферн уже на пути в Аспенд, отплыл туда сам с 13 кораблями. Войску на Самосе Алкивиад обещал непременно оказать великую услугу: либо он сам приведет на помощь афинянам финикийские корабли, либо, по крайней мере, помешает им присоединиться к пелопоннесцам. По всей вероятности, Алкивиаду уже с самого начала было известно намерение Тиссаферна не приводить с собой финикийскую эскадру, и он старался, насколько возможно, сеять взаимное недоверие между Тиссаферном и пелопоннесцами, показывая, как дружественно Тиссаферн относится к нему и к афинянам, чтобы этим побудить Тиссаферна перейти на сторону афинян. Итак, Алкивиад снялся с якоря и отплыл на восток, прямо к Кавну и Фаселиде.

89. Возвратившись с Самоса в Афины, послы «Четырехсот» сообщили слова Алкивиада и его совет стойко держаться и ни в чем не уступать врагу. Они рассказали также, что Алкивиад весьма надеется на примирение войска с гражданами и на окончательную победу над врагом. Вследствие этого большинство граждан воспрянуло духом; ведь эти люди против воли примкнули к олигархам и с радостью воспользовались бы возможностью отделаться от них, не подвергая себя опасности. (2) Поэтому недовольные начали собираться на сходки и резко критиковать правительство. Вождями недовольных были даже некоторые стратеги и лица, занимавшие высокие посты в правительстве олигархов, такие, как Ферамен, сын Гагнона, Аристократ, сын Скеллия, и другие. Несмотря на важную роль, которую они играли в олигархическом перевороте, теперь, по их словам, они, с одной стороны, весьма опасались самосского войска и Алкивиада, а с другой — их тревожило и то, как бы отправленное за спиной большинства граждан посольство в Лакедемон не предало интересов города. Правда, они не возражали против господства олигархов, но настаивали на том, что следует на деле, а не только на словах установить правление «Пяти тысяч» и более соблюдать исономию. (3) Это были, однако, лишь пустые слова, когда они так ревностно хлопотали о правах граждан, на деле же большинство этих людей руководствовались личным честолюбием и корыстными побуждениями, отчего обычно и гибнет олигархический режим, вышедший из демократии. Все подобные люди с первого же дня установления олигархии не только не желают равенства с прочими, но каждый сам хочет безусловно первенствовать. Напротив, при демократическом строе человек легче переносит неудачу на выборах, потому что не испытывает умаления от равных себе. (4) Решающим мотивом их действий, однако, было могущественное положение Алкивиада на Самосе и уверенность, что олигархия не будет прочной. Таким образом, каждый из них стремился после восстановления демократии стать первым представителем народа в городе.

90. С другой стороны, из вождей «Четырехсот» особенно яркими противниками восстановления демократии были: Фриних (ранее бывший стратегом на Самосе и там поссорившийся с Алкивиадом), Аристарх — с давних пор самый отъявленный враг демократии; затем Писандр и Антифонт. Эти и другие наиболее влиятельные лица сразу же после захвата власти (и позднее, когда войско на Самосе перешло на сторону демократии) отправили от себя послов в Лакедемон и стремились заключить мир. Тем временем они продолжали возводить укрепление на так называемой Этионии. После возвращения послов с Самоса они стали действовать еще более энергично. Олигархи видели теперь, что не только

народ, но и те, которые раньше считались наиболее преданными их партии, изменили свои убеждения. (2) В страхе перед грозной опасностью из Афин и с Самоса олигархи поспешно отправили в Лакедемон Антифонта и Фриниха с десятью другими уполномоченными для заключения мира с лакедемонянами на любых сколько-нибудь приемлемых условиях. (3) В то же время они приказали еще усерднее строить укрепление на Этионию. Оно было предназначено, по словам Ферамена и его сторонников, не для того, чтобы преграждать вход в Пирей в случае нападения самосской эскадры, но скорее для того, чтобы во всякое время можно было впустить вражеские корабли и войско. <...>

96. Когда известие о неудачной битве и восстании на Евбее пришло в Афины, там началось сильнейшее смятение, какого никогда прежде не бывало. Ни сицилийская катастрофа (сколь ужасной она ни казалась), ни другое несчастье так не устало афинян. (2) Ведь войско на Самосе открыто восстало; других кораблей и экипажей для них у афинян больше не было; сам город был охвачен волнениями, причем никто не знал, когда вспыхнет мятеж. К тому же новое страшное несчастье повлекло за собой не только потерю флота, но (что было страшнее всего) также и Евбеи, от которой зависело снабжение Афин в большей степени, чем от Аттики. Как же афинянам было не прийти в отчаяние? (3) Однако самой важной и ближайшей заботой афинян стало наблюдение за тем, как бы победоносные враги сразу не атаковали Пирей, где кораблей уже не было. И действительно, афиняне ждали с минуты на минуту нападения врага. (4) Будь пелопоннесцы смелее, им легко было бы это сделать. Если бы неприятель оставался поблизости от Пирея на якоре, то, несомненно, усилилась бы междоусобная борьба в городе. Или же, оставаясь в афинских водах и продолжая блокаду, пелопоннесцы могли бы заставить афинскую эскадру в Ионии (хотя и враждебную олигархии) прийти на помощь своим близким и родному городу. Тогда Геллеспонт, Иония и все острова между Ионией и Евбеей, одним словом, вся афинская держава попала бы в руки пелопоннесцев. (5) Однако не только в одном этом случае, но также и во многих других лакедемоняне оказались для афинян наиболее удобными противниками из всех возможных. Ведь эти два народа весьма различны по характеру: одни быстры в принятии решений и предприимчивы, другие медлительны и нерешительны (что было особенно на руку афинянам при их господстве на море). Этот взгляд подтверждается на примере сиракузян, которые, будучи по характеру наиболее похожи на афинян, лучше всего сражались против них.

97. Итак, получив это печальное известие, афиняне все же укомплектовали экипажами 20 кораблей. Затем они тотчас же созвали народное собрание— впервые тогда на прежнем месте, на так называемом Пниксе. На этом собрании они отстранили «Четырехсот» от власти и решили передать управление государством «Пяти тысячам» граждан. К числу последних, однако, должны были принадлежать только те граждане, кто мог на свои средства доставать себе тяжелое вооружение. Никто не должен был получать жалованье за исполнение каких-либо государственных должностей под страхом проклятия. (2) Впоследствии на многих других народных собраниях афиняне учредили законодательные комиссии и выносили дальнейшие постановления о будущем государственном устройстве. Этот государственный строй (по крайней мере в ранний период) представляется самым лучшим у афинян (во всяком случае на моей памяти). Действительно, это было благоразумное смешение олигархии и демократии. Таким образом, это государственное устройство впервые вывело афинское государство из того тяжелого состояния, в котором оно находилось. (3) Затем было решено вернуть из изгнания Алкивиада и некоторых других изгнанников. Отправили послов к Алкивиаду, а также к войску на Самосе, которому было приказано приняться за дело продолжения войны.

Перевод Г.А. Стратановского

Вопросы по тексту источника:

1. Какие причины привели к установлению тирании в Афинах?

2. Какие реформы были проведены в период правления тиранов? Как изменилось государственное устройство Афин?
3. Назовите основных лидеров сторонников олигархии и сторонников демократии.
4. Каким образом была свергнута власть «Четырехсот»? Какую роль в этом сыграл Алкивиад?

Битва при Аргинусских островах

Ксенофонт. Греческая история. Книга I.

6.(19) Конон был осажден и с суши и с моря; неоткуда было достать хлеба, в городе была масса народу, а афиняне подмоги не присылали, так как не знали о происходящем. Поэтому Конон, спустив пред рассветом два наиболее быстроходных корабля, снарядил их, выбрав со всех кораблей наилучших гребцов, посадил в трюм морских воинов, и покрыл эти корабли завесами. (20) Весь день эти суда стояли таким образом, под вечер же, когда становилось темно, экипаж выходил на берег так, чтобы враги не могли этого заметить. На пятый день в полдень, когда караульные врагов небрежно следили за осажденными, а некоторые из них даже спали, афиняне выплыли из бухты, взяв с собою умеренное количество хлеба, причем одна триэра направилась в Геллеспонт, в другая поплыла в открытое море. (21) Караульные, собравшись, в замешательстве бросились к кораблям, так как они в это время завтракали на суше. Взойдя на корабли и снявшись с якорей, они преследовали триэру, ушедшую в открытое море, догнали ее на закате и, победив в бою и взяв на буксир, отвели в лагерь вместе с экипажем. (22) Но другому кораблю, убежавшему к Геллеспонту, удалось спастись; он прибыл в Афины и принес весть об осаде. Диомедонт отправился на помощь осажденному Конону с двенадцатью кораблями и причалил к берегу в Митиленском проливе. (23) Однако, Калликратид внезапно напал на него и ему удалось захватить десять кораблей из эскадры Диомедонта; последний бежал с двумя кораблями, считая в том числе тот, на котором он плыл сам. (24) Афиняне, услышав о происшедшем и об осаде, постановили послать на помощь сто десять кораблей, составив экипаж из всех взрослых жителей Афин — как свободных, так и рабов. В тридцать дней сто десять кораблей были снаряжены и отправились в путь. (25) На этих кораблях было перевезено также большое количество всадников. После этого они поплыли в Самос и взяли там десять самосских кораблей. Кроме того, они собрали еще более тридцати кораблей от разных союзников, заставляя всех сесть на корабли, даже в том случае, если флот был в отсутствии. Всего же оказалось кораблей более полутора ста. (26) Услыша, что афинская подмога уже в Самосе, Калликратид оставил на месте пятьдесят кораблей под предводительством Этеоника, а сам отплыл со ста двадцатью. (27) Он устроил отдых для ужина близ Малейского мыса на Лесбосе [против Митилены]; (28) а афиняне ужинали в этот день на Аргинусских островах, расположенных [против Лесбоса, на Малейском мысе] против Митилены. Калликратид заметил ночью огни; узнав от кого-то, что эти огни — из афинского лагеря, он выплыл в море в полночь, чтобы произвести внезапное нападение: но гроза и значительное поднятие уровня воды в море помешали отплытию. Только на рассвете, когда прояснилось, он поплыл к Аргинусам. (29) Афиняне выплыли навстречу ему, причем левый фланг был обращен к открытому морю. Выстроились они в таком порядке: Аристократ предводительствовал левым флангом, имея под своей командой пятнадцать кораблей; рядом с ним Диомедонт — также во главе пятнадцати кораблей; позади Аристократа выстроился Перикл, позади Диомедонта — Эрасинид. Рядом с Диомедонтом находились десять самосских кораблей, выстроенных в одну линию; над ними начальствовал самосец Гиппей. Рядом с ними стояли десять кораблей, управляемых таксиархами, также выстроенные в одну линию. Позади их три корабля, управляемых навархами, и все прочие союзнические корабли, какие только были. (30) Правый фланг занимал Протомах во главе пятнадцати кораблей; рядом с ним Фрасилл, тоже с пятнадцатью; позади Протомаха выстроился Лисий, имея равное с ним количество кораблей, позади Фрасилла — Аристократ. (31) Целью такого расположения было помешать врагу прорвать особым

маневром линию кораблей, так как афинские суда были хуже на ходу. Лакедемонские же суда были все выстроены в одну линию, чтобы удобно было выполнить указанный выше маневр, а также маневр обхода, так как они были на ходу лучше. Калликратид занимал правый фланг. (32) Мегарец Гермон, кормчий Калликратида, сказал ему, что следовало бы обратиться подобру-поздорову, так как афинские триэры были гораздо многочисленнее спартанских, но Калликратид возразил Гермону, что Спарта будет благоденствовать не хуже прежнего, если он умрет, а бежать позорно.

(33) После этого начался бой и продолжался долгое время, причем сражались сперва сплоченной массой, а потом в одиночку. Когда же Калликратид от удара неприятельского корабля упал с борта и скрылся в пучине, а Протомах со своим отрядом на правом афинском фланге победил левый фланг лакедемонян, — лакедемоняне обратились в бегство и устремились в Хиос, а очень многие также и в Фокею. Тогда афиняне отплыли обратно на Аргинусы. (34) У афинян в этом бою погибло 25 кораблей вместе с экипажем исключая лишь немногих воинов, которых волны вынесли на сушу; у пелопоннесцев погибло девять лаконских кораблей, которых всего-то было десять, да у прочих союзников погибло более шестидесяти. (35) Афинские стратеги решили также, чтобы триэрархи Фермен и Фрасибул и несколько таксиархов поплыли на сорока семи триэрах за тонувшими кораблями и находившимся на них экипажем и чтобы прочие корабли направились против флота Этеоника, осаждавшего Митилену. Но исполнению этого приказа воспрепятствовали поднявшиеся в это время сильный ветер и буря; поэтому афиняне ограничились тем, что поставили трофей и расположились на ночлег на Аргинусах. (36) Прибывшая к Этеонику скороходная лодка принесла ему подробное извещение о происшедшей морской битве. Этеоник приказал, чтобы лодка немедленно же вышла назад из гавани, соблюдая полную тишину и не вступая ни с кем в разговоры, а затем, чтобы она тотчас же вернулась назад в лагерь; при этом пусть экипаж уберет себя венками, громко провозглашая, что Калликратид победил в морском бою и что афинские корабли погибли — все до одного. (37) Прибывшие поступили так, как он им приказал; по их прибытии Этеоник совершил благодарственные жертвоприношения за добрую весть и приказал воинам пообедать; торговцам он велел, тихонько убрав на корабли свои товары, плыть в Хиос (в это время в ту сторону дул попутный ветер). (38) Триэрам он велел уплыть как можно скорее туда же, а сам ушел во главе пехоты в Мефимну, сжегши предварительно лагерь. Конон, воспользовавшись тем, что враги бежали и что дул благоприятный ветер, стащил корабли в море и, выплыв, встретился с афинянами, которые в это время также вышли уже из Аргинус; встретившись, Конон сообщил афинянам, что произошло с Этеоником. Афиняне отплыли назад в Митилену, оттуда отправились в Хиос и, не достигнув никакого результата, поплыли в Самос.

7. (1) На родине все стратеги, кроме Конона, были устранены (народным собранием) от занимаемых ими должностей, а в сотоварищи Конону избрали стратегами Адиманта и Филокла. Из участвовавших в сражении стратегов Протомах и Аристократ вовсе не вернулись в Афины. (2) Когда же прочие шесть стратегов — Перикл, Диомедонт, Лисий, Аристократ, Фрасилл и Эрасинид приплыли на родину, Архедем, бывший тогда народным вождем и заведывавший диобелией, наложил предварительный штраф на Эрасинида и выступил с обвинением перед судом, утверждая, что он увез из Геллеспонта и присвоил себе деньги, принадлежащие государству. Он возбудил против Эрасинида также обвинение в преступлении по должности стратега. Суд постановил подвергнуть Эрасинида тюремному заключению. (3) После этого стратеги сделали доклад в совете о морской битве и о том, как сильна была буря. Тогда Тимократ внес предложение, чтобы и прочих стратегов арестовать и представить на суд народного собрания, и совет подверг их аресту. (4) После этого состоялось народное собрание, в котором стратегов обвинял целый ряд лиц, а в особенности же Фермен. Говорили, что справедливо было бы, чтобы они подверглись ответственности за то, что не подобрали пострадавших в морском бою. Доказательством того, что они никого другого не обвиняли в этом, кроме самих себя, Фермен выставил письмо,

адресованное стратегами в афинские советы и народное собрание, где они указывали на бурю, как на единственную причину. (5) После этого каждый из стратегов произнес краткую защитительную речь (так как им не было позволено говорить столько, сколько полагается вообще по закону); они рассказали о том, что произошло: что они плыли на врагов, а подобрать пострадавших в морском бою поручили нескольким из триэрахов, людям, подходящим для этого дела и занимавшим уже должность стратега, — Ферамену, Фрасибулу и другим такого же рода людям. <...>

(34) Затем (произошли голосование по существу дела); все восемь сражавшихся стратегов были осуждены и шестеро из них, находившиеся в Афинах, подверглись смертной казни.

(35) Прошло немного времени, и афиняне раскаялись. Было принято предложение, что те, которые обманули народ, должны быть привлечены к ответственности и предстать пред народным собранием, а до явки на суд они должны представить поручителей. В числе привлеченных к ответственности пяти лиц был и Калликсен. Все они были арестованы своими поручителями. Им удалось еще до суда бежать из Афин во время того мятежа, в котором был убит Клеофонт; Калликсен впоследствии получил возможность вернуться в Афины вместе с афинянами запершимися в Пирее, но он умер от голода, ненавидимый.

Перевод С.Я. Лурье

Вопросы по тексту источника:

1. Опишите ход битвы при Аргинусах. В чем заключалось значение этой победы для Афин?
2. Что произошло со стратегами, командовавшими войсками в этой битве? Как этот эпизод характеризует афинскую политическую систему?

Битва при Эгоспотамах

Ксенофонт. Греческая история. Книга II.

1.(19) Лисандр в это время поплыл из Абидоса вдоль берега в союзный с Афинами Лампсак. С ним вместе прибыли по суше абидосцы и прочие союзники под командой лакедемонянина Форака. Лампсак был взят приступом и разграблен солдатами. Это был город, богатый вином, хлебом и прочими припасами. Все свободное население Лисандр отпустил на волю. (20) Афиняне, следуя за ним по пятам, причалили на ста восьмидесяти кораблях к Элеунту на Херсонесе. Здесь во время завтрака к ним приходит известие о гибели Лампсака. (21) Афиняне тотчас же отплыли в Сест. Оттуда, запасшись хлебом, немедленно поплыли в Эгоспотама, против Лампсака: Геллеспонт имеет в этом месте около пятнадцати стадий ширины. Там афиняне ужинали. (22) На следующую ночь, на заре, Лисандр дал сигнал солдатам, чтобы они, позавтракав, заняли свои места на кораблях, подготовил все необходимое для морской битвы и, развесив щиты, предохраняющие от неприятельских стрел, приказал, чтобы никто не выходил из строя и не снимался с якоря. (23) Афиняне же с восходом солнца выстроились у гавани в одну линию для морского боя, но, так как Лисандр не вышел им навстречу и был уже поздний час дня, отплыли обратно к Эгоспотамам. (24) Лисандр приказал быстроходнейшим из своих кораблей следовать за афинянами и, заметив, что они будут делать по выходе на берег, отплыть назад и сообщить ему. В то же время он запретил экипажу покидать свои места на судах прежде, чем возвратятся эти корабли. Так он поступал ежедневно в течение четырех дней; афиняне точно так же ежедневно выходили в море в боевом порядке. (25) Алкивиад заметил из своего укрепления, что афинская стоянка находится на пустынном морском берегу, вдали от городского поселения, и что за припасами им приходится отправляться за пятнадцать стадий от кораблей в Сест, тогда как вражеский флот стоит в гавани, у самого города, и снабжен всем необходимым. Он явился к афинским стратегам и сказал им: «Вы выбрали крайне неудачное место для стоянки флота. Настоятельно советую вам переправить флот в Сест, где вы будете в гавани и близ города. Там вступайте в бой, когда захотите». (26)

Но стратеги (главным образом Тидей и Менандр) велели ему убраться прочь. «Пока еще, — говорили они, — стратеги мы, а не ты». (27) После этого Алкивиад удалился. Лисандр же, на пятый день после прибытия афинян, приказал разведчикам на посланных им в этот день кораблях, чтобы они, как только заметят, что афиняне вышли из гавани и рассеялись по Херсонесу, возвращались назад и, пройдя полпути, подняли щит. Такие экспедиции афиняне совершали регулярно каждый день для покупки хлеба в весьма отдаленных от стоянок местах; они не боялись флота Лисандра, презирая его за то, что он не принимал их вызова на бой. (28) Заметив, что на дозорных кораблях щит поднят, Лисандр тотчас же дал сигнал флоту плыть полным ходом. Рядом шел Форак во главе пехотного войска. Увидев, что лакедемоняне наступают, Конон дал сигнал экипажу занять места на кораблях и оказать врагу посильное сопротивление. Но матросы разбрелись кто куда; на некоторых кораблях из трех ярусов весел гребцы остались только на двух, на иных на одном, а на иных и вовсе не было гребцов. Лишь триэра Конона и еще семь, бывших под его командой, да «Паралия» вышли в бой с полным числом гребцов; остальные корабли даже не отчалили от берега и были захвачены Лисандром на якорях. Из экипажа большинство он захватил в плен в то время, когда они были рассеяны по берегу; лишь немногим удалось бежать в крепости. (29) Узнав, что афинское дело безвозвратно проиграно, Конон обратился в бегство на девяти кораблях. Он причалил к Абарнидскому мысу в Лампсакской области и захватил там большие паруса, оставленные Лисандром. После этого сам он отправился с восемью кораблями к Евагору в Кипр, а Паралийская триэра поплыла в Афины, чтобы известить о происшедшем. (30) Лисандр переправил корабли, пленников и добычу в Лампсак. В числе пленных были и стратеги: Филокл, Адимант и другие. В тот же день он послал милетского пирата Феопомпа в Лакедемон с вестью о происшедшем; Феопомп на третий день пути прибыл в Лакедемон и принес известие. (31) После этого Лисандр собрал союзников на совещание о судьбе пленных. На этом совещании против афинян выдвигался ряд обвинений как по поводу тех преступлений, которые они уже совершили, так и по поводу тех, которые они имели в виду совершить в силу решения народного собрания, постановившего, чтобы у всех пленных была отрублена правая рука. Вспоминали и о том, что афиняне, захватив две триэры, коринфскую и андросскую, сбросили в пропасть весь находившийся на них экипаж; эта смерть была делом рук афинского стратега Филокла. (32) Было произнесено еще много подобных речей, и, в конце концов, было постановлено казнить из числа пленных всех афинян, кроме Адиманта; он был помилован потому, что он один возражал в народном собрании против постановления об отсечении рук; но некоторые считали действительной причиной этого помилования то, что он именно предал афинские корабли лакедемонянам. Когда Филокла, (бросившего в пропасть андросцев и коринфян, вели на казнь, Лисандр спросил его, какого наказания достоин он, положивший начало преступлениям против соплеменников-эллинов. После этого Филокл был казнен. <...>

2. (3) «Паралия» прибыла ночью в Пирей и оповестила афинян о постигшем их несчастье. Ужасная весть переходила из уст в уста, и громкий вопль отчаяния распространился через Длинные стены из Пирея в город. Никто не спал в ту ночь; оплакивали не только погибших, но и самих себя; ждали, что от спартанцев придется претерпеть то же, чему подвергли афиняне лакедемонских колонистов мелийцев, когда после осады их город был взят, гистиэйцев, скионейцев, торонейцев, эгинян и многих других греков. (4) На следующий день было созвано народное собрание, на котором было решено запрудить все гавани Аттики, кроме одной, заново отремонтировать городские стены, расставить гарнизоны и сделать все прочие необходимые приготовления для обороны города во время осады.

Перевод С.Я. Лурье

Вопросы по тексту источника:

1. Исходя из сведений Ксенофонта, опишите ход битвы при Эгоспотамах.

2. В чем состояло военно-стратегическое и морально-политическое значение этого поражения Афин?

Блокада Афин. Заключение мира.

Ксенофонт. История. Книга II.

2.(5) В то время как афиняне были заняты этими приготовлениями, Лисандр прибыл с двадцатью кораблями из Геллеспонта в Лесбос и привел в порядок государственные дела в ряде городов, в том числе в Митилене. В города Фракийского побережья он послал Этеоника с десятью триэрами, который принудил всю эту область перейти на сторону лакедемонян. (6) И вся остальная Греция тотчас же после морского поражения отпала от афинян, исключая лишь Самос: здесь было устроено кровавое избиение аристократов, и городом овладел демос. (7) После этого Лисандр послал гонцов к Агису в Декелею и в Лакедемон с извещением, что он возвращается назад с флотом в 200 кораблей. По зову второго лакедемонского царя Павсания вышли в поход лакедемоняне — все поголовно — и прочие пелопоннесцы, кроме аргивян. (8) Когда все были в сборе, Павсаний отправился с ними к Афинам и расположился близ города, в Академии. (9) В то же время Лисандр, прибыв в Эгину, возвратил город его изгнанным жителям, собрав их отовсюду, сколько только он мог. Так же он поступил с мелийцами и другими греками, изгнанными из отечества афинянами. После этого, опустошив Саламин, он причалил к Пирею на 150 кораблях и преградил доступ приплывающим торговым судам.

(10) Осаждаемые и с суши и с моря афиняне оказались в безвыходном положении. У них не было уже ни флота, ни союзников, ни провианта, неоткуда было ждать спасения; приходилось, по-видимому, подвергнуться всем тем ужасам, которым они прежде подвергали других греков. Разница была лишь та, что лакедемоняне теперь готовились отомстить афинянам за их прежние преступления, а афиняне обижали жителей мелких городов не отомщения ради, а только из высокомерия: они даже не выставляли никакого другого предложения, кроме того, что те были союзниками лакедемонян. Поэтому они даровали полную амнистию всем лишенным прав состояния, но крепились и, несмотря на то, что в городе множество народа умирало от голода, не вступали в переговоры о мире. (11) Но когда запас продуктов совершенно истощился, они послали к Агису послов, предлагая ему мир на условии, что они будут союзниками лакедемонян, а за то получают право сохранить невредимыми Длинные стены и Пирей. Но Агис сказал, чтобы они отправились в Лакедемон, так как он не имеет полномочий на заключение мира. (12) Послы вернулись в город и известили афинян об ответе царя: тогда афиняне послали их в Лакедемон. (13) В Селлассии, города [вблизи] Лаконии, их встретили эфоры и, узнав, с какими предложениями они пришли — это были те же условия мира, которые были предложены Агису, — велели им уходить тотчас же назад и, если им нужен мир, то возвращаться не прежде, чем они не обдумают получше положение вещей. (14) Когда послы вернулись и доложили об этом ответе, афинян охватило отчаяние; если не сдать, всех ожидает порабощение; если же вступить в новые переговоры, то, пока придет новый ответ из Лакедемона, множество народа помрет от голода. Но никому и в голову не приходило согласиться на то, чтобы стены были срыты. (15) Так, Архестрат был заключен в темницу за то, что он предложил в совете заключить с лакедемонянами мир, уступив им во всех их требованиях, называя этот выход наилучшим; а требовали лакедемоняне, чтобы была срыта часть Длинных стен — на десять стадий с каждой стороны. Было принято постановление, воспрещавшее вносить предложения такого рода. (16) При таких обстоятельствах Ферамен предложил в народном собрании, чтобы его отправили послом к Лисандру; там, мол, он разузнает, должно ли служить лакедемонянам снесение стен только средством для обращения афинян в рабство, или это им нужно для обеспечения их верности лакедемонянам. Его послали, и он пробыл у Лисандра три месяца с лишним, выжидая, пока афиняне из-за недостатка хлеба не дойдут до такого состояния, что готовы будут согласиться на какие угодно условия. (17)

Лишь на четвертый месяц он вернулся и доложил в народном собрании, что Лисандр долго медлил с ответом и удерживал его при себе; в конце концов же он сказал, чтобы Ферамен отправился в Лакедемон, так как сам он, якобы не уполномочен дать ему ответ: это право эфоров. После этого он был выбран, вместе с еще девятью лицами, полномочным послом в Лакедемон. (18) Лисандр, со своей стороны, послал в Лакедемон афинского изгнанника Аристотеля вместе с несколькими лакедемонянами и поручил им передать эфору, что при переговорах с Фераменом он заявил, что одни лишь эфоры полномочны в вопросах мира и войны. По прибытии Ферамена и прочих послов в Селласию им был задан вопрос, по какому делу они пришли. (19) Когда послы ответили, что они прибыли полномочными послами по вопросу о мире, эфоры велели позвать их в город. Затем было созвано народное собрание, на котором особенно горячо возражали против заключения мира коринфяне и фиванцы, а также и многие другие эллины; они требовали совершенного разрушения Афин. (20) Но лакедемоняне категорически отказались стать виновниками поражения жителей греческого города, столь много потрудившегося в эпоху тяжких бедствий, когда великая опасность угрожала Греции. Они выразили согласие на мир при условии сношения Длинных стен и укреплений Пирея, выдачи всех кораблей кроме двенадцати, возвращения изгнанников и вступления в число союзников лакедемонян с подчинением их гегемонии, с обязательством следовать за ними повсюду — на суше и на море, — куда они ни поведут, и иметь одни и те же государства союзниками и врагами. Ферамен и сопровождавшие его послы принесли этот ответ в Афины. (21) Когда они вошли в город, их окружила многочисленная толпа; все боялись, что они вернулись с пустыми руками, а ждать больше нельзя было, так как очень уж много народу погибло от голода. На следующий день послы доложили об условиях, поставленных лакедемонянами для заключения мира. (22) Говорил от их имени Ферамен; он убеждал повиноваться лакедемонянам и согласиться срыть стены. Кое-кто возражал ему, но огромное большинство ораторов одобряло его мысль и, наконец, было постановлено принять мирные условия лакедемонян. После этого и Лисандр вернулся в Пирей. (23) Изгнанники были возвращены; стены были срыты при общем ликовании под звуки исполняемого флейтистами марша: этот день считали началом свободной жизни для греков. (24) Так закончился год, в середине которого Дионисий, сын Гермократа, стал сиракузским тираном, причем карфагеняне сперва потерпели от сиракузян поражение, но затем взяли измором Акрагант, покинутый населявшими его сикелиотами. <...>

Перевод С.Я. Лурье

Вопросы по тексту источника:

1. В чем заключалась тяжесть положения Афин на данном этапе войны?
2. Каковы были условия мирного договора? Кто участвовал в заключении мира?

Установление тирании «Тридцати»

Ксенофонт. Греческая история. Книга II.

3. (11) Тридцать правителей были избраны тотчас после срытия Длинных стен и укреплений Пирея. Но, будучи избранными только для составления законов, которыми государство должно было руководствоваться, они все откладывали составление и опубликование свода законов, а пока что назначили членов совета и прочих магистратов по своему усмотрению. (12) Затем они, первым делом, арестовали и казнили тех, о которых при демократическом строе всем было известно, что они сикофанты, и тягостны добрым гражданам. Совет осудил их на смерть с чувством удовлетворения, да и все прочие граждане ничего не имели против их осуждения, поскольку они сами не были повинны в том же грехе. (13) Но вскоре правители стали думать лишь о том, чтоб им можно было распоряжаться всеми государственными делами по своему усмотрению. Для этого они прежде всего послали в Лакедемон к Лисандру Эсхина и Аристотеля с просьбой, чтобы он поспособствовал присылке в Афины лакедемонского гарнизона, который должен был оставаться в Афинах, пока правители не устранят дурных людей и не приведут в порядок государ-

ственного устройства; они обещали содержать гарнизон на свой счет. (14) Лисандр исполнил их просьбу и исходатайствовал для Афин гарнизон и гармоста Каллибия. Получив гарнизон, правители стали всячески ублажать Каллибия, чтобы и он, со своей стороны, одобрял все их действия, и так как в их распоряжении была часть прибывших с Каллибием солдат, то они стали арестовывать кого угодно: не только дурных и безнравственных людей, но вообще тех, про которых они полагали, что они наименее склонны терпеливо переносить надругательства и что, в случае если бы они попытались противодействовать правителям, к ним бы примкнуло наибольшее число приверженцев. (15) Первое время Критий был единомышленником и другом Ферамена. Когда же первый стал склоняться к тому, чтобы казнить направо и налево, не считаясь с количеством жертв, так как сам он пострадал от афинской демократии, будучи изгнанным, Ферамен стал противиться: «Нехорошо, — говорил он, — казнить людей, вся вина которых и том, что они пользовались популярностью в толпе, если от них не было никакого вреда добрым гражданам. Ведь и я и ты сам многое говорили и делали только лишь для того, чтобы угодить афинянам». (16) Критий, который был тогда еще другом Ферамена, возражал ему на это: «Честолюбивые люди должны стараться во что бы то ни стало устранить тех, которые в состоянии им воспрепятствовать. Ты очень наивен, если полагаешь, что для сохранения власти за нами надо меньше предосторожностей, чем для охранения всякой иной тирании: то, что нас тридцать, а не один, нисколько не меняет дела». (17) Некоторое время спустя, после того как было казнено много людей, часто совершенно невинных, и повсюду можно было заметить, как сходятся граждане и с ужасом спрашивают друг у друга, какие новые порядки их ожидают, — Ферамен снова выступил с речью, говоря, что без достаточного количества политических единомышленников никакая олигархия не может долго держаться. (18) При таком положении вещей страх охватил Крития и прочих правителей; особенно же они боялись, чтобы недовольные не сплотились вокруг Ферамена. Они сочли себя вынужденными допустить к правлению три тысячи граждан, по составленному ими списку. (19) Но и на это Ферамен возразил, что, прежде всего, ему представляется нелепостью то, что они, желая иметь единомышленниками благонамереннейших из граждан, отсчитали ровно три тысячи, как будто есть какая-то внутренняя причина, в силу которой добрых граждан должно быть как раз столько, и будто вне списка не может оказаться порядочных людей, а в списке — негодяев. Далее, по его мнению, правители в своих действиях самим себе противоречат: они решили править, опираясь исключительно на силу, а между тем они — слабее тех, кем им придется управлять. Таковы были доводы Ферамена. (20) Между тем правители устроили смотр граждан. Трем тысячам было приказано собраться на агоре, а прочим в другом месте. Затем им была дана команда выступить в полном вооружении. Когда они расходились по домам, правители послали лакедемонских солдат и своих приверженцев из числа граждан отобрать оружие у всех афинян, кроме трех тысяч, попавших в список, снести его на Акрополь и сложить в храм. (21) После этого правители получили возможность делать все, что им угодно, и много афинян пало жертвой их личной вражды; многие также были казнены ради денег. Чтобы раздобыть необходимые средства для уплаты жалованья гарнизону, они постановили, что каждый из правителей может арестовать одного метэка, убить его и конфисковать его имущество в казну. (22) Они предлагали и Ферамену воспользоваться этим правом, но он возразил им на это: «Не подобает тем, которые именуют себя лучшими гражданами, поступать еще более несправедливо, чем сикофанты. И в самом деле, сикофанты, ведь, не лишали жизни тех, кого им удавалось обобрать, тогда как мы убиваем людей, ни в чем перед нами не провинившихся, только для того, чтобы воспользоваться их имуществом. Конечно, это во много раз несправедливее, чем все то, что творили сикофанты». (23) Тогда прочие соправители, видя, что он является помехой во всех их предприятиях и не дает им управлять по своему произволу, стали злоумышлять против Ферамена, всячески клеветали на него и говорили, что он поносит существующий государственный строй. Был создан совет; на это собрание было приказано явиться с кинжалами за пазухой юношам, имевшим репутацию наиболее от-

важных. (24) По прибытии Ферамена Критий, взойдя на кафедру, произнес следующую речь: «Члены совета! У многих из вас, вероятно, появилась мысль, что слишком много гибнет народу, — больше, чем это необходимо. Но примите во внимание то, что так бывает при государственных переворотах всегда и везде. Наибольшее же число врагов сторонники олигархического переворота, само собой разумеется, должны иметь здесь, в Афинах: ведь наш город многочисленнейший в Элладе, и народ здесь наиболее продолжительное время рос и воспитывался на гражданской свободе. (25) Для таких людей, как мы с вами, демократический строй, конечно, крайне тягостен и невыносим; вдобавок лакедемонянам, даровавшим нам жизнь и свободу, сторонники народовластия испокон века были врагами, тогда как благонадежные слои населения были всегда им преданы. (26) Поэтому-то, с одобрения лакедемонян, мы и установили этот государственный строй; поэтому-то, если до нашего сведения доходит, что кто-либо враждебно относится к олигархическому правлению, мы принимаем все возможные меры для устранения таких лиц. А если в рядах поносящих новый государственный строй окажется кто-либо из нашей среды, мы должны его преследовать еще более энергично. Такой случай, граждане, ныне налицо: оказывается, что находящийся здесь Ферамен всячески добивается гибели — как нашей, так и вашей».

Перевод С.Я. Лурье

Вопросы по тексту источника:

1. Каким образом в Афинах произошел новый олигархический переворот? Какие изменения в политическом устройстве полиса были осуществлены сторонниками олигархии?
2. Назовите лидеров олигархической партии. По каким вопросам возникали разногласия между ними?

Архидамова война

Плутарх. Перикл.

31. Итак, нелегко узнать, как началась война. Но отказ отменить постановление (мегарскую псефизму) все приписывают Периклу. Только одни объясняют его упорство благородной гордостью, пониманием положения вещей и самыми лучшими намерениями: он считал, говорят они, что спартанцы хотели испытать уступчивость афинян, выставляя такое требование, и что согласиться с ним означало бы для афинян признать свою слабость. Другие видят в его высокомерном отношении к спартам лишь упрямство и соперничество с целью показать свою силу. <...>

33. Спартанцы понимали, что в случае падения Перикла афиняне будут гораздо сговорчивее. Поэтому они потребовали изгнания виновных в кощунстве по делу Килона, в котором замешан был род Перикла с материнской стороны, как говорит Фукидид. Но эта попытка дала результат, противоположный тому, какого ожидали спартанцы: вместо подозрений и злоречия сограждане окружили Перикла еще большим доверием и уважением как человека, более всех ненавистного и страшного неприятелям. Ввиду этого еще до вторжения в Аттику Архидама во главе пелопоннесцев Перикл объявил афинянам, что, если Архидам, опустошая страну, не коснется его владений, по случаю ли дружеских отношений гостеприимства между ними или чтобы дать врагам повод чернить его, то он жертвует государству и землю, и усадьбы.

Спартанцы и их союзники с большим войском вторглись в Аттику под предводительством царя Архидама. Опустошая страну, они дошли до Ахарн и расположились там лагерем в ожидании, что афиняне под влиянием раздражения и гордости вступят в решительный бой с ними. Но Периклу казалось опасным начать сражение с шестьюдесятью тысячами пелопоннесских и беотийских гоплитов (таково было число неприятелей при первом вторжении), подвергая риску самый город. Граждан, которые требовали сражения и не могли выносить происшедшего опустошения страны, он старался успокоить: он указы-

вал им, что деревья, обрезанные и срубленные, скоро вырастают, а воротить назад убитых отнюдь не так просто.

Народного собрания Перикл не созывал из опасения, что его заставят поступить вопреки его убеждению. Как кормчий на корабле, когда в открытом море поднимется ветер, приведя все в порядок, натянув канаты, действует по правилам искусства, не взирая на слезы и просьбы испуганных пассажиров, страдающих морской болезнью, так и Перикл, заперши городские ворота и расставив везде караулы для безопасности, руководился своими соображениями, мало обращая внимания на негодующие крики и недовольство граждан. И Клеон уже тогда стал нападать на него, пользуясь раздражением граждан.

34. Однако ничто не могло поколебать Перикла: он кротко и молчаливо переносил унижение и вражду. Он послал эскадру в сто кораблей против Пелопоннеса, но сам не принял участия в походе, а оставался в городе, чтобы держать его в своих руках, пока не ушли пелопоннесцы. Ища популярности у народа, все еще роптавшего на войну, он старался задобрить его раздачею денег и предлагал выводить колонии: так, изгнав жителей Эгины всех поголовно, он разделил остров по жребию между афинянами. Некоторым утешением служили также бедствия, которые терпели неприятели: флот во время похода вокруг Пелопоннеса разорил страну на большом пространстве, разрушил деревни и небольшие города; а с суши Перикл сам сделал вторжение в Мегарскую область и опустошил ее всю. Несомненно, неприятели, нанося много вреда афинянам на суше, но и сами терпя от них много вреда с моря, не могли бы так долго вести войну, но скоро изнемогли бы, как сначала и предсказывал Перикл, если бы какая-то божественная сила не противодействовала человеческим расчетам. Однако, во-первых, разразилась губительная моровая болезнь и поглотила молодежь в цвете лет и сил. Болезнь имела вредное влияние и на тело, и на душу граждан: они озлобились на Перикла. Как люди, обезумевшие от болезни, оскорбляют врача или отца, так и афиняне стали дурно относиться к Периклу по наущению его врагов, которые говорили, что болезнь эту производит скопление деревенского населения в городе, когда множество народа в летнюю пору принуждено жить вместе, вповалку, в тесных хижинах и душных сараях, вести жизнь сидячую и праздную вместо прежней жизни на чистом воздухе и на просторе; а виноват в этом тот, кто в связи с войной загнал деревенский люд в городские стены и ни на что не употребляет такую массу народа, а спокойно смотрит, как люди, запертые подобно скоту, заражаются друг от друга, и не дает им возможности изменить свое положение и подышать свежим воздухом.

35. Чтобы помочь этому горю, а кстати и причинить некоторый вред неприятелям, Перикл снарядил полтораста кораблей, посадил на них много храбрых гоплитов и всадников и собирался уже выйти в море; такая крупная сила подавала большую надежду гражданам и внушала не меньший страх врагам. Уже войска сели на суда и сам Перикл взошел на свою триеру, как вдруг произошло солнечное затмение, наступила темнота, все перепугались, считая это важным предзнаменованием. Перикл, видя ужас и полную растерянность кормчего, поднял свой плащ перед его глазами и, накрыв его, спросил, неужели в этом есть какое-нибудь несчастье или он считает это предзнаменованием какого-нибудь несчастья. Тот отвечал, что нет. «Так чем же то явление отличается от этого, — сказал Перикл, — как не тем, что предмет, который был причиной темноты, больше плаща?» Такой рассказ приводится в лекциях философов.

Как бы то ни было, Перикл отплыл. Но как видно, он не сделал ничего такого, чего можно было бы ожидать после столь внушительных приготовлений. В том числе и осада священного Эпидавра, хотя и была надежда взять его, успеха не имела из-за болезни, которая губила не только самих воинов, но и всех так или иначе соприкасавшихся с войском.

Эти несчастья вызывали сильное раздражение афинян против Перикла; он пробовал их успокоить и ободрить, но не мог утишить их гнев и переубедить их: их раздражение кончилось лишь тогда, когда они с камешками в руках стали голосовать против него и, получив всю полноту власти, лишили его должности стратега и наложили денежный штраф.

Минимальный размер штрафа наши источники определяют в пятнадцать талантов, а максимальный — в пятьдесят.

Перевод С.И. Соболевского

Вопросы по тексту источника:

1. В чем Плутарх видел причины Пелопоннесской войны? Какую роль в развязывании конфликта он отводил субъективным и объективным факторам?
2. Какой эпизод произошел во время отплытия афинской эскадры во главе с Периклом? Как он характеризует лидера афинской демократии?

Обращение спартанцев за помощью к персам

Плутарх. Лисандр.

4. Узнав, что Кир, сын царя, прибыл в Сарды, Лисандр отправился туда для переговоров с ним и с обвинением против Тиссаферна, который, получив приказание помогать лакедемонянам и вытеснить афинян с моря, как говорили, по наущению Алкивиада действовал вяло и губил спартанский флот своей скупостью. Кир охотно прислушивался к обвинениям против Тиссаферна и ко всем слухам, которые его чернили, ибо Тиссаферн был не только порочным человеком, но и его личным врагом. Слова Лисандра и его манера держаться расположили Кира к спартанскому военачальнику; своим угодливым тоном Лисандр окончательно пленил юношу и внушил ему намерение продолжать войну. Когда Лисандр уже собирался уезжать, Кир, угощая его, убеждал не отвергать его благосклонности и просить, чего он только хочет, потому что ему ни в чем не будет отказа. «Если ты так добр ко мне, Кир, — сказал Лисандр, — прошу тебя, прибавь морякам к их жалованию по оболу, чтобы они получали по четыре оболы вместо трех». В восторге от честолюбивой щедрости Лисандра, Кир распорядился выдать ему десять тысяч дариков. Тот употребил их на выдачу добавочного оболы морякам и так прославился этим, что очень скоро вражеские корабли опустели. Большая часть моряков переходила к тому, кто платил больше, а оставшиеся, работая спустя рукава и бунтуя, только доставляли ежедневные неприятности своим начальникам. Морского сражения, однако, Лисандр боялся, несмотря на то, что сократил число врагов и ухудшил их положение: ему был страшен Алкивиад, человек решительный, имевший много кораблей и не проигравший до тех пор ни одного сражения ни на суше, ни на море.

5. <...> Созвав в Эфес представителей от городов, которых он считал наиболее разумными и отважными среди сограждан, Лисандр впервые внушил им мысль о перевороте и создании власти десяти, которая впоследствии и установилась при его содействии. Он убеждал этих людей объединиться в тайные общества и внимательно наблюдать за состоянием государственных дел, обещая одновременно с крушением Афин уничтожить демократию и дать им неограниченную власть в родном городе. Его дела внушали доверие к этим обещаниям: и прежде он возводил своих друзей и гостеприимцев на высокие и почетные должности, поручал им командование войсками, ради их выгоды становился соучастником их несправедливых и ошибочных действий. Взоры всех были устремлены на него, все угождали ему и выражали глубокую преданность, рассчитывая, что под его начальством они достигнут всего, даже того, что кажется недостижимым. Поэтому Калликратида, явившегося на смену Лисандру командовать флотом, сразу приняли неприветливо, а впоследствии, когда он доказал свое исключительное благородство и справедливость, все же были недовольны его властью — простой, бесхитростной, истинно дорийской. Они дивились ему, как прекрасной статуе героя, но тосковали по Лисандру с его рвением, преданностью друзьям и умением доставить им выгоду. Когда Лисандр отплыл, его провожали с отчаянием и слезами.

6. Лисандр еще более настроил своих приверженцев против Калликратида, отослав назад в Сарды остаток тех денег, которые Кир дал ему на содержание флота. Он сказал

Калликратиду, что если ему угодно, пусть сам попросит денег и позаботится о том, как содержать воинов. Наконец, перед самым отплытием, он торжественно заявил Калликратиду, что передает ему флот, который является господином моря. Тот, желая положить конец этому пустому хвастовству, спросил: «Почему же тебе не оставить Самос слева и не плыть в Милет, чтобы там передать мне триеры? Если мы господствуем на море, то можем без опасения плыть мимо засевших на Самосе врагов». На это Лисандр ответил, что флотом командует не он, а Калликратид, и отплыл в Пелопоннес, оставив своего преемника в большом затруднении. Калликратид приехал без денег и не мог решиться силою взять их с городов, которым и без того приходилось туго. Оставалось обивать пороги царских военачальников и просить, как просил Лисандр. Меньше, чем кто-либо иной, был способен на это Калликратид, независимый и гордый человек, считавший, что для греков достойнее понести поражение от своих же соотечественников, чем с протянутой рукой бродить у порога варваров и льстить этим людям, у которых, кроме груды золота, нет никаких достоинств. Находясь, однако, в безвыходном положении, он был вынужден отправиться в Лидию, явился прямо во дворец Кира и велел доложить ему, что пришел наварх Калликратид, который хочет с ним говорить. «Сейчас Киру некогда, чужестранец: он пьет вино», — ответил ему один из привратников. «Пустяки, — простодушно возразил Калликратид, — я постою и подожду, пока он кончит пить». Его приняли за неотесанного мужлана, и он ушел, осмеянный варварами. Явившись во второй раз, он снова не был допущен и в гневе уехал в Эфес, осыпая проклятиями тех, кто впервые позволил варварам издеваться над собой и научил их чваниться своим богатством. Он поклялся спутникам, что как только вернется в Спарту, сделает все для восстановления мира между греками, чтобы впредь они внушали варварам ужас и перестали обращаться к ним за помощью в борьбе друг против друга.

7. Но Калликратид, чей образ мыслей был достоин лакедемонянина и кто по своей справедливости, великодушию и мужеству мог соперничать с первыми людьми Греции, в скором времени был разбит в морском сражении при Аргинусских островах и погиб.

Дела союзников пошатнулись, и они отправили в Спарту посольство просить в навархи Лисандра, обещая, что они энергичнее возьмутся за дело под его начальством. Кир послал такую же просьбу. По закону один и тот же человек не мог быть навархом дважды, но лакедемонянам не хотелось отказывать союзникам, и они облекли званием наварха некоего Арака, а Лисандра отправили как бы его помощником, а на деле — главнокомандующим. Большинство из тех, кто принимал участие в управлении и пользовался властью в городах, давно уже ждали его появления: при нем они рассчитывали еще более усилить свою власть, окончательно упразднив демократическое правление. Тем же, кому нравились в правителе простота и благородство, Лисандр по сравнению с Калликратидом казался лукавым софистом: на войне он шел к цели большею частью путем обмана, превозносил справедливость, если это было ему выгодно, а в противном случае объявлял прекрасным полезное, считал, что по самой природе своей правда не лучше лжи, но отдавал честь той или другой, в зависимости от выгоды, какую они способны принести. Когда ему говорили, что потомкам Геракла не подобает добиваться побед при помощи хитрости, он отвечал на эти упреки презрительным смехом. «Где львиная шкура коротка, там надо подшить лисью», — говорил он. <...>

9. Кир пригласил Лисандра в Сарды, дал ему денег, обещал позднее дать еще и, желая доставить ему удовольствие, с юношеским легкомыслием заявил, что если ничего не получит от отца, пустит в ход собственные средства. Если у него ничего не останется, сказал он, он разобьет свой сделанный из золота и серебра трон, сидя на котором, он занимался государственными делами. В заключение, отправляясь в Мидию к отцу, он поручил Лисандру собирать подати с городов и доверил ему управление. На прощанье он просил его не вступать на море в сражение с афинянами, пока он не вернется, вернуться же обещал с большим числом кораблей из Финикии и Киликии. После этого он отправился к царю. Лисандр, не будучи в состоянии ни сражаться с вражеским флотом, почти равным по си-

лам его собственному, ни сидеть без дела с таким числом кораблей, снялся с якоря, завладел несколькими островами и, высадившись, произвел набег на Эгину и Салимин. Появившись в Аттике, он после приветствий Агиду (тот спустился к нему из Декелии) показал сухопутному войску, здесь находившемуся, свой мощный флот, с которым-де он, хозяин моря, может плыть, куда ему угодно. Узнав, однако, что афиняне собираются отправиться за ним в погоню, он другим путем, между островами, убежал в Азию. Найдя Гелеспонт лишенным охраны, он осадил Лампсак с моря, а Форак с пешим войском направился туда же и подступил к городским стенам. Взяв Лампсак штурмом, Лисандр отдал его на разграбление воинам.

Перевод М.Е. Сергеенко

Вопросы по тексту источника:

1. Каким образом Кир оказывал помощь спартанским войскам? На какие цели Лисандр использовал персидские деньги? Как это характеризует греческую армию конца Пелопоннесской войны?
2. В чем заключались различия между Лисандром и Калликратидом? Чьи методы ведения войны оказались эффективнее в тот период?

Битва при Эгоспотамах

Плутарх. Лисандр.

9. Как раз в это время афинский флот численностью в сто восемьдесят триер пристал к Элеунту на Херсонесе. Узнав о падении Лампсака, афиняне тотчас же отправилась в Сест. Запасшись там провиантом, они зашли в Эгоспотама, против которых, у Лампсака, еще стоял на якоре неприятель. Среди прочих афинских военачальников находился и Филокл, убедивший когда-то афинян принять постановление о том, чтобы каждому военнопленному отрубали большой палец на правой руке, дабы они могли грести, но не были в состоянии держать копье.

10. В этот день все отдыхали, рассчитывая сразиться на следующий день. Хотя у Лисандра было на уме другое, но, словно и в самом деле собираясь начать сражение с наступлением дня, он приказал матросам и кормчим взойти с рассветом на триеры, занять свои места и молча ждать его распоряжений. Такую же тишину должны были соблюдать и выстроенные у моря пехотинцы. Когда взошло солнце, афиняне выплыли сомкнутым строем и стали вызывать врага на битву. Корабли Лисандра стояли носами к неприятелю, и посадка произведена была еще ночью, однако он не двинулся с места и послал к передним судам лодки с приказом не двигаться с места и оставаться в строю, сохраняя спокойствие и не выходя навстречу врагу. Когда афиняне с наступлением сумерек повернули обратно, он снял воинов с кораблей, но лишь после того, как две или три триеры, отправленные им на разведку, вернулись с известием, что враги высадились на берег. На следующий и на третий день повторилось то же самое, пока, наконец, на четвертый день афиняне не исполнились отваги и презрения к врагу, казалось, явно испуганному и уклоняющемуся от битвы. В это время Алкивиад (он жил тогда в Херсонесе в своей крепости), прискакав верхом к афинскому войску, поставил на вид военачальникам, что, во-первых, неразумно и небезопасно располагаться лагерем на морском берегу — плоском, открытом и лишенном надежных гаваней и что, далее, они делают ошибку, получая провиант из такого далекого места, как Сест, но что им лучше поскорее перебраться в порт и город Сест и уйти подальше от стоянки врага: ведь действиями неприятеля распоряжается один человек, из страха перед которым все немедленно выполняется по одному его знаку. Советов Алкивиада не послушали, и Тидей дерзко ответил ему, что войсками командует не он, а другие.

11. Алкивиад, увидев в этом не только высокомерие, но и признаки измены, уехал обратно. На пятый день, после того как афинские суда сначала вышли вперед, а потом, по обыкновению, повернули обратно с пренебрежительным и надменным видом, Лисандр выслал свои корабли на разведку и приказал начальникам триер, как только они увидят, что афиняне уже высадились, повернуть и плыть как можно скорее обратно, а на середине

пути поднять на носу корабля медный щит — знак нападения. Сам он, подплывая к каждому судну, вызывал кормчих и начальников триер и уговаривал каждого держать в порядке и гребцов и воинов, а по данному им знаку решительно и изо всех сил ударить на врага. Когда на кораблях был поднят щит и труба с командирского судна проиграла сигнал к выступлению, флот снялся с якоря, а пехотинцы наперегонки бросились по берегу к мысу. Расстояние между материками в этом месте равно пятнадцати стадиям, и, благодаря рвению и энергии гребцов, суда быстро оставили его за собой. Конон первым из афинских военачальников увидел подплывающий флот и стал кричать, чтобы воины садились на суда. Вне себя от отчаяния он одних звал, других просил, третьих силой заставлял идти на триеры. Но все его старания были тщетны, так как люди разошлись кто куда. Высадившись и не ожидая ничего плохого, они сразу же отправились кто на рынок, кто просто побродить, а некоторые легли спать в палатках или принялись готовить завтрак. Из-за неопытности своих начальников афиняне были очень далеки от мысли о том, что им предстояло, и враги уже подходили, крича и громко ударяя веслами по воде, когда Конону удалось ускользнуть с восемью кораблями: он бежал на Кипр к Эвагору. Пелопоннесцы, напав на остальной флот, одни корабли захватили совсем пустыми, а другим наносили пробоины, когда вражеские моряки пытались подняться на борт. Люди, поодиночке спешившие на помощь, умирали безоружными возле кораблей, а тех, кто пытался бежать в глубь страны, убивали высадившиеся враги. Лисандр захватил три тысячи человек вместе с военачальниками и весь флот, находившийся на стоянке, кроме «Парала» и восьми кораблей, бежавших с Кононом. Взяв суда на буксир и опустошив лагерь, Лисандр под звуки флейт и победных песен отплыл в Лампсак, совершив величайшее дело с самой незначительной затратой сил и в один час положив конец войне, самой долгой из всех, что бывали раньше, и, как ни одна другая, богатой разными случайностями и превратностями. Война эта представляет собою бесконечную вереницу сражений и неожиданных перемен, в течение ее погибло больше полководцев, чем за все войны, бывшие прежде в Элладе, а конец ей был положен благоразумием и опытностью одного человека. Вот почему победу эту считали делом божества.

Перевод М.Е. Сергеенко

Вопросы по тексту источника:

1. Какой совет дал, по Плутарху, афинским стратегам Алкивиад? Как Вы полагаете, был ли этот совет эффективным?
2. Чем отличаются изложение событий этого сражения Плутархом от повествования Ксенофонта?

Установление власти спартанцев над Грецией

Плутарх. Лисандр.

13. После этого Лисандр отправился с флотом по городам и велел всем афинянам, которых он там застал, вернуться в Афины, пригрозив, что он не пощадит ни одного афинского гражданина, найденного им вне Афин: все будут казнены. Таким образом он согнал всех афинян в Афины, желая, чтобы там начались нужда и лютей голод и тем самым он был бы избавлен от хлопот, которые бы доставило ему население, легко выдерживающее осаду. Уничтожая демократию и другие законные формы правления, Лисандр повсюду оставлял по одному гармосту из лакедемонян и по десять правителей из членов тайных обществ, организованных им по городам. Так он действовал без различия во вражеских и в союзнических городах, исподволь подготавливая себе в известном смысле господство над Грецией. Правителей он назначал не по знатности или богатству: члены тайных обществ и друзья, связанные с ним узами гостеприимства, были ему ближе всего, и он предоставлял им неограниченное право награждать и карать. Лично присутствуя при многих казнях, изгоняя врагов своих друзей, он дал грекам образчик лакедемонского правления, судя по которому добра от Спарты ждать было нечего. Вот почему, мне кажется, неудачным сравнение, принадлежащее комическому поэту Феопомпу: он сопоставил лакедемонян с трак-

тиршицами, сказавши, что, в то время как эллины вкушали сладостнейший напиток свободы, спартанцы подлили туда уксусу. Нет, питье с первого же глотка оказалось противным и горьким, так как Лисандр не только не позволил народу распоряжаться своими делами, но вдобавок, передавая власть над городами в руки немногих, выбирал среди них самых дерзких честолюбцев.

14. Проведя недолгое время за этими делами, Лисандр послал гонцов в Лакедемон с известием, что он идет с двумястами кораблей, а сам в Аттике соединился с царями Агидом и Павсанием, чтобы совместными силами поскорее взять Афины. Но афиняне держались, и он вместе со своим флотом отбыл обратно в Азию. Во всех городах без исключения он уничтожил законный государственный строй, поставил правительства из десяти человек и в каждом городе многих граждан казнил, а многих заставил бежать. Самосцев он изгнал всех, а город передал бывшим изгнанникам. Отняв у афинян Сест, он не разрешил его жителям остаться в городе, а отдал его вместе с землей кормчим и начальникам гребцов, служившим под его начальством. Это был первый его поступок, который в Лакедемонии отказались одобрить, и жители Сеста были возвращены обратно. Все греки, однако, с удовлетворением наблюдали, как эгинцы, благодаря Лисандру, спустя долгое время после выселения, снова возвращаются в свой город и как афиняне, изгнанные с Мелоса и из Скионы, вынуждены были отдать тамошние города их прежним владельцам, которых Лисандр и водворил на старом месте.

Узнав, что афиняне начинают страдать от голода, он отплыл в Пирей и принудил город к сдаче, заставив просить мира на условиях, им предписанных. Лакедемонские писатели рассказывают, что Лисандр сообщил эфорам: «Афины взяты», — а эфоры ответили ему: «Этого достаточно». Рассказ этот, однако, придуман для того, чтобы придать случившемуся вид благопристойный. Подлинное же распоряжение эфоров было следующим: «Власти Лакедемона постановляют: если вы разрушите Пирей и Длинные стены, уйдете из всех городов и сохраните только собственную землю, вы получите мир, если вам угодно. Кроме того, вы примете обратно изгнанников. Что же касается количества кораблей, вы поступите так, как будет решено на месте». Афиняне по совету Ферамена, сына Гагна, согласились на эти требования. Рассказывают, что некий Клеомен, один из молодых вожаков толпы, спросил его, как он смеет словом и делом идти наперекор Фемистоклу, выдавая лакедемонянам стены, которые тот воздвиг против воли лакедемонян. «Я не иду наперекор Фемистоклу, юноша, — ответил Терамен. — И он воздвиг эти стены для блага граждан, и мы разрушим их для их же блага. Если бы счастье городов зависело от стен, то хуже всех жилось бы Спарте, не имеющей стен вовсе».

15. Забрав у афинян все корабли, кроме двенадцати, Лисандр вошел в город в 16-й день месяца мунихиона — в тот самый день, в который некогда афиняне победили варваров в морской битве при Саламине. Он решил тотчас же изменить государственный строй Афин. Афиняне не желали с этим смириться, и он заявил народу, что город нарушил условия мира, что стены еще стоят, хотя сроки, назначенные для их срытия, уже прошли, и что он внесет теперь новое предложение, касающееся афинян, так как прежнее соглашение ими не выполнено. Говорят, на собрании союзников некоторые действительно предлагали продать афинян в рабство, а фиванец Эриант посоветовал разрушить город и обратиться к месту, на котором он стоял, в пастбище для овец.

Теперь афиняне соглашались на все. Лисандр потребовал, чтобы город дал большое число флейтисток, прибавил к ним всех, какие были у него в лагере, и под звуки флейт в присутствии союзников, украсивших себя венками и певших победную песню, ибо день этот был началом свободы, срыл стены и сжег триеры. Тотчас же было изменено и государственное управление: в Афинах было назначено тридцать правителей, в Пирее — десять, на Акрополе размещен сторожевой отряд и гарместом поставлен спартанец Каллибий.

Перевод М.Е. Сергеевко

Вопросы по тексту источника:

1. Какие порядки устанавливали спартанцы в греческих полисах?
2. Какое наказание понесли Афины?

Биография Алкивиада

Плутарх. Алкивиад.

19. В это время Андрокл, один из вожаков толпы, привел нескольких рабов и метэков, которые заявили, что Алкивиад и его друзья уродовали другие статуи богов, а кроме того, подражали на своих попойках тайным священнодействиям. Доносчики утверждали, будто какой-то Феодор разыгрывал роль глашатая, Политион — факелоносца, сам Алкивиад — верховного жреца, а остальные приятели при этом присутствовали и называли друг друга мистами. Все это было изложено в жалобе, которую Фессал, сын Кимона, подал на Алкивиада, обвиняя его в оскорблении обеих богинь. Народ был взбешен и проклинал Алкивиада, Андрокл же (один из самых непримиримых его врагов) старался еще усилить всеобщее негодование.

Сначала Алкивиад растерялся, но, узнав, что моряки, которым предстояло повести корабли в Сицилию, по-прежнему ему преданы и сухопутное войско тоже, а гоплиты из Аргоса и Мантиней числом тысяча, открыто говорят, что лишь ради Алкивиада они согласились двинуться в этот далекий, заморский поход и, если кто-нибудь вздумает его обидеть, они тут же повернут назад, — узнав об этом, он приободрился и готовился в назначенный день произнести речь в свою защиту, а враги снова пали духом, опасаясь, как бы приговор не оказался слишком мягким, поскольку народ нуждается в услугах Алкивиада. И вот, прибегнув к хитрости, они уговаривают ораторов, которые, по общему мнению, не были врагами Алкивиада, однако ненавидели его ничуть не меньше, нежели те, кто не скрывал своих чувств, выступить в Собрании и сказать, что нелепо полководцу, облеченному неограниченными полномочиями и поставленному во главе таких огромных сил, теперь, когда войско уже собрано и союзники прибыли, терять попусту время, пока избирают судей и отмеряют воду в часах. Пусть плывет в добрый час, а после окончания войны пусть возвратится и держит ответ перед теми же самыми законами. Злой умысел, таившийся в этой отсрочке, не укрылся от Алкивиада, и, выйдя вперед, он заявил, что страшное это дело — быть посланным на врага во главе громадного войска, не сняв с себя обвинений и наветов, без уверенности в будущем; он готов умереть, если не докажет своей правоты, но если докажет ее и будет оправдан — то пойдет на врага, не страшась клеветников.

21. Но народ не успокаивался — скорее, напротив, расправившись с осквернителями герма, он всей силою своей ярости — теперь словно освободившейся от забот — обрушился на Алкивиада. В конце концов, за ним отправили «Саламинию», строго-настрого запретив, однако, применять насилие: посланным надлежало в сдержанных выражениях предложить Алкивиаду следовать за ними, чтобы предстать перед судом и оправдаться. Афиняне опасались волнений в войске, стоявшем на вражеской земле, или даже мятежа, вызвать который Алкивиаду, при желании было бы нетрудно. И в самом деле, после его отъезда воины пришли в уныние, предчувствуя, что под командованием Никия война затянется надолго — казалось, стрекало, понуждавшее всех и каждого к решительным действиям, исчезло; оставался, правда, Ламах, человек воинственный и храбрый, но бедность лишала его какого бы то ни было веса и влияния.

22. Готовясь к отплытию, Алкивиад успел вырвать из рук афинян Мессену. Среди мессенцев были люди, готовые сдать город; зная всех наперечет, Алкивиад выдал их сторонникам сиракузян и расстроил все дело. В Фуриях, сойдя с триеры, он скрылся, и все поиски ни к чему не привели. Кто-то узнал его и спросил: «Неужели ты не веришь родине, Алкивиад?» «Отчего же, — возразил он, — верю во всем, кроме лишь тех случаев, когда дело касается моей жизни: тут я даже родной матери не поверю — ведь и она по ошибке может положить черный камешек вместо белого». Впоследствии, услышав, что афиняне приговорили его к смерти, Алкивиад воскликнул: «А я докажу им, что я еще жив!».

23. Пока принимались эти решения и выносился приговор, Алкивиад успел бежать из Фурий в Пелопоннес и сначала задержался в Аргосе, но затем, боясь врагов и окончательно распроставшись с надеждою на возвращение в отечество, послал в Спарту гонца с просьбой о личной неприкосновенности и надежном убежище, суля за это одолжения и услуги куда более значительные, нежели тот ущерб, который он нанес спартамцам, будучи их противником. Получив все необходимые заверения и вновь исполнившись бодрости, он приехал в Лакедемон, был радушно встречен и прежде всего, видя, что спартамцы медлят с помощью сиракузянам, убедил их и чуть ли не заставил отправить в Сицилию отряд во главе с Гилиппом, чтобы сломить силы высадившихся там афинян; далее, послушавшись его советов, спартамцы возобновили военные действия против Афин в самой Греции и, наконец, обнесли стенами Декелею, и это было страшнее всего прочего: никакой другой удар не мог обессилить родной город Алкивиада столь же непоправимо.

24. После поражения афинян в Сицилии хиосцы, лесбосцы и граждане Кизика одновременно отрядили к лакедемонянам посольства для переговоров о переходе на их сторону. За лесбосцев ходатайствовали беотийцы, просьбы из Кизика поддерживал Фарнабаз, но лакедемоняне, послушав Алкивиада, решили прежде всего оказать помощь хиосцам. Алкивиад и сам отправился в плавание, склонил к мятежу почти всю Ионию и вместе со спартамскими военачальниками причинил афинянам огромный урон. Между тем Агид, который затаил к нему ненависть, не простив бесчестия жены, теперь начал еще завидовать его славе, ибо всякое начинание, всякий успех молва приписывала Алкивиаду. Да и среди прочих спартамцев самые могущественные и честолюбивые уже тяготились Алкивиадом, тоже завидуя ему. По их настоянию власти дали приказ умертвить Алкивиада.

Алкивиад тайно проведал об этом и, боясь за свою жизнь, по-прежнему действовал заодно с лакедемонянами, но одновременно прилагал все усилия к тому, чтобы не попасться им в руки. В конце концов, он бежал под защиту персидского сатрапа Тиссаферна. <...>

25. Итак, разорвав отношения с вероломными спартамцами и страшась Агида, Алкивиад старался уронить и очернить своих бывших друзей в глазах Тиссаферна; он не советовал помогать им столь же усердно, как прежде, и окончательно губить Афины, но, скупомысленно отмеряя необходимые средства, постепенно загнать оба народа в тупик, и тогда, изнулив и обессилив друг друга, они покорно склонятся перед великим царем. Тиссаферн охотно следовал его советам и так открыто свидетельствовал ему свою приязнь и восхищение, что на Алкивиада направлены были взоры обоих враждебных греческих станом. Афиняне, терпя бедствие за бедствием, теперь раскаивались в своем приговоре, но и Алкивиад мучился тревогою, как бы город не погиб и сам он не оказался во власти лакедемонян — лютых своих врагов. <...>

27. Вскоре после этого власть четырехсот была низвергнута, причем друзья Алкивиада ревностно помогали сторонникам демократии. Граждане высказывали желание и даже требовали, чтобы Алкивиад вернулся, но тот считал, что возвращаться надо не с пустыми руками, не жалостью и милостью толпы, но с подвигами, со славою. Поэтому, с немногими кораблями покинув Самос, он направился сначала в сторону Коса и Книда. Там он узнал, что спартанец Миндар идет со всем флотом к Геллеспонту, а афиняне гонятся за ним, и сразу же поспешил на подмогу стратегам. По счастливой случайности он подоспел со своими восемнадцатью триерами в решающий момент сражения при Абидосе. Ожесточенный бой, в котором принимали участие все суда, шел с переменным успехом и затянулся до вечера. Появление Алкивиада произвело поначалу ложное впечатление на обе стороны: враги воспрянули духом, афиняне пришли в замешательство. Но над судном командующего быстро поднялся дружественный сигнал, и тотчас вновь прибывшие ударили на пелопоннесцев, которые уже побеждали и преследовали противника. Теперь в бегство обратились спартамцы, Алкивиад гнал их все ближе к берегу и, неотступно тесня, наносил судам пробоину за пробоиной, а матросы спасались вплавь под защиту пехоты Фарнабаза, которая бросилась им на выручку и пыталась с суши отстоять гибнущие суда. В конце

концов, захватив тридцать вражеских судов и отбив все свои корабли, афиняне поставили трофей. <...>

29. Затем он готовился выступить против халкедонян, расторгнувших союз с Афинами и принявших к себе спартанский отряд и правителя, но, узнав, что все добро, которое может стать добычей врага, они собрали и вывезли в дружественную им Вифинию, подошел с войском к вифинским рубежам, отправивши вперед вестника, который передал вифинцам его неудовольствие и упреки. Те испугались, выдали ему добро халкедонян и заключили с ним дружбу.

30. Алкивиад стал окружать Халкедон стеною, ведя ее от моря к морю, и работы еще не были завершены, когда появился Фарнабаз, чтобы прорвать осаду. Халкедонский правитель Гиппократ, собрав все свои силы, сделал вылазку. Алкивиад выстроил войско так, чтобы можно было одновременно отразить натиск с обеих сторон, и Фарнабаз позорно бежал, а Гиппократ был разбит наголову и погиб вместе с немалым числом своих людей.

31. Тем временем стратеги, осаждавшие Халкедон, заключили с Фарнабазом соглашение, по которому последний обязался выплатить неприятелю известную сумму денег, халкедонцы возвращались под власть Афин, афиняне же брали на себя обязательство не разорять более владения Фарнабаза, который в свою очередь обещал охрану и полную безопасность афинскому посольству, направлявшемуся к царю. Когда вернулся Алкивиад, Фарнабаз пожелал, чтобы и он скрепил своей клятвой условия соглашения, но тот отказался: первым, по его мнению, должен был поклясться перс.

Когда наконец взаимные клятвы были принесены, то Алкивиад подступил к Византию, расторгшему союз с афинянами, и стал обносить город стеной. Анаксилай, Ликург и еще несколько человек уговорились с Алкивиадом, что сдадут ему город, а он пощадит жизнь и имущество византийцев; после этого, распустив слух, будто новые волнения в Ионии заставляют афинян уйти, он отплыл днем со всем флотом, но в ту же ночь возвратился, сошел на берег и, во главе тяжеловооруженных пехотинцев приблизившись к городской стене, притаился. Корабли между тем стянулись ко входу в гавань и ворвались в нее под такой оглушительный шум и крики матросов, что византийцы, для которых все это было полной неожиданностью, в ужасе бросились к морю спасать свои суда, и сторонникам афинян представилась возможность беспрепятственно открыть Алкивиаду ворота. Но без боя дело все же не обошлось. Стоявшие в Византии пелопоннесцы, беотийцы и мегаряне отразили натиск высадившихся с моря и снова загнали их на корабли, а затем, узнав, что афиняне уже в городе, выстроились в боевую линию и двинулись им навстречу. В ожесточенной схватке Алкивиад одолел на правом крыле, Ферамен на левом; около трехсот неприятелей, оставшихся в живых, попало в плен. По окончании военных действий ни один из византийцев не был казнен или отправлен в изгнание: на таких условиях сдали город те, кто указаны нами выше, не выговорив для себя никаких особых преимуществ. Именно поэтому Анаксилай, позже привлеченный в Спарте к суду за измену, не выразил ни малейшего смущения, оправдывая свои действия. Он напомнил, что он не лакедемонянин, а византиец и что опасности у него на глазах подвергался Византий, а не Спарта: город был обнесен стеной, всякий ввоз в него прекратился, запасами, которые еще не до конца иссякли, кормились пелопоннесцы и беотийцы, а граждане Византия с женами и детьми умирали с голода. Стало быть, он не выдал врагам город, но, напротив, избавил его от самого лютого врага — от войны, по примеру достойнейших спартанцев, для коих лишь одно доподлинно прекрасно и справедливо — благо отечества. Выслушав эти доводы, лакедемоняне смутились и оправдали обвиняемых.

32. Вот теперь Алкивиад стремился на родину, впрочем; еще больше ему хотелось предстать перед согражданами в облике полководца, одержавшего столько побед над врагами. И он тронулся в путь, украсив аттические триеры по обоим бортам щитами и другой военной добычей, ведя за собой множество захваченных у неприятеля судов; еще больше неприятельских кораблей он пустил ко дну и теперь вез в Афины снятые с них носовые украшения; число тех и других вместе было не менее двухсот. <...>

35. Какого взгляда на счет тираннии держался сам Алкивиад, нам неизвестно, но наиболее влиятельные граждане были очень испуганы и принимали все меры к тому, чтобы он отплыл как можно скорее: они неизменно одобряли все его предложения и, между прочим, подали голоса за тех лиц, каких он сам выбрал себе в товарищи по должности.

Выйдя в плавание со своею сотней судов и причалив к Андросу, он разбил в сражении и самих андросцев и поддерживавший их отряд лакедемонян, но города не взял, чем и подал врагам первый повод к новым обвинениям против него. Если бывали люди, которых губила собственная слава, то, пожалуй, яснее всего это видно на примере Алкивиада. Велика была слава о его доблести и уме, ее породило все, свершенное им, а потому любая неудача вызывала подозрение — ее спешили приписать нерадивости, никто и верить не желал, будто для Алкивиада существует что-либо недостижимое: да, да, если только он постарается, ему все удастся! Афиняне надеялись вскоре услышать о захвате Хиоса и вообще всей Ионии. Вот откуда и возмущение, с которым они встречали известия о том, что дела идут не так-то уж быстро, отнюдь не молниеносно, как хотелось бы им. Они не думали о том, как жестоко стеснен в средствах их полководец, ведущий войну с противником, которого снабжает деньгами сам великий царь, и что по этой причине Алкивиаду нередко приходится покидать свой лагерь в поисках жалования и пропитания для войска, мало того, последнее обстоятельство послужило основанием еще для одной жалобы на него! Когда Лисандр, поставленный лакедемонянами во главе флота, начал выдавать матросам по четыре обола вместо трех — деньги он получил от Кира, — Алкивиад, уже с трудом плативший своим даже три обола, отправился в Карию, чтобы собрать денег, а командование судами передал Антиоху, прекрасному кормчему, но человеку грубому и безрассудному. Этот Антиох, хотя и получил от Алкивиада приказ не вступать в битву даже в том случае, если неприятель нападет первым, дошел до такой наглости, до такого неповиновения, что, изготовив к бою две триеры — свою и еще одну, доплыл до Эфеса и там принялся разъезжать взад-вперед вдоль носов неприятельских кораблей, упорно раздражая противника наглым кривлянием и оскорбительными речами. Сначала Лисандр послал за ним в погоню всего лишь несколько судов, но затем, когда афиняне поспешили на подмогу своему начальнику, вывел в море и остальные и одержал верх. Антиох был убит, спартанцы захватили много кораблей и пленных и воздвигли трофей. Весть об этом дошла до Алкивиада, он вернулся на Самос, тоже вышел в море со всем флотом и пытался вызвать Лисандра на сражение, но тот, вполне довольствуясь своей победой, остался в гавани.

36. Тогда Фрасибул, сын Фрасона, один из тех, кто, ненавидя Алкивиада, служил под его началом, уехал в Афины, чтобы выступить с обвинениями; стараясь озлобить афинян, он утверждал в Собрании, будто Алкивиад потому погубил все дело и потерял суда, что с унижительным легкомыслием распорядился своими полномочиями, передав командование людям, которые заняли при нем самые высокие посты благодаря лишь умению выпивать и матросскому бахвальству, передал для того, чтобы самому беспрепятственно наживаться, плавая, куда вздумается, пьянствовать да распутничать с абидосскими и ионийскими гетерами, — и все это когда стоянка вражеских судов совсем рядом! Ему вменяли в вину также постройку крепости, которую он возвел во Фракии близ Бисанты — убежище на случай, если он не захочет или не сможет жить в отечестве, утверждали обвинители. Народ поверил врагам Алкивиада и, желая выразить ему свое нерасположение и гнев, избрал новых стратегов.

Несколько позже стратеги Тидей, Менандр и Адимант со всеми судами, какие в ту пору были у афинян, расположились при устье Эгоспотамов и утром обыкновенно подплывали к Лампсаку, близ которого бросили якоря корабли Лисандра, пытались вызвать спартанцев на бой, а потом возвращались назад и, полные презрения к неприятелю, проводили день беспорядочно и беспечно. Находившийся поблизости Алкивиад узнал о таком легкомыслии и не остался к нему равнодушен: он прискакал верхом и стал было внушать стратегам, что они неудачно выбрали место для стоянки — ведь на всем берегу нет ни гаваней, ни городов, и продовольствие приходится доставлять издалека, из Сеста, — и что

напрасно смотрят они сквозь пальцы на то, как их матросы, сойдя на сушу, рассеиваются и разбредаются кто куда, когда напротив стоит на якоре огромный флот, приученный к единовластным повелениям и беспрекословному их выполнению.

37. Но стратеги не соизволили прислушаться к предостережениям Алкивиада и его совету перевести суда в Сест, а Тидей прямо велел ему убираться прочь, прибавив насмешливо: «Теперь не ты стратег, а другие». Алкивиад удалился, заподозрив их в измене, и, уезжая, говорил своим знакомым из греческого лагеря, которые вышли его проводить, что если бы не эти оскорбления, он в ближайшие дни заставил бы лакедемонян принять бой вопреки собственному желанию, в противном же случае они лишились бы своих судов. Одни решили, что он бросает слова на ветер, другие — что дело это вполне возможное: стоит ему только собрать побольше фракийских копейщиков и всадников и, ударив с суши, посеять смятение в лагере спартанцев. Как бы там ни было, но что ошибки афинян он подметил верно, вскоре показал сам ход событий. Совершенно неожиданно для афинян Лисандр напал на них, и только восемь триер под командою Конона ускользнули, все же остальные — числом около двухсот — оказались в руках неприятеля. Пленных Лисандр захватил три тысячи и всех казнил. А спустя немного он взял и самый город афинян, сжег их корабли и разрушил Длинные стены.

После этого Алкивиад в страхе перед лакедемонянами, которые владычествовали теперь и на суше и на море, перебрался в Вифинию, увезя с собою огромные богатства, однако еще больше оставив в своей крепости. Но в Вифинии его обобрали тамошние разбойники-фракийцы, и, еще раз потеряв немалую долю своего имущества, он решил отправиться к Артаксерксу в надежде, что царь, узнавши его, оценит не меньше, чем прежде ценили Фемистокла. Тем более что и цель у него более благородная: ведь он не собирался, подобно Фемистоклу, предложить свои услуги для борьбы против сограждан, но хотел действовать в интересах отечества, против его врагов, и для этого просить помощи у царя. Алкивиад полагал, что Фарнабаз скорее, чем кто-либо другой, обеспечит ему удобства и безопасность в пути, а потому приехал к нему во Фригию, поселился там и, оказывая Фарнабазу все знаки почтения, в свою очередь был у него в чести.

38. Афиняне горевали, утратив первенствующее положение в Греции, но только теперь, когда Лисандр отнял у них и свободу и передал власть над городом Тридцати, когда все погибло безвозвратно, они начали приходить к тем соображениям, которые, будь они приняты в расчет своевременно, могли бы их спасти; они сокрушались, перечисляя свои заблуждения и промахи, и самым непростительным среди них признавали вторую вспышку гнева против Алкивиада. И верно, ведь он ушел в изгнание без всякой вины, меж тем как они, рассердившись на его помощника, постыдно лишившегося нескольких кораблей, куда более постыдно лишили государство самого опытного и самого храброго из полководцев. Но в этих тяжелых обстоятельствах у них еще теплилась смутная надежда, что не все потеряно для Афин, до тех пор пока жив Алкивиад. «И прежде, — рассуждали они, — оказавшись на чужбине, он не захотел жить в праздности и покое, и теперь, если только найдутся к этому какие-нибудь средства, не останется равнодушным свидетелем наглости лакедемонян и буйства Тридцати». Мечтания народа не лишены были здравого смысла, поскольку и Тридцать, со своей стороны, тревожились и старались выведать, что делает и что замышляет Алкивиад, придавая этому первостепенное значение. В конце концов, Критий стал внушать Лисандру, что спартанцы не смогут уверенно властвовать над Грецией, если в Афинах возобладает демократический способ правления, и что, хотя афиняне готовы отнестись к олигархии вполне терпимо и даже благожелательно, Алкивиад, пока он жив, не даст им примириться с существующим положением вещей. Лисандр однако согласился с этими доводами не прежде, чем от спартанских властей пришла скитала, предписывающая умертвить Алкивиада; вероятно, и в Спарте боялись его беспокойного нрава и страсти к великим делам, а может быть, просто хотели угодить Агиду.

39. Лисандр отправил Фарнабазу письмо с просьбой исполнить это распоряжение, а тот поручил дело своему брату Багею и дяде Сузамитре. Алкивиад в то время жил с гетерою

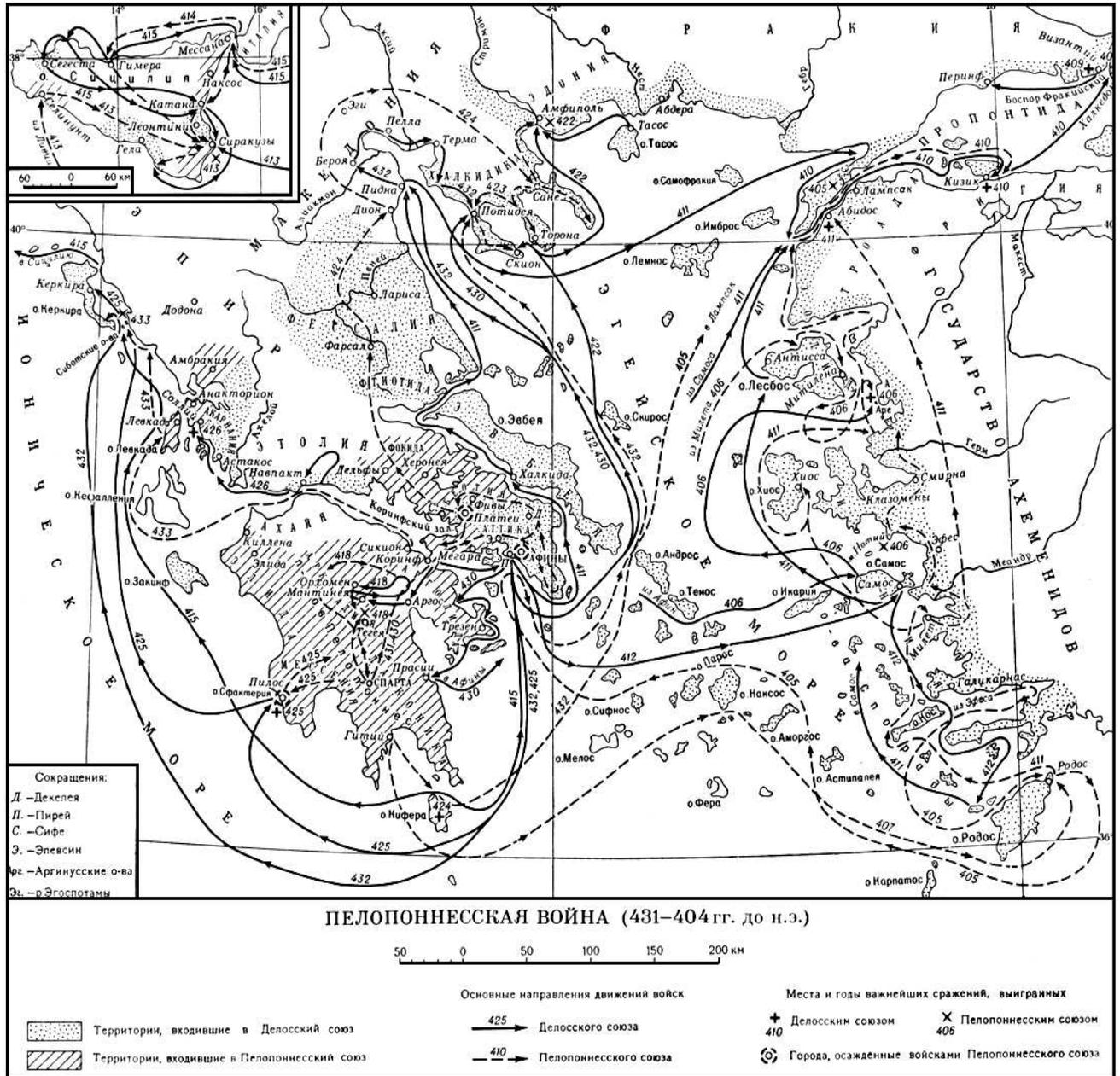
Тимандрой в одной фригийской деревне, и как-то раз увидел вот какой сон. Приснилось ему, будто он одет в платье своей возлюбленной, а она прижимает к груди его голову и, точно женщине, расписывает лицо румянами и белилами. По другим сведениям, ему казалось, что Багей отсекает ему голову и сжигает тело. Но все согласны, что видение явилось Алкивиаду незадолго до смерти.

Перевод С.П. Маркиша

Вопросы по тексту источника:

1. Что – в трактовке Плутарха – стало причиной перехода Алкивиада на сторону спартанцев? При каких обстоятельствах он вернулся в Афины?
2. По какой причине Алкивиад был вновь изгнан из родного города? Как это характеризует политический режим в Афинах в этот период?
3. Какова была судьба Алкивиада?
4. Дайте оценку полководческим способностям и личностным качествам Алкивиада.

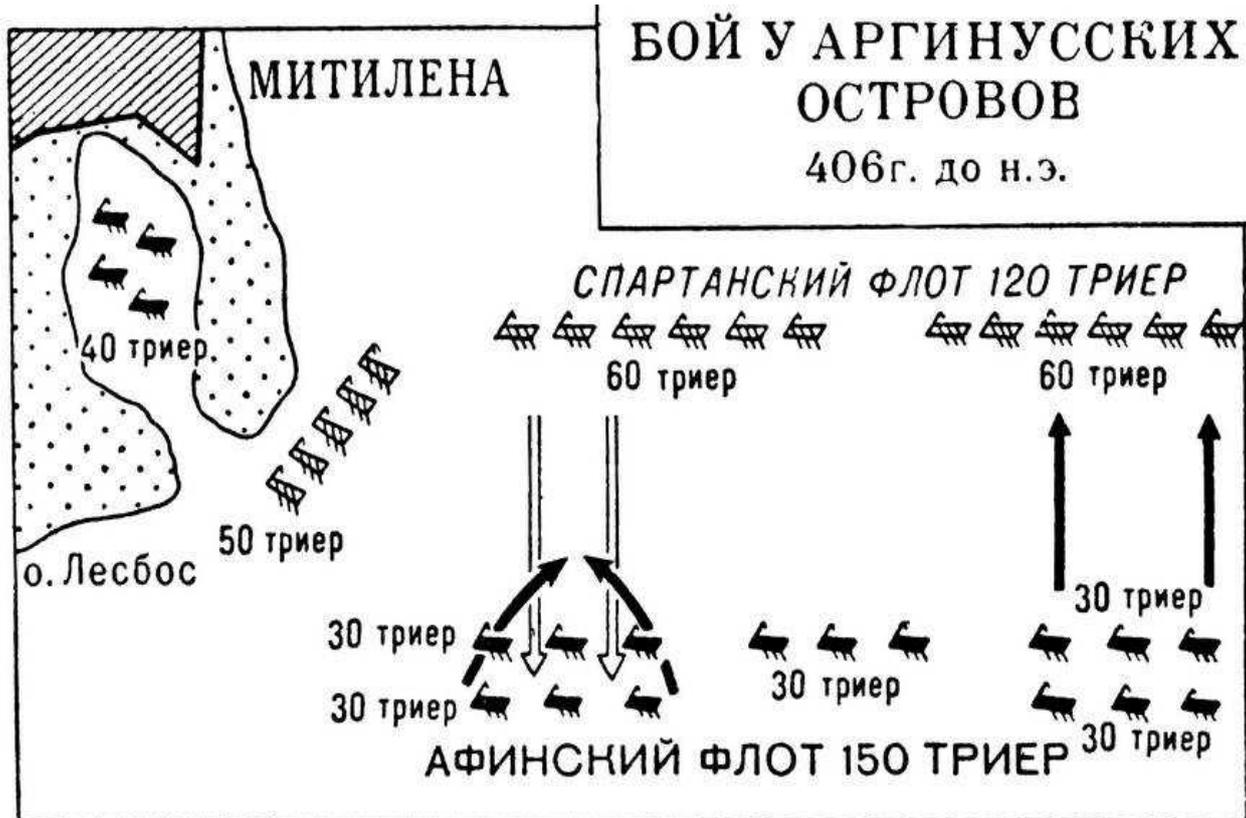
Карта 1.

Задание по карте:

1. Проследите маршруты основных походов афинских и спартанских войск в период Пелопоннеской войны.

Схема 1.

Задание по схеме:

1. Расскажите о ходе сражения у Аргинусских островов.